

РОМАН ЛУНЕВ

Приключения
в Новом мире

Роман Константинович Лунев

Приключения в Новом мире

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69297943

SelfPub; 2023

Аннотация

Это моя первая книга, которая была издана в 2000 году в городе Хабаровске. Книга задумывалась, как начало цикла из нескольких повестей. Однако, только сейчас я решил вернуться к ее созданию. Вступительную статью для Приключений в Новом мире написал журналист газеты "Молодой Дальневосточник" Юрий Дмитриевич Шмаков. С ней вы можете ознакомиться в тексте книги. Сейчас, с течением времени, я, конечно, согласен со словами Юрия Дмитриевича о том, что повесть "не сделала погоды в отечественной фантастике". Однако, я присоединяюсь и к его пожеланию к читателям ознакомиться с ней и надеюсь, что они получат удовольствие от легких приключений, пришедших в голову молодому человеку. И станет прологом к более интересным книгам, понять которые без нее будет не совсем просто.

Содержание

Отзыв на повесть Романа Лунева «Приключения в Новом Мире»	4
Часть первая. Жемчужина Танора.	7
Часть вторая. Рыцари моря	76
Часть третья. Похищение	112
Часть четвёртая. Возвращение в Танор.	144
Часть пятая. Сын Ратмира.	178
Часть шестая. Сокровища России	216

Роман Лунев Приключения в Новом мире

Отзыв на повесть Романа Лунева «Приключения в Новом Мире»

Современная фантастика (доступ к которой в последнее десятилетие стал открытым для российских читателей) достигла, на мой взгляд, пика и переживает определенный кризис.

Во-первых, ее корифеи своим творчеством доказали, что фантастика – не «Золушка», а часть единой мировой литературы. Однако, планка, поднятая ими на высоту настоящей литературы, практически, недоступна для сегодняшних авторов в России: литературное мастерство – удел единиц, избранных Богом (если он есть).

Во-вторых, территория Страны Фантазии истоптана, ничего нового в последние годы, практически, не появилось. Какое из направлений ни взять – мы видим сияющие вершины (социальная фантастика – Воннегут, Стругацкие, Шекли; фэнтези – Толкиен, Урсула ле Гуин, а рядом – «холмы»

апологетов – «северо-западников»). Насчет же мистической, политической и прочей беллетристики – ее завалы в книжных магазинах говорят сами за себя.

Тем не менее, молодые авторы берутся за перо (точнее, садятся за компьютер), чтобы попытаться сказать что-то свое. Таков и Роман Лунев. В его повести (или небольшом романе) «Приключения в Новом Мире» есть попытка создать свою фантастическую модель будущего – написать о Мире, который стал иным – геополитически, технологически и т.п. О планете Земля после нового передела. Эта модель интересна тем, что, при (быть может) некотором заимствовании деталей, является оригинальной. «Сотворить» свой Мир – это мечта любого автора, относящегося к своей работе серьезно. На мой взгляд, Роману Луневу это во многом удалось. А задача эта – творческая – достаточно трудна: придумать историю, географию, государственное устройство для Нового Мира; описать ландшафты, на которых разворачивается действие (джунгли, океан, амурская тайга, города и т.п.); и создать запоминающихся героев. Эту задачу для себя Роман Лунев решил.

Создан Новый Мир – и он стал ареной для приключений героев. Автор выбрал жанр авантюрной повести, позволяющий героям попадать в смертельно опасные переделки и в соответствии с законами жанра выходить из них победителями, есть в повести благородные герои, пираты, злодеи и, конечно, любовь. И даже – «дальневосточный колорит»: Рат-

мир Романов попадает на Нижний Амур в поисках сокровищ – и дальневосточным читателям эта глава будет по-особому интересна.

Ну, а вся повесть? Думаю, что любители авантюрной фантастики прочтут ее с интересом – она оригинальна, не банальна, не вторична (в целом), в ней есть динамика и вызывающие симпатию герои. Конечно, во многом эти герои схематичны и, если так можно выразиться, «кинематографичны», но для приключенческой фантастики это не самый большой недостаток. Нет смысла говорить и о каких-то языковых особенностях, индивидуальном стиле автора – этого просто нет. Повесть написана грамотным русским языком, каковым писано 99 процентов вышедшей в свет отечественной фантастики и столько же – переводной. Для массовой фантастики, фантбеллетристики это не достоинство или недостаток, а реальность.

Повесть Романа Лунева, по моему мнению, вполне имеет право на выход к читателю. «Погоды» в фантастике она не сделает, сенсацией в отечественной НФ не станет, по доставит читателям, особенно молодым, удовольствие.

А главное – автор молод, и – все еще впереди. Первая повесть, увидевшая свет, может стать хорошим трамплином в дальнейшем освоении жанра.

Юрий Шмаков, журналист

Часть первая. Жемчужина Танора.

1

Из подъезда пятиэтажки вышли двое парней.

– Сегодня опять вечеринка, не пора ли прекратить и немного поучиться? – заметил один.

– Учиться, Ратмир, будем в институте, в школе не учатся, а готовятся к нему, – ответил второй. – Ты вот лучше скажи: ты присмотрел себе подружку, с которой тебе не стыдно было бы показаться на вечере?

– Василёк, неужели у тебя не хватает ума, чтобы вовремя сменить пластинку? – вопросом ответил ему Ратмир. Потому что второго из двух собеседников звали именно так: Ратмир Романов.

– А ты, как всегда, в своем репертуаре. Впрочем... сегодня будут несколько новеньких девчонок, их приведет Андрей Разумовский, так что ты сможешь выбрать себе по вкусу.

– Может быть. Но мне, честно говоря, пока что ни одна не приглянулась.

– Нет, – (у Василия Верещагина, лучшего друга Ратмира, от возмущения даже дух перехватило), – вы взгляните на него! Вокруг него вьется столько красоток, а ему они, видишь ли, не нравятся! Ты хоть из жалости к ним снизошел

бы. – В возмущении Василий с разбегу стукнул ногою по одной из опор полуразвалившейся и засыпанной всяким хламом арки, непонятно зачем воздвигнутой недалеко от центра города (друзья как раз проходили мимо нее). – Так вот!

Ратмир поднял голову и увидел: сверху на друга рушится кусок кладки, потревоженной ударом. Он резко толкнул Василия, сам бросился вперед, чтобы не попасть под удар. Ему показалось, что он нырнул головой в какой—то кисель. Замелькали в глазах звездочки. И он потерял сознание.

– Оу, маин гот! Что делать, что делать? – проговорил Ратмир,

приподнимая голову. – И где, черт возьми, я оказался? – (Он сел. Огляделся). – Куда меня черт занес? Ну, если это Васькина работа, я ему...

По выражениям, которыми пользовался Ратмир в разговоре с собой, видно: он не являлся «примерным мальчиком», хотя к разряду «трудных» тоже не относился. Парень он был видный, высокий. Черные волосы, серые глаза, спокойные, правильные черты лица. Он учился в выпускном классе одной из школ городка Таежного, дружил со многими одноклассниками. Но близких подругу него не было. Это объяснялось некоторой придирчивостью к слабому полу.

Ответить на свои вопросы Ратмир не мог. Он не помнил, что случилось после того как они с Васькой Верещагиным вышли из подъезда. Вот миленькие шуточки, бросить где-

то в лесу и смыться! Но, впрочем, нет. Это не в Васькином духе...

Ратмир сидел на поляне, заросшей изумрудной травой. Гигантские деревья вокруг уходили кронами в голубую высь. Между ними рос густой кустарник. Сжимая деревья в своих удушающих объятьях, поднимались вверх гибкие лианы, украшенные гроздьями сиреневых цветов. На первый взгляд заросли казались совершенно непроходимыми.

– Здесь, видимо, никто на мои вопросы не ответит, – решил Ратмир. Встал. Направился к лесу.

Кусты имели странный вид. На тонких и высоких стволиках были симметрично расположены тонкие ветки, симметрично же покрытые треугольными листьями. Пробираясь сквозь их сплетение было гораздо легче, чем показалось на первый взгляд. К тому же, эластичные ветки не царапали кожу. Так что Ратмир скоро достиг одного из деревьев-великанов. Взглянув вверх, он поразился той строгой симметрии, с какой были расположены ветви: лишь изредка симметрия нарушалась обломанной веткой. Под деревом валялись сухие листья, сучья и плоды, похожие на огромные желуди. Вообще-то весь лес напоминал очень запущенный парк с аллеями гигантских деревьев, газонами из травы и зелеными насаждениями из кустов. Естественными выглядели только лианы. Ратмир заинтересовался плодами с кулинарной точки зрения и поднял один из них. Но в этот момент откуда-то сверху донесся громкий скрежещущий крик.

В воздухе кружилась какая то здоровенная тварь, похожая одновременно на птеродактиля, лошадь и льва. Сходство с птеродактилем ей придавали огромные перепончатые крылья, маленькая, покрытая морщинистой кожей голова с зубастой пастью, когтистые лапы, а сходство с лошадью – грива и конский хвост. Но, самое главное: верхом на ней сидел человек. Одной рукой держась за гриву твари, наездник другой рукой поднёс к глазам бинокль. Он осматривал лес.

Крик твари насторожил его. Наездник отнял бинокль от глаз, схватился за висевшее при седле ружье. Птеродактиль спланировал вниз.

Ратмир еще не знал, как ему быть. На всякий случай он приготовился дать деру. Но не успел.

На поляну, которую он только что покинул, выскочили из кустов три воина. Их кожа была красноватой, как у индейцев в фильмах, которые Ратмир смотрел дома и у друзей. Двое были в набедренных повязках из белой расшитой материи, головы их украшали султаны из ярких перьев. Вооружены они были луками и дубинками со свинцовыми набалдашниками. Третий, явившийся последним, резко отличался от них: одет он был в белую, расшитую золотом и драгоценными камнями тунику, голову его венчал убор из птичьих перьев царственного зеленого цвета, скрепленный золотом. И вооружен он был иначе: длинная винтовка и короткий меч в богато украшенных ножнах.

Двое первых воинов схватились за луки. Не успели они их

натянуть, как заговорила винтовка наездника. Оба они упали, сраженные пулями. Третий, вскинув винтовку, открыл огонь по наезднику сам. Раненый птеродактиль, издав жуткий вопль, расправил крылья и стал планировать на поляну. Наездник, умело выпрыгнув из седла перед самой землей, оказался рядом с краснокожим. Еще в полете он выхватил меч, и теперь меч обрушился на обладателя зеленого убора. Краснокожий, защищаясь, поднял свой легкий стальной клинок. От страшного удара тяжелым мечом наездника клинок сломался. Краснокожий упал на землю. Наездник вложил свое оружие в ножны и склонился над поверженным противником. Удостоверившись, что тот жив, только потерял сознание, он вытащил из сумки-кармана веревку.

Только сейчас Ратмир понял: хозяин летающей твари — не то что не индеец, но и вообще не человек. Голова наездника была большой, со сморщенной темной кожей, из морщин выглядывали два лишенных век глаза. Рот напоминал собою щель в старом чемодане. По бокам головы были видны два отверстия, служившие, видимо, ушами. На этом лице не было даже намека на нос. Одежанием наезднику служили мешковатого покроя куртка, которой более пристало бы называться балахоном, и широкие, кавалерийского образца брюки. Одежда была сделана из материала, похожего на кожу. Обут он был в мягкие сапоги. Дополняла наряд черная накидка или плащ из неизвестного плотного материала.

Не мудрено: подобный вид склонил симпатии на сторо-

ну краснокожего. Видя, что наездник занят своим поверженным противником, Ратмир тихо выбрался на поляну. Огляделся. Винтовка лежала в траве – там, где была брошена наездником, когда тот прыгал с птеродактиля. Ратмир поднял ее. Передернул затвор, убедившись в наличии патрона. Наездник, услышав звук, тоже – видимо – подумал об этом. Он повернул голову. Но Ратмир уже вскинул винтовку, скомуандовал: «Руки вверх!» Тот стал медленно подниматься, держа руку на рукояти меча. Ратмир решил повторить по-английски: «Хэндс ап!» Это тоже не помогло: странный субъект не торопился поднимать свои руки в черных перчатках. Он скомуандовал по-немецки: «Хэнд а хох!» Наездник стоял, держа руку на рукояти меча, но не двигался.

– Вот дубина! – сказал Ратмир. – Ведь дождетя, что я его пристрелю!

В этот момент подал голос красный воин. Он произнес несколько слов. И вдруг наездник, вынув из ножен меч, бросил его на землю. За мечом последовал пояс с сумкой-карманом и патронташем.

Ратмир облегченно вздохнул, хотя продолжал держать наездника на мушке. Но надо было думать и о другом: как бы объясниться с краснокожим? Воин, не без труда поднявшись, направился в его сторону. Подошел. И произнес, указывая на разоруженного всадника:

– Вы можете опустить винтовку. Он уже никуда не денется. Кем бы вы ни были, приношу вам свою искреннюю бла-

годарность за спасение. Но все же, кому я обязан?

– Ратмир Романов, – произнес Ратмир. – Как вас зовут? – И добавил: – Как вы сказали?

– Неправильно говорю. – (Краснокожий пожал плечами). – Мое имя Куаутемок. Орёл, стремящийся на добычу. Я принц ацтеков.

– А... откуда вы знаете русский язык?

Дело в том, что краснокожий говорил с Ратмиром по-русски. Чисто и правильно. Даже чересчур правильно. Как говорят люди, выучившие чужой язык специально.

Но ответить Куаутемок не успел. Ратмир задал ему новые вопросы:

– Где я? И... может быть, вы объясните мне, что здесь происходит?

– Вы на земле Анауака. Это, – (Куаутемок указал на безучастно стоявшего наездника), – сардукар, один из наших врагов.

– Да какие ацтеки в конце двадцатого века?

– Сдаётся мне, что вы ошибаетесь, – возразил принц. – По вашему календарю, сейчас 3896 год.

– По чьему календарю?

– Календарю теулей – белых людей.

Кое-что сделалось более понятным. Кое-что. Хотя до конца поверить в происходящее означало: поверить, что Ратмир оказался в фантастическом видеофильме. Некоторое время он молча переваривал полученную информацию. Из задум-

чивости его вывел голос принца:

– Нам лучше уйти отсюда, пока не появились другие сардукары. Только необходимо собрать оружие моих товарищей и замаскировать их тела. По приходе в ближайшее селение мы пошлем за ними людей, чтобы похоронить их.

Вместе они собрали оружие убитых и закидали их ветвями. Безоружный сардукар ни разу не проявил желаний убежать. Закончив работу, принц и Ратмир двинулись в путь, конвоируя пленного. Птеродактиль остался на поляне. Уходя, Ратмир еще раз оглянулся на жуткую тварь. Она не двигалась и никак не реагировала на происходящее.

Пейзаж на пути не блистал разнообразием. Все те же гигантские деревья и кустарники, перевитые лианами, создавали приятный полумрак и защищали от палящих солнечных лучей, многолетние отложения опавших листьев глушили шаги. Невидимые в кронах деревьев птицы сопровождали идущих своим разноголосым пением.

Принц вдруг резко остановился. Ратмир, вслушиваясь в птичий щебет, чуть было не налетел на него. Они стояли на опушке леса. С опушки открывался вид на засеянные поля и небольшой поселок, окруженный деревянным частоколом. На полях работали несколько десятков краснокожих. Принц, подозвав одного из них, что-то приказал ему. Индеец, поклонившись, бегом устремился к поселку.

– Сейчас нам принесут паланкины, и мы отправимся в столицу моего отца, – сказал принц Ратмиру.

На дороге, которая вилась меж кукурузных полей, показались два портшеза и десяток вооруженных воинов, сопровождавших их. Ратмир с удивлением заметил: портшезы несут белые люди, прикованные к ним медными цепями.

– Почему эти люди прикованы к носилкам? – спросил Ратмир.

– К сожалению, империя моего отца ведет войну с теулями, – ответил принц. – Но за себя ты можешь быть спокоен, ацтеки знают, что такое благодарность.

Кортеж приблизился. Шедший впереди знатный воин приветствовал принца поклоном. Они обменялись несколькими словами – видимо, приветственными. Затем воин опять заговорил, показывая на Ратмира. Принц ответил. Воин приблизился к Ратмиру и протянул руку открытой ладонью вперед. Принц сказал по-русски:

– Это Араток, касик селения, он приветствует теуля, спасшего принца Куаутемока.

Затем он попросил Ратмира приложить свою ладонь к ладони Аратока, что тот и сделал, выполнив тем самым ответное приветствие. После этого принц поднялся в один портшез, указав Ратмиру на второй.

Кортеж двинулся в дорогу. Два воина повели пленного сардукара к поселку. Ратмир спросил:

– Что с ним будет?

– Его выдадут обратно сардукарам, которые его казнят. Они казнят всех побывавших в плену, – пояснил принц. –

Но ты не беспокойся о нем, сардукары не имеют эмоций, и для них это в порядке вещей.

– Но ведь умирать ему, конечно, не хочется.

– Кому же этого хочется! – рассмеялся Куаутемок. – Но альтернативы у него нет. Сардукары могут питаться только синтетической пищей, он все равно обречен на смерть от голода.

В течение нескольких часов кортеж быстро продвигался по хорошей, тщательно ухоженной дороге, по сторонам которой сменялись живописные пейзажи. Время от времени дорога ныряла под сень леса, временами взору открывались равнины, на которых, в окружении полей и перелесков, пестрели города и поселки. По мере приближения к столице Анауака все больше становилось красивых селений по берегам озер. Некоторые из них имели мощные укрепления, вокруг других оборонительные сооружения только строились. Куаутемок объяснял Ратмиру: граница с сардукарами приближается к столице, император велел создать пояс укреплений, которые могли бы выдержать осаду технически превосходившего противника.

На закате кортеж достиг равнины, залитой водою. В центре нее лежал огромный город. Так, в лучах заходящего солнца, Ратмиру предстала во всем своем величии столица империи ацтеков – Тенночтитлан. Скользящие золотые лучи придавали небывалое очарование каменным стенам, высоким домам горожан, золотым крышам дворцов. Венча-

ла городской пейзаж высокая громада Теокалли – культовой горы, на которой располагались храмы и жертвенники.

Когда позади остались дамбы, обсаженные плавающими садами, и защищавшие их форты, солнце уже село, к воротам столицы кортеж подошел уже в полной темноте. По ярко освещенным масляными светильниками улицам двигались толпы празднично одетых горожан, всюду слышались веселый говор и смех. Спустя некоторое время Ратмир разглядел среди толпы вооруженные патрули. Но только спустя некоторое время. Воины, которые следили за порядком, будто ставили своей целью не бросаться в глаза, не портить настроение населению. Дома – в большинстве своем каменные, – в два, три, иногда и в четыре этажа, фасады украшены орнаментом и лепными украшениями. На одном из перекрестков принц остановил кортеж и сказал Ратмиру:

– Я – во дворец к отцу. Но тебя взять не могу. Я уже говорил, мы ведем с теулями войну, и в наших землях они могут быть лишь рабами. Но для тебя я этой участи не хочу. Я тебе благодарен за спасение. И еще мне интересно, кто ты, не знающий другого языка, кроме языка Древних Воинов. Тебя отнесут в мой дворец, а завтра мы поговорим. Желаю тебе счастливого вечера и доброй ночи.

– Спасибо, принц, – ответил Ратмир, покосившись на молчаливых носильщиков, которые ждали новый приказ. – Желаю и тебе того же.

Паланкин принца, в сопровождении командира отряда и

большинства воинов, направился в сторону императорского дворца, а паланкин Ратмира, сопровождаемый двумя воинами, – в другую сторону.

У дворцовых ступеней носильщики поставили паланкин на землю. Ратмир вышел. На первой ступени ждали три красивые белые девушки в коротких белых туниках с золотыми и серебряными безделушками. Все трое были скованы меж собой золотой цепью. Они присели, скрестив руки, и один из воинов жестом дал понять Ратмиру, что нужно сесть на это своеобразное сиденье. Девушки подняли его и понесли во дворец. Ратмиру было неудобно. Он привык к мысли о том, что мужчины должны носить женщин на руках. Но видя, что для них это в порядке вещей, успокоился.

Дворец Куаугемока поражал роскошным убранством. Он был совсем невелик, но Ратмир еще не знал этого, да и все познается в сравнении. Большая часть комнат была отделана кедровыми панелями. На панелях были видны фрески – картины из мирной и боевой жизни ацтеков. Некоторые комнаты имели отделку из чистого золота или серебра. А в одной пол, стены, потолок и даже мебель были сделаны из драгоценных камней. Светильники, в которых горело благовонное масло, озаряли покои принца.

Наконец девушки, несшие Ратмира, остановились перед массивной дверью, один из воинов-сопровождающих распахнул ее и знаком предложил ему входить. Ратмир встал на ноги, вошел в комнату, мягко освещенную масляными све-

тильниками.

Сопровождающий притворил дверь. «Интересно! – подумал Ратмир. – Выставят ли у дверей стражу?». Но вскоре услышал удаляющиеся шаги и понял, что стражи не будет.

Ратмиру – оказалось – отвели не одну комнату: настоящие апартаменты из нескольких смежных. Узорные ковры на стенах, шелковые занавеси на окнах, мебель представлена несколькими красиво изогнутыми вешалками, которые служили и подставками под светильники, а также – циновкою, застеленной мягкими одеялами и покрывалами; завершал «меблировку» низенький столик, уставленный различными яствами. Вокруг столика – другие циновки, на которые Ратмир уселся, отдав должное всем кушаньям и найдя их превосходными.

После ужина он вдруг почувствовал, что смертельно устал. Слишком много на сегодня волнений и новой информации, которую мозг уже отказывался воспринимать! Сейчас надо просто уснуть и как следует отдохнуть. А потом – будь что будет... Он улегся на циновки, накрывшись одеялом, и уснул почти мгновенно.

2

Проснувшись, Ратмир не сразу вспомнил, где находится. Несколько секунд он глядел в расписной потолок. Память медленно восстанавливала события вчерашнего дня. Нако-

нец Ратмир повернул голову. И увидел: на этот раз он в комнате не один. На циновке возле стола сидела спиной к нему девушка. Она переставляла с подноса на столик разные кушанья. Видимо, услышав шорох, ранняя гостья обернулась. Произнесла по-русски:

– Доброе утро.

Голос был мелодичен и нежен.

– Доброе утро, – ответил Ратмир. – Кто вы?

– Меня прислал принц Куаутемок. Мое имя Алита.

Ратмир сел на постели и еще на несколько секунд задумался, разглядывая собеседницу. Она была белокожей, с длинными черными волосами, карие глаза то и дело скрывались за густыми ресницами. Простые черты лица были пропорциональны и приятны.

– Алита. – наконец произнес он. – Но это же не русское имя. Откуда вы и как здесь оказались?

Глаза девушки выразили удивление, но она ответила:

– Я родилась в Таноре, но несколько лет назад попала в плен к пиратам, и меня продали ацтекам. Меня купил принц Куаутемок, узнав, что я знаю язык, ему не известный.

– Танор... Где это?

– Пожалуй, принц был прав, говоря, что вы – странный гость. А вы, правда, не знаете другого языка, кроме этого?

– В школе изучал английский, из книг помню несколько французских, немецких и японских слов. А вообще-то, правда, только русский.

– Странно, но все же Танор расположен на Пиренейском полуострове.

– Значит, это Испания?

– Это территория древних Испании и Португалии.

«Интересно, но что же Россия?»

Этот вопрос Ратмир задал сначала самому себе, а потом – вслух – Алите. Алита не ответила. Только сказала, что скоро он встретится с Куаутемоком и все узнает от него. А Ратмир решил больше не форсировать событий. Он умылся (Алита подала ему сосуд с водой и таз). За утренним туалетом последовал легкий завтрак. Девушка объяснила, что сегодня Ратмир будет свершать утреннюю трапезу с принцем, сейчас можно лишь перекусить. Впрочем, еды на столике хватало, чтобы плотно позавтракать двоим, а то и троим. Поэтому Ратмир удивился, когда Алита, накрыв стол, отошла и села поодаль на циновку.

– Вы уже завтракали? – спросил он.

– Нет, но рабыням запрещено есть вместе с хозяевами. И к тому же, вам полагается называть меня на «ты».

Услышав такой ответ, Ратмир разозлился и довольно резко сказал:

– Может быть, здесь такие правила, но я не собираюсь подчиняться этим варварским обычаям, по крайней мере – в моей комнате будут действовать законы и правила, к которым я привык. А посему придвигайтесь к столу и не стесняйтесь. – Потом уже мирным тоном добавил: – А насчет «ты»,

пожалуй, согласен, но при условии, что «ты» будет обоюдное. Идет?

Девушка удивленно посмотрела на него, но затем согласно кивнула и придвинулась к столу.

Примерно через час после завтрака в комнату постучали. Вошел индеец в красивых доспехах. Он произвел уже знакомый ритуал приветствия и, когда Ратмир ответил тем же, сказал несколько слов. Среди них были знакомые английские, но большинство казались непонятными. Алита пояснила:

– Это Камок, начальник гвардии и ближайший друг принца.

Он говорит: принц ждет тебя к завтраку.

Ратмир поднялся с циновки и вышел из комнаты, сопровождаемый Камоком и Алитой. Как и вчера, у порога комнаты его ждали носильщицы. И вскоре он уже входил в апартаменты принца. Они казались несколько просторнее тех, в которые поселили Ратмира, но убранство – примерно такое же. Низкий стол посреди комнаты накрыт для двоих, рядом на циновке сидит Куаутемок. Сегодня он – в белом шелковом одеянии, похожем на кимоно. Без украшений и головного убора он выглядит обычным молодым человеком, и только гордый взгляд черных глаз выдает в нем будущего повелителя.

Жестом отослав Камока, принц обратился к Ратмиру с приветствием и пригласил его к столу. Видимо, понимая же-

лание Ратмира узнать свою дальнейшую судьбу, он сразу заговорил об этом.

– Отец уже знает от меня обо всем случившемся. Я просил, чтобы тебе была предоставлена свобода перемещения в наших землях. Также я просил отца наградить тебя. Но отец не хочет и слушать о том, чтобы теуль мог быть свободным в его государстве. Впрочем, лично против тебя он ничего не имеет, ты спас меня, а я буду тебе всегда благодарен за спасение, и ты можешь быть вполне свободен. К сожалению, только на территории моего дворца. Впрочем, если хочешь, через некоторое время ты сможешь покинуть земли ацтеков – и тебя переправят в район факторий теулей. Хотя я и не уверен, что там ты сможешь найти друзей... В любом случае выбор – за тобой.

– Хорошо, я подумаю, – медленно проговорил Ратмир. – Так или иначе, некоторое время придется пользоваться твоим гостеприимством: ведь мне необходимо выучить язык, узнать многое о новом для меня мире и найти в нем свое место.

Принц кивнул головой и некоторое время ел молча, а затем вновь обратился к нему:

– Как ты устроился, не требуется ли чего? Если что-то будет нужно, обращай через Алиту к Камоку, он все устроит.

Ратмир согласно кивнул и поблагодарил.

– Как тебе прислуживает Алита? – справился принц. – Она вообще-то довольно усердна. Я купил ее, чтобы выучить

язык Древних Воинов, но затем привык к ней и оставил во дворце. Я дарю ее тебе на все то время, пока ты находишься здесь, она будет прислуживать тебе и обучать нашему языку, она будет делать для тебя все, что ты пожелаешь, а если провинится – предай ее в руки начальника надзора над рабами, и она станет шелковой.

Ратмир посмотрел на Алиту, которая сидела, опустив взгляд, на циновке, затем – на принца и осторожно сказал:

– Принц, если у тебя действительно есть хоть капля той благодарности о которой ты говоришь, то прошу тебя выслушать мои слова. – Он сделал короткую паузу и посмотрел на собеседника, затем продолжил: – Пойми меня правильно, но там, где я жил раньше, рабство отошло в далекое прошлое как анахронизм. А меня, к тому же, воспитывали в духе уважения к женщине. Поэтому я не могу позволить, чтобы девушки таскали меня по дворцу на руках и чтобы Алита вне своей воли служила мне. Я могу учиться у ней языку, могу общаться с нею, но я не могу приказать ей прислуживать мне, да еще и – выполнять мои желания. Я не лезу со своим уставом в чужой монастырь, но прошу, если я свободен, позволить мне жить по тем правилам, к которым я привык.

Выслушав эту речь, принц расхохотался.

– Клянусь богами, мне еще ни разу не приходилось прослушивать подобный урок вежливости! Это очень хорошо, что ты не боишься. Что ж, я свое слово держу, ты можешь жить в моем дворце по своим законам, если они не вступают

в конфликт с нашими. Я сам думаю, что гораздо приятнее ходить самому. – Затем он повернулся к Алите и сказал: – Алита, на время пребывания Ратмира моим гостем во дворце я освобождаю тебя от всех обязанностей, никто во дворце, кроме меня, не может тебе ничего приказать. Но за это ты будешь учить его языку и просвещать его о наших обычаях. Ты слышала?

– Да, господин.

Прошло несколько месяцев. Под руководством Алиты Ратмир изучал новый для него язык, который был, подобно эсперанто, составлен заимствованиями из разных языков Земли. Хорошей практикой были не только разговоры с Алитой, но и беседы с принцем Куаутемоком, начальником охраны принца Камоком и несколькими знатными ацтеками, которые, как выяснилось, составляли довольно прогрессивный в сравнении с императорским двором кружок. Ратмир привязался к ацтекам, древняя высокая духовность которых сливались с высокой ученостью. Хотя, бывало, он критиковал их. И сам удивлялся, насколько быстро (а главное – искренне) его собеседники пересматривают свои старые взгляды на порядок в империи Анауак.

Вообще, ему казалось: мир, куда он попал, соткан из противоречий. В некоторых вещах, особенно в технике, ацтеки были весьма примитивными. Но, с другой стороны, они сохранили от прежних времен высокую языковую культуру и

спокойно оперировали такими словами, как «альтернатива» или «консенсус». Они исповедовали язычество, но – освобожденное от жестоких человеческих жертвоприношений. На алтари своих богов, как и на могилы предков, они приносили живые цветы. Америка, частью которой являлся Анауак, была населена еще множеством других народов и племен. Но постоянные локальные войны мешали им объединиться для борьбы с главным врагом – сардукарами. За океаном жили теули, которые, в свою очередь, тоже делились на великое множество народов и племен.

Кто такие сардукары, откуда они пришли, Ратмир так и не смог узнать. Однако уже знал, в том числе из собственного опыта: они – агрессивный и опасный противник.

Сардукары теснили ацтеков. Император Анауака, Дэоток, решил компенсировать свои территориальные потери за счет земель одного из племен северной Ирокезской Конфедерации. Ацтеки официально объявили конфедератам войну как прислужникам теулей. Повод был: лазутчики донесли, что в главном городе племени моговков побывал с миссией посланник Танора. Пограничные войска ацтеков атаковали моговков, находившихся на промысле.

Вождь последних, Атог, объявил всеобщий призыв на войну и отправил гонца к верховному вождю Союза Пяти Племен с просьбой о поддержке.

Таков был мир, в котором уже несколько месяцев жил Рат-

мир. Но что случилось в нем? Почему этот мир, далекое будущее, как понял Ратмир, изучая и сравнивая системы летоисчисления теулей, ацтеков, ирокезов и других, – стал именно таким? И, опять же: сардукары. Кто они? Откуда они, столь же агрессивные, сколь и уязвимые странные существа, для которых человеческая пища несъедобна? Что за роль принадлежит им здесь?

3

Во время одного из совместных ужинов в своих покоях принц объявил: император решил лично руководить войсками, вторгшимися в земли могавков.

– Отец приказал мне принять под свое начало «армию левой руки», и завтра мы отправимся к войскам. – Он обратился к Ратмиру: – Мне жаль будет расставаться, но государственные дела прежде всего.

– Куаутемок! – обратился Ратмир к принцу. – Я прошу тебя взять меня с собою, все это время я не только учил язык, но учился владеть оружием и не буду бременем для вас.

– Я уверен, ты сможешь владеть оружием, но ведь ты находишься в безопасности только в моем дворце.

– Но если я затеряюсь среди воинов, мне ничто не будет угрожать, – возразил Ратмир. – К тому же, ты в походе отделишься от императора.

– Да, – задумчиво протянул принц, – моя армия является

вспомогательной.

Видя, что он еще колеблется, взял слово Камок:

– Мой принц, Ратмир может вступить в отряд твоей личной охраны моим заместителем. Кто станет искать белого человека среди гвардейцев?

Что ж, хорошо, я согласен, – сдался, наконец принц. – Выступаем завтра.

На следующий день Теночтитлан провожал войско императора. Настроение у всех праздничное, город украшен флагами и эмблемами царствующего дома (золотой орел, разрывающий когтями змею). Улицы заполнены празднично одетыми людьми. Сквозь толпу, как по волнуемому морю, плывет армия.

Во главе войска, в золотом открытом портшезе, восемь белых рабов несли императора Дэотока, за ним, чуть отставая, двигались портшезы его брата Таваока – справа и сына Куаутемока – слева. За ними шел стройными рядами отряд императорской гвардии – тысяча отборных воинов в золотых доспехах. Далее – отряды гвардии принцев: по триста воинов в серебряных доспехах. Вслед за гвардейцами двигались отряды воинов—ополченцев. Звучали воинственные марши, народ шумно приветствовал свою армию.

Ратмир шагал в рядах гвардии Куаутемока – вслед за Камоком, начальником ее. С виду он не отличался от остальных. Красный грим, такие же, как и у всех гвардейцев, серебряные доспехи... Впрочем, нет. Отличался. Своим вооруже-

нием: винтовкой и мечом, отнятым у сардукара, взятого им в плен. Вооружение ацтеков было слабым. Винтовок ничтожно мало даже у гвардейцев, а в ополчении – так и вообще единицы, запас патронов беден. Мечами вооружены лишь офицеры да немногие из воинов – те, кто сам сумел разжиться трофейными. У гвардейцев были еще копья, луки, стрелы с медными наконечниками, свинцовые дубинки и кастеты. У простых воинов – только мечи из отшлифованного твердого дерева, дубинки, луки, стрелы да копья с кремниевыми наконечниками, а то и просто с обожженными концами. С подобным вооружением трудно рассчитывать на победу. Ирокезские войска, по донесениям лазутчиков, на сорок процентов вооружены огнестрельным оружием. Оружие им поставляли торговые партнеры – танорцы. Торговля велась довольно вяло, ирокезы были очень бедны и расплачивались только со своих полей и промыслов. Но все же...

Выйдя из Теночтитлана, армия аптеков направилась на северо-запад, к границе с землями Союза Пяти Племен. Примерно через два дня пути отряды Куаутемока и Таваока отделились от императорской армии и двинулись на соединение со вверенными им войсками, которые уже вступили в соприкосновение с противником.

Куаутемок догнал свою армию через шесть дней пути, у охотничьего лагеря ирокезов, который она недавно заняла. Штурм лагеря стоил жизни многим воинам и поэтому прежний командующий армией, военачальник Астарок ре-

шил дать армии отдых и дожидаться пополнения. Он имел информацию о том, что к отряду ирокезов-охотников, которые раньше обороняли лагерь, а теперь отступили, тоже двигается подкрепление. Все это он сообщил принцу на совещании, устроенном в шатре Куаутемока. Тут собрались командиры отрядов, командир гвардии принца Камок и – Ратмир, смывший красный грим. Все они склонились над картой, где были отмечены передвижения своих войск и противника. Ратмир поразился тому, сколь тщательно она была выполнена на сшитых меж собой листах бумаги. Настоящее произведение искусства! Согласно ей, все три армии ацтеков движутся по узкому «коридору». Слева «коридор» огорожен горными хребтами, справа – ряд фортов сардукаров.

– Принц, взгляни! – (Ратмир указал на «коридор»), – Не думаешь ли, что это может обернуться для армии ловушкой? Сардукарам достаточно выбросить нам в тыл три отряда из одного из этих фортов, чтобы отрезать нас от Тлателоко. Кроме Тлателоко, поблизости нет городов, за стенами которых мы можем принять бой с надеждой на успех.

– План компании разработан отцом по данным нашей разведки, – ответил Куаутемок – Они гласят, что в пограничных фортах сардукаров сейчас слишком мало войск, их хватит лишь на оборону границы, выйти в поле они не могут.

– Но я вижу на карте железную дорогу, по которой сардукары смогут подвезти запас и подкрепление. В любом случае необходимо создать четвертую армию в тылу первых трех,

чтобы она могла – если сардукары прорвутся – задержать их и дать возможность нам отступить в Тлателоко.

Принц задумчиво потер подбородок.

– Может быть, если бы я командовал компанией, я сделал бы как ты говоришь, но командует мой отец.

– Можно послать ему письмо с предупреждением, – настаивал Ратмир.

– Письмо не произведет на него впечатления. Я знаю отца, он очень упрям.

– Тогда остается ждать и молиться, чтобы мои опасения не сбылись.

На следующий день разведчики подтвердили: к ирокезам подошла значительная помощь. И Куаутемок, действительно, отправил к императору скорохода. Просьбу о подкреплении принц сопроводил кратким изложением слов Ратмира. (Сам Ратмир в письме, естественно, не упоминался). Тем временем армия обустроивала укрепленный лагерь. Шла подготовка к возможной контратаке.

4

Вечером, на четвертый день стоянки в лагере, к шатру принца прибежал командир одной из застав, охранявших укрепление. Он сообщил удивительную новость: к нему только что явился никто иной как сам вождь могавков Атог с белым флагом, в сопровождении нескольких воинов; все

они были верхом на лошадях.

Принц велел командиру заставы проводить парламентариев в свой шатер, а одновременно – созвать всех начальников армии. Приказы эти он отдал спокойным голосом, не изменившись в лице. Ратмир делал над собой усилие, чтобы не засыпать принца вопросами. Хотя вопросы буквально жгли ему язык.

Через четверть часа, когда все были в сборе, вошел Атог. Вождь могавков (следовательно, противник) оказался огромного роста: настоящий великан. Он был в коричневой рубахе с бахромой и таких же брюках. Голову украшал убор из птичьих перьев. На поясе – патронташ, томагавк и револьвер, за спиной – винтовка. Разбитые «высокие мокасины» (что-то вроде легких сапог для промысла и рыбалки) дополняли наряд. Вся одежда была чрезвычайно грязной, по сравнению с Куаутемоком и его товарищами он выглядел бандитом и оборванцем, но на усталом запыленном лице с черными умными глазами можно было прочесть обычную для ирокезов гордую уверенность.

Войдя, Атог поднял в приветствии руку. Принц, ответив тем же, предложил ему сесть па циновки. Атог уселся. Не спеша заговорил.

– В черный час произошло наше знакомство, принц Куаутемок, и я очень жалею, что привез тебе черные вести, – начал он. – Пять дней назад войска сардукаров вторглись в пределы Анауака и заняли большую дорогу, отрезав армию

императора от города Тлателоко.

Говорящего слушали молча. А могавк, вынув из кармана на поясе свинцовую палочку, провел на карте несколько стрел, исходящих из сардукарских фортов, – так же, как показывал Ратмир. Стрелы сошлись в одной точке: у небольшого селения. Дорога отступления для императорской армии была перерезана.

– Узнав о том и рассчитывая, что сардукары, выслав войско в поле, ослабили гарнизоны фортов, император приказал командующему второй армией напасть на сардукарские форты, дабы пробить другую дорогу. Своими войсками он прикрывал наступление второй армии от нас и отказался от переговоров со мною о совместных действиях против сардукаров, – продолжал Атог. – Но у сардукаров появилось новое оружие: пулемет. Он заменяет собою сотню винтовок. Ваша вторая армия, атаковав форты, защищенные пулеметами, понесла огромные потери. Она отступила. Не сумела пробить новую дорогу. Узнав об этом, я оттолкнул от себя воспоминания о старых обидах и отправил императору повторное предложение о совместных действиях. Но он согласился лишь подписать перемирие. И двинул свою армию на прорыв. Я вижу: прорыв невозможен. И я, не жалея лошадей, поскакал к тебе, принц. Немедленно отступай, дабы не попасть в кольцо к сардукарам, как две первые армии!

Ратмир следил за лицами людей, слушавших сообщение

вождя моговков. Удивление, недоверие, боль и тревога за будущее отражались на лицах всех военачальников – кроме Куаутемока. Принц опять был невозмутим. Он не имел права выказать свои чувства, на нем лежит ответственность за все жизни и судьбы – может быть, за жизнь и судьбу всего народа империи Анауак. Только в одном движении он выказал свои эмоции. Он пошевелился, медленно выпрямился на циновке, как бы просыпаясь от кошмарного сна.

– Почему отец не передал мне этого сам, Атог? – спросил он.

– Наверное, пытался. Но сам видишь, сардукары отрезали сообщение. Люди моего народа тоже часто нападают на ваших гонцов и обозы. Они могли убить скорохода, не сообщив мне.

– Значит, отступать мы можем лишь по горной дороге.

– И как можно скорее, – произнес Атог вставая. – Я спешу к моим воинам, которые стараются оттянуть сардукаров на себя. И уношу в душе надежду: империя ацтеков поймет, наконец, что главный ее враг – сардукары, как и главный наш враг, победить мы сможем лишь объединенными силами. Великим днем станет тот день, когда вожди Пяти Племен сойдутся за стол переговоров с императором ацтеков. От этого каждый из нас делается сильнее.

Окончив свою речь, глава моговков выбежал из шатра; через несколько секунд послышался цокот лошадиных копыт. Конь сразу взял с места в карьер. Принц оставался спокоен.

Но приказы, которые он начал отдавать один за другим, были неотложными и срочными. Немедленно, как можно скорее поднять лагерь: у людей теперь будет много работы, и они отвлекутся от черных мыслей. Затем надлежит сделать следующее... А затем... А затем... Военачальники разошлись. В шатре с принцем остались только Ратмир да Камок. Принц провел ладонями по лицу, и Ратмир увидел, насколько гнетут его вести, принесенные Атогом.

– Я боюсь, – как бы отвечая на мысли друга, произнес принц. – Боюсь той ответственности, которая может пасть на меня в случае гибели отца. Мне придется не только наблюдать гибель моего народа, но и управлять им в это страшное время.

– Я понимаю тебя, – ответил Ратмир. – Но, будучи императорским сыном, ты самой природой обязан встать во главе своего народа и вести его... только не к гибели, а к спасению. На этом пути ты не одинок, тебя поддержат вожди Пяти Племен и их друзья из Танора. – При слове «Танор» принц заметно вздрогнул. Ратмир повторил: – Да, друзья из Танора.

– Борись, принц! – сказал Камок. Ни за что не сдавайся. Погибни сам, но спаси свой народ.

Обменявшись такими словами, они склонились над картой.

– Сардукары слишком близко подошли к горной тропе, – говорил принц, ведя по карте мерным отрезком дерева. Они могут выдвинуть отряд с пулеметами и обогнать нас.

– Значит, нам надо сделать то же самое, – ответил Ратмир на его вопрос, высказанный в виде рассуждений. – Пулеметов, правда, нет. Но я предлагаю выдвинуть на тропу, по которой пойдут сардукары отряд, вооруженный винтовками. В наступлении пулеметы менее действенны, чем в обороне.

– Мы едва сумеем набрать сотню винтовок и по полусотне патронов к каждой. Разве этого хватит?

– В русском языке есть такая пословица: на безрыбье и рак – рыба. Повоюем. Только пошли на это дело свою гвардию. Уж мы с Камоком сдержим их.

– Так, а ты владеешь пулеметом? – спросил принц.

– Конечно! – воскликнул Ратмир, вспомнив школьные уроки по начальной военной подготовке. Затем, прикинув, насколько здешние пулеметы могут отличаться от АКМ, добавил: – Разберусь.

– Мне жаль расставаться с тобою, Ратмир. За короткое время мы сумели здорово подружиться, но...

– А ля гер ком а ля гер, принц – закончил фразу Ратмир.

– Это не русский язык! Не язык Древних воинов! Напоминает речь теулей. На войне... как... на войне?..

– Да, мой принц, – на войне, как на войне.

Поутру, когда войско уже готовилось в поход, с заставы привели двух выючных лошадей, нагруженных ящиками с патронами. Их сопровождали конные воины Атога. К полудню отряд гвардейцев под командой Камока и Ратмира оторвался от медленно движущегося войска – отправился на-

встречу судьбе.

...Проснувшись, Ратмир поднял голову и огляделся. Он лежал на своем плаще, расстеленном прямо на земле; подушкой служила куча травы. Вокруг – так же, как и он, – спали гвардейцы, утомленные вчерашней работой.

Вчера около полудня отряд вышел в эту долину: она была определена местом, в котором можно задержать наступление сардукаров. Пообедали. Принялись за рытье окопов. Работали все, кроме нескольких воинов, находившихся в дозоре. И теперь, глядя на свои руки, Ратмир еще раз подумал о том, что он абсолютно не приспособлен работать с землей. Хорошо еще, был хоть какой-то дачный опыт...

Два горных отрога с боков обступали долину, в которой должен был состояться бой. Она имела не более пятисот метров ширины при длине (от опушки леса до начала возвышенности) около километра. Позиция ацтеков находилась выше уровня леса, что позволяло надежно поражать противника огнем, неся при том значительно меньшие потери. Слева и немного впереди нее, на склоне отрога, щетинились колючие кусты. В них Ратмир решил расположить огневую засаду – всех воинов, у которых были винтовки. Сухими ветвями этого кустарника укрепили подходы к позиции, устроив нечто, напоминающее проволочные заграждения. Кроме того, Ратмир попросил Камока выделить пять наиболее метких стрелков: они, расположившись выше позиции, должны

были обезвредить вражеских пулеметчиков, а в случае, если пулеметов не будет, – специально заняться вражескими офицерами. Устройство всего этого съело остаток прошлого дня. И к вечеру воины, выставив охранение, уснули мертвым сном.

Ратмир поднялся на ноги. Отряхнулся. Накинул плащ. «Какая тишина! – подумал он, оглядываясь. Невдалеке синел лес, первые лучи солнца уже золотили вершины лесных великанов, играли на выпавшей к утру росе. Где-то пробовали голоса ранние птицы, природа просыпалась. – А мне, возможно, придется сегодня уснуть навсегда», – закралась холодная мыслишка. Но он отогнал ее. Живой всегда думает о живом.

Ратмир прошел к главной позиции, разбудил Камока и воина-сигналиста. Звук сигнальной раковины вывел воинов из сонного оцепенения: начинался новый боевой день.

Примерно через полчаса застава донесла о приближении сотни сардукаров – передового вражеского отряда. Вскоре он показался на опушке. Сардукары вышли из леса, развернулись в цепь и двинулись к позиции ацтеков. Ратмир предупредил Камока, чтобы тот не вздумал контратаковать, а сам побежал к засаде. Скатившись в окоп, он наблюдал, как сардукары приближались к позиции. Когда те прошли примерно половину расстояния, на них обрушился град стрел. Это было, в самом деле, похоже на град. Ацтекский воин,

прячась за бруствером, выпускал свою стрелу вверх, и она, описав дугу, падала на сардукаров. Ружейных выстрелов с позиции прозвучало всего несколько. Вряд ли все это могло остановить сардукаров. Но это был еще не бой. Это была лишь разведка боем. Потеряв ранеными не более десятка воинов и произведя несколько ответных ружейных залпов, большеголовые фигурки в темных балахонах отошли назад. Стало видно: сардукары тоже окапываются.

Ацтеки смотрели на врагов с презрением. Легкая победа расслабляла их. Особенно – молодых. Но Ратмир понимал: настоящие атаки впереди. Старые гвардейцы держались того же мнения. И после полудня, когда к сардукарам подошло подкрепление, около трехсот врагов начали новую атаку. На этот раз они не разворачивались в цепи: атаковали стеной. Видимо, были уверены, что огнестрельного оружия у индейцев почти нет. Подойдя примерно метров на сто к позиции, сардукары под рев труб бросились в атаку. Ратмир отдал приказ стрелять. И десятки пуль вонзились в плотную стену атакующих, сметая все живое на своем пути. Этот фланговый обстрел заставил бы любой человеческий отряд запаниковать и броситься наутек. Однако сардукары, впрямь, не имели эмоций. Под руководством офицеров они перестроились – опять рассыпались в цепи, и лишь затем начали отступать.

– Сигнал к атаке! – закричал Ратмир.

Взревела сигнальная раковина. Камок повел своих гвардейцев в контратаку. Сардукары бросились бежать. Убегали

они все так же организовано. Без паники. Без эмоций. Однако в этот раз их организованность вышла им, как говорится, боком. Удирай они с поля второпях, не перестраивайся они под огнем, – потеряли бы гораздо меньше своих. На поле насчитали около полутораста трупов сардукаров, за что ацтеки заплатили лишь двадцатью убитыми и ранеными. Преследовать противника Ратмир не велел. Только собрать оружие убитых.

Больше в этот день атак не было, хотя к вечеру к сардукарам вновь подошло подкрепление с артиллерией и пулеметами. Возобновились атаки с утра следующего дня. Гвардейцы отбили за день шесть последовательных атак. И это уже далось дорогой ценой, из более чем трехсот воинов к шести часам вечера осталось не более ста. Они вооружились трофейными винтовками. Но запас патронов шел к концу.

Перед последней атакой все ацтеки собрались на центральной позиции.

– Друзья, – обратился к ним Ратмир, – мы здорово потрудились сегодня на этом поле, осталось несколько часов – и мы выполним нашу задачу. Вы измучены, изранены, но только на нас надеются воины армии принца Куаутемока, и я думаю, что мы оправдаем их надежды.

Последние слова Ратмира утонули в звуках взрывов: началась артподготовка новой атаки.

– По местам! – скомандовал Камок. Затем он подошел к Ратмиру. – Будет последняя атака, друг теуль.

– Да, – ответил тот. – Последняя, которую нам нужно выдержать: ведь ночью они не начнут марша. И мы ее выдержим.

– Да, мы ее выдержим! Умрем, но выдержим! – ответил Камок перед тем как убежать по окопу на другой фланг.

Пренебрегая опасностью быть убитым, Ратмир выглянул из окопа. Ему показалось, что земля встала на дыбы, поднятая взрывами снарядов. Над головой визжали осколки. Лучи заходящего солнца уже не могли оживить почерневшей от пороховой гари травы, и теперь они лишь грозно стекали кроваво-красным по сомкнутым штыкам сардукарских колонн, надвигавшихся на ацтекские окопы. Картина наполнила сердце безотчетным страхом, который сковал движения. Это был страх смерти. Ратмиру показалось: нет, никакая сила в мире не заставит его сейчас поднять винтовку. Но он бросил взгляд на окружавших его ацтекских воинов, прочитал на их лицах те же переживания. И понял: сейчас нужен лидер, иначе они не смогут встретить эту лавину огня, стали и мускулов, что готова их захлестнуть.

– Бей их! – закричал Ратмир и выстрелил. Ему показалось, что его голос покрыл звук взрыва последнего вражеского снаряда. – Огонь!

Ответом на его призыв послужили дружные залпы, которые заставили наступающих сардукаров залечь. Дружные и меткие. Но, увы, последние. Кончились патроны. Сардукары, прорываясь сквозь колючее ограждение, ринулись к

окопам. Им навстречу встали все, кто мог держать оружие, теперь из боя их могла вырвать только смерть.

Ратмир поднялся на бруствер окопа, выхватил из ножен меч и бросился навстречу врагам. Увернувшись от штыка первого противника, он схватился за вражескую винтовку, не позволяя сделать новый выпад, и пронзил его мечом, а затем, подняв на руки, бросил вперед. Мертвое тело своей тяжестью сбило с ног еще нескольких врагов. Все ацтеки уже включились в рукопашную. Им удалось оттеснить первую цепь сардукаров, но к тем постоянно подходили свежие силы. Индейцы опять были прижаты к своим окопам. Ратмир, отбиваясь от нескольких сардукаров, поднялся на бруствер. «Всё, – подумалось вдруг. – Дальше некуда». Не испытанное ране боевое бешенство превратило его в берсерка. Он обрушил на врагов град ударов, зарубив двоих и сардукары отпрянули в разные стороны, но, пронзив мечем третьего противника, и, вырвав окровавленный меч из обмякшего тела, Ратмир потерял равновесие и упал с бруствера в окоп. Короткая боль и вслед за ней – непроницаемый мрак.

5

Ратмир пришел в себя от острой боли: шею как будто пронзили стрелой. Он увидел над собою низкий, провисший брезентовый потолок и два лица: мужское, а рядом – женское.

– Я же говорил, – послышался незнакомый голос. – Необходимо было всего лишь вправить позвоночник.

– Вы волшебник, доктор, – отвечал второй голос. Звонкий. Очень знакомый.

В голове прояснилось. Ратмир понял: лицо и знакомый голос принадлежат Алите.

– Вот мы и опять встретились, – проговорила она.

– Где же, если не секрет?

– В концлагере, – ответил мужчина. – У сардукаров.

Алита помогла Ратмиру сесть. Взору открылся стадион с футбольным полем, трибунами, беговыми дорожками и вышками осветительных прожекторов. Правда, трава на поле была совершенно вытоптана, покрытие дорожек раскрылось, сиденья с трибун были сняты, а сами трибуны более напоминали развалины древнего Колизея, чем современного стадиона. С площадок на осветительных вышках смотрели пулеметы. А там, где сидел Ратмир, под растянутой на кольях парусиной расположился госпиталь для пленников.

– Мне понятно, как я мог очутиться в лагере, – обратился он к Алите. – Но ты ведь оставалась в Теночтитлане!

– Теночтитлан пал, – с грустью ответила она. – Император погиб во время попытки прорыва. Принц Куаутемок занял место отца. Он решил не оборонять столицу. Собирая силы, он отступает на юго-запад.

Ратмир привалился к железной бочке с водой. Спине стало холодно. Доспехи с него содрали сардукары, он остался в

короткой и рваной набедренной повязке.

– Долго ли я был без сознания? – спросил он у Алиты.

– Я не знаю, как до лагеря, но в лагере ты только шесть часов.

– Мы приняли бой шестнадцатого марта.

– Значит, прошло пять дней. Сама я здесь только со вчерашнего дня.

Алиту позвал доктор. Ратмир закрыл глаза. Голова была тяжелой и пустой, хотелось есть. Из задумчивости его вывел голос лежавшего рядом человека:

– Как я понял, вы пять дней были без сознания и, следовательно, пять дней вынуждено постились?

С этими словами он протянул на ладони кусок чего-то съестного, напоминавшее подсолнечный жмых. Ратмир не стал отказываться. Но спросил:

– А как же вы?

– Это мой резерв, – ответил тот. На его заросшем щетиной, грязном лице появилась улыбка. Ратмир заметил и другое: когда-то (не слишком давно) неожиданный собеседник носил маленькие усики и ухоженные баки. – Я на «лечении» только первый день... Вчера я позволил себе обсудить кое-какие острые вопросы с надсмотрщиком на работе – и теперь вынужден хотя бы день отдохнуть. Кстати, меня зовут Виолет Рейн. Был лейтенантом боевого флота Танора.

– Ратмир Романов, – отрекомендовался Ратмир, пожимая собеседнику руку. – Был другом и соратником принца ацте-

ков Куаутемока.

– Другом? Соратником? Индейца? – удивился Виолет.

– Мне повезло спасти принца от сардукаров во время одной из его прогулок.

– А где ты жил раньше? Рат-мир... Ро-ма-нов... Я давно таких имен не слышал.

– Видишь ли, Виолет... – замялся Ратмир. – Это долго объяснять...

Собеседник понимающе кивнул. И по его полуулыбке Ратмир понял, что он принят за бывшего преступника. Или шпиона. Впрочем, разубедить Виолета он не стал, а объяснить, что с ним действительно произошло, он еще и сам себе толком не мог. На этом разговор прекратился. Ратмир, съев предложенный Виолетом жмых, улегся вздремнуть.

Проснулся уже вечером. Никаких неприятных ощущений он не испытывал, кроме голода, но с этим ощущением пока, видимо, придется смириться. Вплоть до того момента, как он сумеет сбежать отсюда. Встал Ратмир уже сам, без посторонней помощи. Сам вышел из-под брезентового полога. Но опять закружилась голова. Пришлось сесть к столбу, поддерживающему брезент. И он не заметил, как открылись решетчатые ворота. Внутрь стадиона потекла медленная унылая река людей. Это были пленники, вернувшиеся с работ. Многие из них, проходя мимо «госпиталя», бросали на два специальных подноса куски жмыха: такие же, как и тот, которым днем поделился Виолет. Краснокожие пленники броса-

ли еду на один поднос, а белые – на второй. (Хотя их трудно было отличить: одинаково измученных и грязных). Ратмир, оказалось, сидел у первого подноса. Возле подноса для белых стоял священник в сутане, с четками в руках: он осенял каждого жертвующего крестным знамением. Из-под навеса за всем этим следили Виолет – и еще десятка два незнакомых: страшно исхудавших, чуть живых от голода.

В колонне жертвователей-индейцев мелькнул Камок. Ратмир поднял в приветствии руку. Хотел встать, но это для него уже являлось проблемой. Камок подошел сам.

– Ты? Я рад! Мы думали: не выживешь.

– Я просто был без сознания. Из-за нарушения какого-то. Врач мне не объяснил, отчего. Но для жизни, как видишь, не опасно.

Подошел давешний священник.

– Доброму христианину не пристало болтать с язычниками, – сказал он Ратмиру. – Разве может быть у вас что-то общее?

– Святой отец, – ответил вопросом Ратмир, – вы католик?

– Да, я из братства Святого Доминика.

– Так вот, падре, я никоим образом не отношусь к вашей консистории, ибо мои предки были православными, а сам я и вообще атеист. Но даже я знаю: для истинной веры все равны, и основа истинной веры – относиться к людям так, как, хотел бы, чтобы люди относились к тебе самому. А здесь тем более не может быть христиан, язычников, мусульман,

белых, черных, красных, здесь все – пленники. И делить на две половины то, чего и так мало... У вас – возражение?

– Сын мой... – с деланным смирением начал священник. – В том положении, в котором мы все находимся, не зная, сколь долог оставшийся нам земной скорбный путь, мы должны вверить наши души Господу...

– К вопросу о душе. Ваша, по-видимому, еще довольно крепко держится в теле. А вот у них, как я заметил недавно... – (Ратмир указал взглядом на людей, умиравших под навесом). – С чего бы так?

Опустив очи долу, падре отвернулся и отошел. Последнее замечание Ратмира угодило в точку. По сравнению с отошавшими пленниками, среди которых были женщины и дети, доминиканец казался на удивление упитанным.

Ратмир отыскал глазами Виолета, беседовавшего с тремя белыми. Позвал его. Моряк подошел. Ратмир представил Камока и Виолета друг другу. Они обменялись приветственными жестами (впрочем, скорее вежливыми, чем дружескими).

Виолет тихо сказал:

– Как ты его! – И сделал жест в сторону удалявшейся сутаны. – Не знаю, Ратмир, кто из вас чаще держал в руках Писание, но ты, явно, нашел там больше знакомых букв.

Падре не остановился. Но Ратмир, как показалось, услышал с той стороны змеиное шипение.

Еще до зари пленников разбудила сирена. Унылый строй

потянулся через ворота наружу. Ратмир пошел с краю и сумел рассмотреть многое вокруг. У ворот несла караул четверка белых людей, вооруженных кинжалами, револьверами, кнутами и одетых в камуфлированные пестрые комбинезоны без погон и такие же пестрые кепи. Здесь каждый получил по куску все того же жмыха, и затем пленников растолкали по вагонам, похожим на теплушки с тормозными площадками. На каждой тормозной площадке стояли двое надзирателей. Проход к поезду был оцеплен сардукарами: у каждого – винтовка с примкнутым штыком. Охрана закрыла двери, заперла их снаружи. Поезд тронулся.

Ехали около получаса с большой скоростью. Остановились. Начался развод на работы. Одни должны были с помощью молотов и железных клиньев откалывать глыбы камня, другие – таскать эти глыбы на носилках, или прямо на руках к железнодорожной линии. Не избавлены были ни женщины, ни дети. Они подносили известь в мешках. Затем это грузилось на платформы и отправлялось... куда? Надо полагать, на строительство новых сардукарских фортов.

Ратмир, ворочая камень за камнем, раздумывал о способах побега. Способы казались все более фантастичными, а сам побег – все менее осуществимым... Примерно часа через два после начала работы он вдруг услышал вопль. Обернулся. И в паре шагов позади себя увидел лежащего человека. Голова его была разбита: грязные русые волосы быстро пропитывались кровью. Липкий от крови камень валялся

рядом. Обеими руками человек сжимал отточенный кинжал. Не самодельный нож из какого-нибудь куска железа. Именно кинжал. Переведя взгляд, Ратмир заметил поодаль огромного индейца. В поле зрения было не меньше тысячи других индейцев, но Ратмир обратил внимание именно на него. Быть может, – потому, что индеец был очень высок ростом? Или – потому, что он кивнул ему головой? Или – потому, наконец, что был то вождь могавков Атог? Охрана уже суетилась, с криками сбегались вооруженные точно такими же кинжалами белые, молча – сардукары с винтовками. Но все они были еще далеко. И Ратмир расслышал:

– Приветствую тебя, друг принца Куаутемока! Этот койот, – ирокез кивнул на раненого, – с утра примеривался тебя зарезать. Слышал я, ты храбро сражался за принца, и не могу позволить, чтобы воин погиб от грязного ножа убийцы. – Наклонившись к раненому, Атог хотел взять кинжал.

Ратмир удержал его:

– Стой, Атог! Если это найдут у него, – то ведь ты уже назвал его убийцей. А если у тебя, – нам не поздоровится.

Проворчав что-то, могавк кивнул головой и взвалил себе на плечи тяжелую глыбу. Сардукары вдруг остановились. Не подошли близко. Два белых охранника взяли раненого, чтобы унести. А Ратмир вдруг догадался... Нет, это была еще почти не догадка. Лишь вопрос. Что происходит? Что произошло? Странное поведение католического падре... Слова о том, что замышлялось убийство... Белый человек хотел на-

пасть на Ратмира... Белые собирают жертвоприношения на один поднос, индейцы – на другой... Здесь явно насаждается расовая рознь! Ее пытаются пропихнуть даже в такое благородное дело, как помощь голодным больным людям. А если кто с нею не согласен... Трудно ли уничтожить человека здесь, где у него гораздо меньше шансов остаться в живых, чем погибнуть?

Вот оно что!

На обед пленникам отвели полчаса. За это время они должны были проглотить холодную похлебку из тыквы, заедая ее жмыхом. После чего работы возобновились и шли без перерывов до восьми вечера. Наконец, пленников погна-ли к уже знакомым вагонам. Еще полчаса езды. При входе в лагерь – еще по куску того же жмыха каждому в руку. И многие опять выстроились перед двумя подносами: отдать свою еду больным.

Спать решили рядом: Ратмир, Камок, Атог... и Виолет, которого явно не задержали на лечении. Он появился уже в темноте. Индейцы при виде лейтенанта смолкли, но разговор мало-помалу возобновился. Надо было еще раз – подробней – обсудить все то, что случилось днем. Еще чуть погодя пришла Алита. Она принесла Ратмиру новость: завтра необходимо остаться в лагере или хотя бы до работы подойти к госпитальной палатке – доктор Дес должен осмотреть его.

– Но ведь доктор сказал, что мне ничего не угрожает! – возразил Ратмир. – Да и чувствую я себя прекрасно.

– Да, я тоже это слышала. Но я сегодня не работала сиделкой, а была на общих работах, и мне так сказал один из надсмотрщиков. В воротах. Когда я их проходила.

Ратмир пожал плечами. А когда Алита удалилась в женскую половину лагеря, спросил Виолета, который считался «старожилом»:

– Виолет! Кто же он такой, этот доктор Дес?

– Алонсо Дес. Был врачом боевого флота. Недолго. Но, по-моему, честный человек, других в офицерскую кают-компанию не допустят. А здесь он помогает нашим больным и раненым. Самое главное, охрана его не трогает: у нас теперь вдвое меньше покойников, чем в других лагерях, а начальник лагеря постоянно получает за это премии.

– Вот что я вам скажу, – возразил Ратмир, – всё это неспроста: ведь сегодня меня пытались убить, а вчера я переехал между вашему священнику тем, что разрушаю насаждаемые им раздоры. Католики, язычники... Кому-то подобные межи выгодны, друзья!

– Может быть, завтра нашего друга попытаются купить? – спросил Атог.

– А что, если мне, действительно, купиться? – оживился Ратмир. – Без помощи извне бежать отсюда невозможно. Ведь ранее здесь побегов не было, Виолет?

– Ну, как же, отсюда убежишь... – буркнул танорец. Но, секунду поразмыслив, добавил: – Только ты не считай их дураками, Ратмир. Они будут плотно наблюдать за тобой.

– Скорее всего, так. А рискнуть все равно стоит. Это – единственный выход. Или кто-то из вас боит...

Ратмир не договорил последнее слово. Индейцев такое подозрение удивило бы. Как все неоправданные подозрения. Да и пылкий танорец, бывший офицер, имел бы право вызвать Ратмира на дуэль за такие слова. Все они могли рисковать. Что им угрожало при неудаче? Смерть? А разве не она грозила всем, остающимся в лагере и отличалась только тем, что могла наступить позже небольшими мучениями?

– Твоя мудрость тебе в подмогу, друг теуль, – скачал Камок. – Ты видишь, что и как тебе делать.

– Пускай они думают, что ты продаешься, – проворчал Атог.

– А отказываться опасно, – резюмировал Виолет. – Поди разбери в толпе, кто кого ударил! Премии премиями, но свое спокойствие они ценят выше денег.

На следующий день, когда пленников увели на работу, Ратмир остался. Но время шло. Вызова к доктору не было. Ратмир решил пойти на поиски сам. Он добрался по трибунам до госпиталя. Но и там доктора не оказалось. Зато дежурила возле умирающих Алита. От нее Ратмир узнал, что доктор – в помещении под трибуной, куда, по его настоянию, будут скоро переносить больных. Ратмир направился туда. (Скорей всего, помещение это раньше служило раздевалкой для спортсменов). И в одной из комнаток нашел того, кого искал.

– Вы хотели меня осмотреть, доктор? Но вы же сами говорили, что у меня ничего серьезного нет.

Голубые, слегка навывкате глаза врача в упор уставились на Ратмира сквозь очки с потрескавшимися стеклами.

– Этот вызов не имеет никакого отношения к медицине и ко мне лично! Вас что, не предупреждали? – спросил он раздраженным голосом. И, уходя заметил: – Мне очень жаль, что я вас вылечил.

– Мне кажется, доктор, – быстро проговорил Ратмир, стараясь задержать врача, – вы не за того меня принимаете...

– А за кого же мне вас принимать, как не за доносчика и провокатора? Мне приходится покрывать таких, как вы, доносчиков, чтобы иметь право оказывать помощь больным.

Голова Ратмира напряженно работала. «Значит, Атог прав!»

Извинившись перед разгневанным врачом, он вышел из-под трибуны и натолкнулся на надсмотрщика в солдатской камуфлированной форме без погон. Тот явно искал кого-то. Ратмир спросил, не его ли тот ищет. Надсмотрщик повернулся к Ратмиру:

– Да, тебя. Где ты пропал?

– Принял вашу милую шутку с доктором за чистую монету.

Надсмотрщик, понимающе кивнув, направился к воротам. Ратмир следовал за ним.

За воротами была площадь, через которую проходили

пленники перед посадкой в вагоны. За ней – скопление домов, в которых жила охрана. К одному из домов лежал их путь.

– Сюда.

В комнате при входе сидел за столом белый человек. Ратмиру вдруг вспомнился доминиканец. Но этот был еще толще. Военный камуфляжный костюм (как у надсмотрщиков, но с погонами) на нем едва сходился. Лысая голова блестела, будто смазанная салом, маленькие пороссячи глазки почти тонули во впадинах над висящими щеками, широкие губы нависали над тройным подбородком. Завершал этот «портрет в жирных тонах» широкий утиный нос.

Несколько секунд хозяин комнаты и Ратмир рассматривали друг друга. Затем Ратмир получил приглашение присесть к столу. Толстяк заговорил.

– Мое имя Бров, Бров Хансон. Я являюсь начальником этого лагеря. Ты, конечно, уже понял, зачем тебя вызвали. Я ложу слишком много сил, чтобы поссорить меж собою пленников и не допустить их организации, а ты, едва появившись, рушишь все мои планы. Ты должен понимать: я этого не допущу. Вчера я приказал убрать тебя, но дело сорвалось. Теперь я хочу предложить тебе службу у меня. Как ты понимаешь, единственной альтернативой является смерть.

– Я это понял сразу. Еще вчера. Но смерти я не боюсь, – медленно проговорил Ратмир. – Мы, конечно, можем сейчас столкнуться. Но я бы хотел знать, какая служба меня ожи-

дает.

– А не много ли хочешь?

– Нет, так не пойдет! – (Ратмир устроился поудобней). –

Если уж продаваться, так подороже.

– А ты наглец, – проговорил Бров. – Откуда ты?

– Был помощником капитана на пиратском судне, – не моргнув глазом, начал Ратмир. – Попал в плен к ацтекам, а там спас жизнь принцу Куаутемоку и в результате оказался в рядах его гвардии.

– А до пиратства?

– До пиратства – мое дело.

– А если я все-таки прикажу тебя убрать?

– Тогда народ распотрошит вас, как кита на китобойной базе. Вот что тогда! Давайте ваше предложение – или отправляйте меня обратно в лагерь. Вам здесь хорошо сидеть, а я с утра не жрамши, и еще не известно, придется ли есть сегодня!

Бров удовлетворенно откинулся на спинку кресла:

– Ладно, ладно. Тормози. Я предлагаю тебе быть информатором. Согласен?

– Нашел дурака, – фыркнул Ратмир.

– Нет, все-таки тебя нужно убрать.

– Конечно, – с готовностью поддержал Ратмир. – А значит, навсегда похоронить мечту о расовой розни... и, как следствие, о вашем спокойствии. Ведь я в их глазах стану мучеником.

– Берешь меня за горло? – спросил Бров. – А ну-ка переверни медаль.

– С удовольствием. Если я куплюсь, то пленники будут обмануты в своих лучших чувствах и не скоро смогут найти себе другого лидера.

– Ладно, твоя взяла. Будешь служить надсмотрщиком?

– Сначала накормите, а потом поглядим.

Бров вызвал конвоира, который ждал за дверью. Ратмир был препровожден в столовую. Затем – на склад обмундирования. А затем – в домик охранников, где ему предстояло отныне жить в отдельной комнатке и спать на настоящей постели.

Через час он – сытый, вымывшийся, приодетый и вооруженный, – шагал назад к воротам стадиона рядом со своим бывшим конвоиром – отныне напарником. Звали того Элиас Питт. Он был очень разговорчив: можно сказать, что рот у него не закрывался. Родословную свою он вел из государства под названием Бретания. Да и похож был на фермера какой-нибудь йоркширской глубинки, где цветет на холмах вереск и спеет под вечно морозящим дождем овес для всемирно знаменитой каши.

– Да ладно, малый! – тараторил Элиас. – Ты вроде не наш, не из Бретании, а сообразил, где пудинг слаще. С виду – ну такой паренек-колледжер, а гляди-ка вот... К нам в охрану ведь все больше ребята с темным прошлым идут. Или... как по-научному? Ре-не-га-ты. Не похож ты, малый, не похож...

А как к пиратам попал?

– Ладно. Не к пиратам. К китобоям. Несчастливая любовь. Она изменила мне. Я ушел в море, чтобы все забыть.

– А-а, тут будет и ей замена! Каких только нет! Лучше взять индеанку, – охотно просвещал Ратмира ренегат. – Они самые покладистые. Но ни под каким соусом не бери танорку. Они хоть и красавицы, но форменные дуры. Впрочем, как и все танорцы. Не так давно одна из них зарезала одного надсмотрщика его же кинжалом. Ну, конечно, мы сумели с нею распорядиться! – похвастался Элиас. Но, перехватив недобрый взгляд Ратмира, тут же успокоил: – Да понимаю, понимаю! Когда я только пришел сюда, меня тоже от этого всего с души воротило, но потом привык. И ты привыкнешь. А сейчас сам Бров с одной бьется, уж и кнутом, и пряником, а та ни в какую. Впрочем я ее тоже понимаю, от одного взгляда на эту жирную свинью всех выворачивает, а она – краса-вица... Работаем мы посменно. Мы завтра – в первую. Сопровождать поедешь. На работы. Ну да подружку скорее присмотришь.

– Я уже присмотрел. Алита зовут.

Элиас замахал руками:

– Нет, все-таки ты мальчишка-колледжер! Она ведь танорка! Я не хочу потерять напарника, только-только его обретаю!

Но Ратмир остался непреклонен – и в тот же вечер забрал Алиту к себе. Сначала она закатила великолепный скандал.

Скандал совершенно настоящий. С искренними, не фальшивыми слезами разочарования и обиды. Но Ратмиру удалось-таки объяснить ей все. А Алита на другой же день передала в лагерь первый приказ Ратмира. Приказ гласил: на время распустил сообщество. И – ждать.

Ждать пришлось две недели. Ратмир провел их с пользой. Собственно, план у него сложился в первый же рабочий день. Достаточно избавиться от напарника и затормозив поезд, открыть засов на двери. Остальное довершат сами пленники, выйдя на свободу. В поезде – двадцать вагонов, из которых всего один занят охраной – двадцатью вооруженными сардукарами. В каждом вагоне – человек по сто. Если удастся открыть хотя бы два из девятнадцати... Ну а если склонить хотя бы одного охранника на сторону восставших? Только вот – кого?

Шагая мимо дома начальника лагеря в столовую для охранников, Ратмир как раз обдумывал эту тему. Дверь дома внезапно распахнулась. Выбежала простоволосая, в разорванной одежде, девушка. За ней, рыча, гнался сам Бров с кнутом, на его одежде была видна кровь. Как потом оказалось, – кровь из раны на руке. Он настиг пленницу и стал избивать ее. Орал при этом так, что, наверное за километр было слышно.

– Ах ты, ..., гордая очень, гордая! Да я тебя камни таскать заставлю, сгною на работах!..

Нет надобности приводить все эпитеты, которыми на-

граждал Бров непокорную пленницу. Ратмир с трудом сдержал себя, чтобы не вступить за несчастную. Ведь тем самым он мог поставить под угрозу план побега. Но ему помог Питг. Бретанец увел напарника от греха подальше, рассуждая:

– Возомнил же о себе, жирная скотина! Иной раз, когда я вижу такие вещи, самому хочется набить кое-кому морду! – Помолчав он добавил: – Раньше, пока не привык, трудно было сдерживаться, а теперь легче. Не стоят они того, чтобы из-за них жизнь свою губить.

Вечером Ратмир узнал от Алиты, что же случилось у Брова. Оказывается, случилось вот что. Вопреки традиции не трогать гордых пленниц из Танора, начальник соблазнился красотой одной из них. Говорили: девушка – не из простой семьи. Кто-то утверждал: она – Жемчужина Танора, дочь танорского правителя. Но, утверждая, сам не шибко верил своим словам. Хотя, во всяком случае, девушка оказалась с характером. Она, как и ожидалось, отвергла его домогательства. Тот попытался взять ее силой. И выяснилось: разговоры о трюке с кинжалом – не просто разговоры. Имеется в виду кинжал, который лежал у Брова рядом с постелью. Если бы начальнику повезло чуть меньше, она вспорола бы ему живот. Алита узнала, что пленницу зовут Анила и что завтра ее, действительно, увезут на мужские работы. Она даже сама готова была поменяться с кем-нибудь и уйти в карьер вместо госпиталя, чтобы там хоть как-то помочь ей.

– Как же тебя поставят на мужские работы? – спросил Ратмир.

– Но ты можешь настоять на этом. Так же, как и Бров.

– Во-первых я не Бров, а Ратмир, и делать этого не буду. Лучше ты сейчас пойди в лагерь и скажи Атогу, чтобы он присмотрел за Анилой и помог ей. Заодно передай: пусть завтра они все постараются сесть в один вагон.

– А я?

– Ладно, – сдался Ратмир. – Иди в лагерь. Но все-таки я – не Бров! Я буду за тебя волноваться!

...Утро Ратмир и Элиас Питт встретили на площадке вагона. Перекрикивая вой ветра и стук колес, Питт пытался выведать у Ратмира, за что и почему тот «выгнал свою танорку обратно». Ратмир отмалчивался.

– Ну ладно, ладно, можешь не отвечать! – надрывался Питт. – Я сам знаю все причины! Я же говорил тебе! Эти танорки – форменные дуры! Какую солидарность с дочерью своего правителя проявила твоя подружка! И тебе пришлось ее выкинуть, то-то будет смеху, если окажется, что Анила – деревенщина! Хотя, ладно, не беспокойся. Найдешь другую. Более покладистую.

В карьере меньшая часть из сорока надсмотрщиков наблюдала за женщинами, большинство – за мужчинами. Причем, поскольку наблюдение за женщинами считалось отдыхом, «удовольствием», все должны были получать его поров-

ну. По очереди. Сегодня, как назло, оно досталось Ратмиру с Питтом. Весь день они просидели в тени скалы: день выдался на редкость знойный, вылезать на солнцепек и подгонять женщин не хотел даже Элиас, а подгонять их самих тем более никто не брался. Примерно за час до окончания работы Питт отправился за «чем-нибудь холодненьким». И добыл пару запотевших кувшинов. Допивая первый из них, он начал:

– Помнишь, я говорил насчет Жемчужины Танора, которую Бров хотел закатить к себе? Так вот, все это оказалось не пустой болтовней...

– ...и она в самом деле дочь правителя? – закончил фразу Ратмир.

– Нет, это ты в самом деле мальчишка-колледжер! Ее, по его приказу, действительно поставили на мужские работы! Таскать камни. Все-таки он большая сволочь.

– Ну и что же? – (Ратмир сделал вид, что зевает).

– Да то! Один индеец, здоровый такой ирокез, весь день помогал ей. А час назад сюда на электромобиле приперся Бров, эта жирная скотина. И сам стал наблюдать за ней, никого к ней не подпуская. В общем, он ее сегодня уморит. Этой работы она не выдержит.

Все оставшееся время до конца рабочего дня Ратмир просидел в тени, как на горячей сковородке. Но вот, наконец, паровозный гудок: финал рабочего дня. Надсмотрщики согнали женщин в колонну и повели к железной дороге. Все

привычно заняли свои места: женщины знали, где окажутся двери вагонов, охрана – где площадки. Подходила и другая колонна: заключенные с мужских работ.

Но там явно случилась какая-то заминка. Со стороны ущелья, куда сбрасывали трупы умерших на работе, слышались женские крики, долетала ругань надсмотрщиков. Элиас устремился туда. Вслед за ним – Ратмир: он еще издали различил небольшую группу женщин, которые о чем-то упрашивали двух надсмотрщиков. А подойдя ближе, понял: танорские женщины, среди которых он видел и Алиту, упрашивали надсмотрщиков не бросать в ущелье Анилу. Она была еще жива. Женщины обещали надсмотрщикам, что отблагодарят их. Те понемногу уступали. Неохотно. С ответными намеками, какой же именно должна быть «благодарность». Но тут снова явился Бров.

– Бросайте эту ... в ущелье, без разговоров! – заорал он.

Видя, что надсмотрщики колеблются, начальник сам потащил девушку за волосы к обрыву. Женщины окружили его. С мольбами они цеплялись за его одежду. Бров разразился бранью, начал стегать вокруг себя кнутом. Женщины, крича от боли, все же не отпускали его. Он вырвался. Но тут перед Бровом, как из-под земли, возник Ратмир.

– Господин начальник лагеря! – поговорил он вежливо. – Зачем вы хотите сбросить в пропасть эту девушку? Ведь она еще жива.

Резкий контраст между манерой разговора в конторе и

здесь на несколько секунд привел Брова в замешательство. А Ратмир продолжал:

– Помните о соревновании между лагерями по предотвращению преждевременной смертности рабочих?

– Мне плевать! В конце-то концов, здесь им не курорт! – буркнул Бров, заметно сбавляя тон. Но тут же, вновь распалаясь, заорал: – Какого дьявола тебе от нее нужно?

– Мне нужно от нее то же, что и вам, – заверил его Ратмир. – В конце концов, мы с вами – коллеги, неужели вы откажетесь поделиться?

Кнут взвился над головой Ратмира.

– Нет, ты в самом деле наглец! Прочь с дороги!

Ратмир выполнил волю начальника: отскочил в сторону. Бров, не глядя под ноги, рванулся вперед. Оступился. Покатился к пропасти. И с визгом рухнул вниз. Точнее, готов был рухнуть. Повис на самом краю.

Брова спас Ратмир. Спас тем, что начальник не выпустил кнутовища из рук, а Ратмир успел ухватиться за конец его кнута, а затем – за ворот его одежды.

Напрягая все силы, он удерживал тушу начальника лагеря, пока не подоспел Элиас. Но даже их общих усилий не хватило, чтобы вытащить Брова наверх. Только при помощи троих других надсмотрщиков им удалось-таки его поднять, и начальник, перевалившись через край обрыва, растянулся на земле. Жирное тело Брова колыхалось от озноба, поросы-чьи глазки расширились. Он лежал несколько секунд. Затем

вдруг вскочил на ноги и с удивительной для его комплекции резвостью бросился к своей машине. На бегу он странно подпрыгивал, все еще сжимая в кулаке кнутовище. Вокруг засмеялись. Но это всеобщее веселье было напряженным: чувствовалось – инцидент не исчерпан. Элиас так и сказал Ратмиру:

– Этим не кончится!

Но Ратмир отмахнулся от него и приказал поместить Анилу в тот вагон, который предстояло охранять ему. Вместе с ней в вагон поднялись еще две девушки-танорки и Алита. Несмотря на то, что женщин не полагалось садить в вагоны к мужчинам, возражений со стороны других надсмотрщиков не последовало. Когда Анилу несли мимо, она едва слышно проговорила:

– Вы зря помешали мне умереть. Вам это ничего не даст, как и Брову. – Голос ее неожиданно окреп, она почти выкрикнула: – Я не буду любовницей ренегата, лучше – смерть!

В ответ на то Ратмир лишь слегка поклонился, направляясь к своей площадке.

...Поезд тронулся. Элиас, сидя спиной к Ратмиру, ворчал:

– Ну какого черта тебе понадобилось вступаться за эту девчонку! Добро бы, она тебя за это отблагодарила, а то еще и прирежет... если Бров тебя сам еще раньше не сожрет. Такие, как ты, мне нравятся. Честно, честно! Хотя, с другой стороны, такие, как он...

Элиас Питт многое хотел сказать. Он еще продолжал вы-

сказываться, когда Ратмир ударил его рукоятью револьвера по затылку. Бретанец свалился на пол без сознания. Он так и не успел решить в тот раз, кто ему больше импонирует: такие, как Ратмир, или такие, как Бров. Ратмир взял его револьвер и кинжал. Огляделся. Прошел по карнизу до двери теплушки. Поднял засов. Крикнул: «Приготовьтесь!» Затем вернулся на площадку – и сорвал стоп-кран. Вцепился в перила: чтобы удержаться на ногах. Скорость была большая, торможение длилось несколько секунд. Состав еще не успел остановиться, когда Ратмир спрыгнул с площадки и побежал к следующему вагону. За спиною он слышал скрип откатываемой двери. Над ограждением тормозной площадки второго вагона показались головы в камуфляжных головных уборах. Ратмир открыл огонь. Надсмотрщики упали. Открыть дверь следующего вагона не помешал никто. Мимо промчались освобожденные им товарищи. Кто-то кричал на бегу: «Ребята, вперед! Надо других обезоружить!»

События развивались стремительно. Надсмотрщики почти не оказали сопротивления: разве что два-три пистолетных выстрела в разных концах. Но конвоиры-сардукары, которые ехали в отдельном вагоне, открыли плотный огонь. Стреляли они из узких окон, взять их было абсолютно невозможно. Повстанцы гибли один за другим. Человек пятьдесят легло в пыльный бурьян по обеим сторонам насыпи, пока Атог с незнакомым могавком сумел пробраться к сцепке, отцепить вагон конвоя и на несколько метров оттолкнуть

его по рельсам. Тогда повстанцы навалились общими силами. Вагон опрокинулся под откос.

– Люди! А теперь – все в разные стороны! – крикнул Ратмир.

Подбежал Виолет, сжимая трофейную винтовку:

– Все удалось, пора и нам уходить! – крикнул он. – Наши уже собрались.

Спустя несколько минут на путях остались только пустые вагоны. И еще один вагон, опрокинутый, – рядом с путями: под насыпью. Стало тихо. Кто желал, – мог услышать звон кузнечиков в пыльном бурьяне, свист ветра, даже плеск ручейка за деревьями. Но вряд ли кто услышал, как последняя, совсем небольшая группа людей в изорванной грязной одежде отступила в спасительный лес. Ратмир и его товарищи ушли бесшумно.

6

Всю ночь отряд пробирался по лесу. Двое ацтеков из гвардии Куаутемока шли впереди, прокладывая путь. За ними следовали еще четверо гвардейцев. Четверо ирокезов несли Анилу. Алита и еще две ганорские девушки старались не отставать от нее. Замыкали шествие Камок, Ратмир, Виолет, два бывших его матроса – и Атог с палицей из ствола небольшого дерева, вывернутого из земли вместе с корнями.

Незадолго до рассвета, когда расположились на краткий

отдых, Атог сказал Ратмиру:

– Погони еще не слышать. Но, скорее всего, они пошлют рейнджеров на крылатых тварях. Я следил за небом, пока мы шли. Нужно удвоить бдительность. И – быть готовым открыть огонь в любой момент. А здесь нам нельзя надолго останавливаться.

К ним подошла Алита:

– Мы не можем больше. Анила бредит. Она не вынесет пути.

Анила была без сознания. Ее голова в короне из русых волос покоилась на коленях одной из спутниц. Прекрасное лицо было бледно, но спокойно. Ратмир подошел к ней. Густые длинные ресницы дрогнули, распахнулись, открыв голубые, будто отражение неба, глаза. Полные красивые губы слегка улыбнулись, отчего на щеках появились ямочки.

– Вам незачем задерживаться из-за меня, – проговорила она слабым голосом.

– Нам и нет нужды задерживаться дольше, чем на четверть часа, – проговорил за спиной Ратмира Атог. – Мы сейчас соорудим в лесу превосходный паланкин, и, если белые женщины наберут мягких листьев, вам будет вполне удобно.

Он жестом позвал своих воинов в лес. Алита и вторая девушка-танорка направились собирать мягкие листья огромного лопуха.

– Господин Романов... – заговорила Анила. – Я приношу вам свои искренние извинения за те слова, которыми я вас

оскорбила несколько часов назад. Я не была посвящена в вашу тайну и надеюсь на ваше прощение.

Ратмир ответил с поклоном:

– Одна ваша улыбка способна заставить замолчать любую обиду. Если это не прозвучит дерзостью, то прошу называть меня Ратмиром.

Анила улыбнулась и кивнула. Затем произнесла:

– Извините мою невежливость. Я закрою глаза.

Даже этот короткий разговор лишил ее сил.

Через четверть часа паланкин из двух длинных жердей и гибких лиан был готов. Алита сделала в нем ложе из листьев и ярких ароматных цветов. Анилу устроили в паланкине. Отряд вновь двинулся в путь.

Ратмир вел друзей на северо-восток – к океану. Будучи среди надсмотрщиков, он успел кое-что разузнать о ходе войны. Бухту, через которую могавки вели торговлю с Танором, обороняли моряки-танорцы с кораблей торгового конвоя. Артиллерия кораблей сопровождения и десанты обратили сардукаров в бегство. Надсмотрщики передавали слух: командир конвоя собирался держать бухту своими силами вплоть до момента, пока положение на фронте не стабилизируется. Эти разговоры сопровождались глумливыми комментариями. Но Ратмир сразу понял: раз уж идти, то – туда. И сейчас отряд держал курс на северо-восток. Там Ратмир мог примкнуть к танорскому конвою, а индейцы – отправиться к своим. До цели – примерно дней пять. Путь на

две трети проляжет по стране, которая хорошо знакома ирокезам. Правда, сейчас здесь хозяйничают сардукары...

Крылатые рейнджеры действительно явились. Однако наблюдатели вовремя дали знать друзьям. Отряд рассыпался, все попрятались, особенно тщательно замаскировав паланкин с Анилой. Атог предложил идти ночами, а днями – отсиживаться в лесу или в скалах. Но Ратмир не согласился. Нужно было спешить. Планы командира танорского конвоя могли измениться. Под влиянием коммерсантов ли, по другим ли причинам, но – могли. Виолет поддержал Ратмира в его мнении. Лейтенант не раз участвовал в конвоях, у него был изрядный опыт, и на основе его танорец сделал заключение: Ратмир, который мог судить о возможных изменениях обстановки лишь логически, – прав. В спор вступил даже один из матросов – Луис Уэльв, который вообще говорил мало, а без приказов и подавно предпочитал молчать. Он взял сторону лейтенанта. Ирокезы и ацтеки, подумав, наконец, согласились.

Ночью погоня отстала. Но следующим днем, около полудня, пара рейнджеров явилась внезапно, и Уэльв не успел как следует спрятаться. Они его заметили. Открыли огонь. Луис выстрелил в ответ. Тем временем успели изготавиться к стрельбе остальные. Передовой рейнджер неловко повис в седле, выпустил винтовку: она тоже повисла, болтаясь на ремне, перекинутом через его шею. Он был мертв. Под

вторым сардукаром был убит птеродактиль. Но этот, второй, проявив чудеса ловкости, в полете сумел пересечь на другого «скакуна». Убитый товарищ мешал ему. Сардукар безжалостно сбросил его на землю. И, пока на земле перезаряжали оружие, успел улететь.

– Да, теперь за нами нарядят настоящую погоню, – заметил Атог, снимая винтовку с шеи мертвого рейнджера.

– И все ж, единственное, что мы можем сделать, – это продолжать путь, – заявил Ратмир. – Будем внимательней следить за небом.

– Хорошо, – подумав, согласился вождь. – Я сам буду следить за небом.

Вторую группу сардукаров – уже под вечер – могавк заметил вовремя. Беглецы укрылись под завалом из деревьев, рухнувших здесь когда-то во время бури. Молодой лес, который поднялся вокруг, был достаточно густым, кроны мешали сардукарам вести прицельный огонь. Пуля нашла только одного гвардейца.

Чтобы сделать второй залп, сардукары должны были развернуть своих птеродактилей. Это дало беглецам передышку. Они встретили врага винтовочным огнем. Рейнджеры пронеслись над деревьями, стали разворачиваться на третий крут. Беглецы не потеряли никого. Два убитых сардукара свалились в лес со своих «скакунов». Два из двадцати. Однако ведь осталось еще восемнадцать!

Третья перестрелка закончилась для сардукаров пятью

убитыми. Но погибли Камок и один из ирокезов. Винтовку Камока поднял Атог.

Следующая атака закончилась гибелью еще двоих рейнджеров и ранением Виолета.

Сардукары решили сменить тактику. Имитируя новую атаку, они направили птеродактилей к земле, а затем, оставив седла, прыгнули в лес. Началась рукопашная. Стрелять стало невозможно: пуля могла поразить своих. Да и нечем было стрелять. У Ратмира патроны кончились еще полчаса тому назад. Держа винтовку за ствол, он нанес ближнему рейнджеру страшный удар прикладом по голове. Потом отбросил винтовку, завладел мечом убитого, напал на другого сардукара. Рядом работали кинжалами индейцы. Атог не забыл и о своей палице. Но со всем этим трудно было противостоять мечам. Сардукары оказались неплохими фехтовальщиками: здесь отсутствие эмоций было им в пользу. Особенно – тот рейнджер, на которого напал Ратмир. Пришлось ему призвать на помощь все свое недавно обретенное умение. Сил ему добавляло и то, что сейчас его меч особенно нужен товарищам. Очередной выпад противника встречен жестким блоком. Клинки зазвенели. Совсем рядом Ратмир увидел лишенные ресниц глаза сардукара. Меч скользнул вниз и прижал к земле клинок противника. Тот попытался провести обводку... но оружие выскользнуло из руки, обтянутой блестящим черным материалом вроде кожи. Меч закувыркался по траве, сверкая в солнечных лучах. Ратмир размахнулся. Те-

перь нельзя промазать! Удар должен быть такой, чтобы все силы собрались в нем! И, обязательно, точный!

Голова сардукара разлетелась, как спелый арбуз.

Ратмир обернулся. Атога с тремя индейцами теснили троих сардукаров. Луис штыком отбивался от троих врагов, не подпуская их к раненому Виолету и к носилкам Анилы. Ратмир бросился туда. Но не успел. Он еще сам не понял, что могло остановить его. Только понял: друзьям он не поможет. Матрос, заколов одного из рейнджеров, сам пал от меча. Танорские девушки бросились навстречу сардукарам. Вцепились в балахон одного из них, повалили его на землю. Кинжал Алигы вонзился сардукару в горло. Падая, сардукар успел убить одну из ее подруг. Второй зарубил обеих уцелевших девушек. Бросился на Анилу. Но Ратмир был уже рядом. Сверкнул меч. Темная голова без ресниц и ушей рухнула в траву. Ратмир устремился на помощь Атогу. Снова упал. Обернулся. И понял: один из убитых врагов волочится за ним. Черная перчатка будто приклеилась к штанине камуфляжных брюк.

...Победа досталась беглецам. Но как дорого стоила эта победа! Из шести ацтеков-гвардейцев уцелел лишь один. Из числа ирокезов – двое. Погибли оба матроса и три девушки-танорки. Тяжело ранен Виолет. Друг еле дышал, когда Ратмир подошел к нему. Черные глаза офицера уже подернулись смертной дымкой, черты лица заострились, бледность проступала на лице, красивые, чувственные губы танорского лейтенанта были бескровны. Он едва смог проговорить:

– Береги дочь правителя...

Кровь густой каплей скатилась из уголка рта, тело конвульсивно вздрогнуло и вытянулось.

Ратмир обернулся к стоящим позади Атогу и трем индейцам.

«Значит, Анила – в самом деле дочь правителя Танора!» – хотел сказать он. Но сказал следующее:

– Друзья... Мы должны их всех похоронить...

Атог первым принялся рыть могилу с помощью двух мечей убитых рейнджеров.

Глубокую яму выкопать уцелевшие беглецы не смогли. Но и устройство мелкой, тесной братский могилы заняло весь оставшиеся день. К ночи они настолько выдохлись, что просто не могли продолжать путь. Лишь наутро отряд двинулся дальше.

Зато их порадовало другое. В лесу, возле тропы, стоял обгоревший резной столб. Отряд вступал в родовые земли могавков. Сардукары не могли контролировать всю захваченную ими индейскую территорию. А ирокезы великолепно ориентировались тут, находили укрытия.

Осталась позади граница с еще заметными следами укреплений. Роль проводника от Ратмира перешла к Атогу. Вождь предложил идти не сразу к большой торговой бухте (трудно угадать, где стоят вражеские подразделения, которые осадили ее!), а к маленькому рыбацкому лагерю в деся-

ти километрах. Там спрятаны каноэ. А в бухту можно войти, когда на море ночь или туман. Друзья приняли это предложение. И вот, на пятый день перехода, беглецы достигли уединенного заливчика, закрытого от взглядов как с моря, так и с берега.

Посреди залива стоял корабль под танорским флагом.

Ратмир даже не удивился: так он устал от бесконечной смены событий за последние дни. Остались невозмутимыми с виду и индейцы.

Капитан корабля Ромен Дюпрен страшно обрадовался, когда узнал в девушке, несомой в паланкине двумя индейцами, дочь правителя Танора, и сразу согласился принять всю компанию на борт.

От Дюпрена беглецы узнали, что конвой, по настоянию владельцев коммерческих судов, только вчера покинул бухту, а его корабль нуждался в ремонте машины, и уйти со всеми он не мог. Его перевели сюда, в закрытый залив. Ратмир, услышав подобное известие, молча взглянул на Атога. Вождь ответил молчаливым, на редкость спокойным взглядом. А капитан Дюпрен заверил всех, что по окончании ремонта судно возьмет курс на север. Там индейцы сойдут на берег и смогут добраться до своих... Именно так все случилось. Притом – очень скоро. Той же ночью. Ремонт завершился быстро. Быстрее, чем думали.

Пока индейцы на палубе готовили каноэ, Атог навестил Анилу в ее каюте.

– Обращаюсь к дочери правителя Танора, – сказал он. – Вот уже почти десять лет могавки ведут торговлю с Танором, мы получаем от вас сети фабричного изготовления, оружие, порох, многое другое. До последнего времени этого хватало. Но сейчас, когда наш общий враг – сардукары – столь усилился, необходимо значительно увеличить торговлю оружием. Я знаю: ваш закон запрещает поставлять крупные партии оружия кому-либо, кроме союзников. И поэтому, от имени вождей Союза Пяти Племен, предлагаю объединить наши усилия в союзе против сардукаров. Свое решение вожди приняли уже давно. Передайте их слова вашему отцу.

– Хорошо, я не только передам Правителю ваши слова, и сама буду просить его о заключении этого союза, – тихо сказала Анила.

Ночью от «Дезера» отошло индейское каноэ. В нем было четыре гребца—индейца. Ну а сам пароход взял курс на юго-восток: к торговому порту Танора – Кадиксу. Рассвет застал его уже в открытом океане.

Часть вторая. Рыцари моря

1

– В этих водах держи ухо востро, – сказал капитан Дюпрен, заступая на ночную вахту. – Пираты рыщут по всей Атлантике. Отбился корабль от конвоя, – и вот они!

Пятые сутки «Дезер» держал курс на восток – на Кадикс. Ни дымка вокруг, ни паруса. Погода стояла великолепная, океан мерно вздымал пологие волны, и большой сухогруз практически не испытывал качки. Это и тревожило команду «Дезера». Они предпочли бы хороший шторм: во время шторма невозможно взять корабль на abordаж и даже обстрелять его, принуждая остановиться.

Утром шестого дня Ратмир проснулся в своей каюте от шума. Его разбудила беготня на палубе. Палуба и переборки, на которых играли солнечные зайчики, мелко дрожали. Механика на нижней койке не оказалось. Ратмир, из-за нехватки кают, делил кров с корабельным механиком, собрав над его койкой второй этаж из стандартных труб и кусков прошитой парусины с судовой кандейки. Аниле Ромен Дюпрен предоставил свою каюту, перейдя на постой к старшему помощнику. Столовался Ратмир вместе с офицерами «Дезера» в кают-компании, а Аниле еду относил стюард в каюту: она ещё не совсем поправилась. Ратмир, быстро одевшись, по-

спешил на мостик: узнать, что же стряслось. Когда он поднялся туда, там уже собрались все офицеры корабля. Они разглядывали сквозь сверкающую оптику корабль, который шёл напересечку примерно в восьми милях.

– Доброе утро, господа, – приветствовал офицеров Ратмир.

– Для кого доброе, а для кого и последнее, – ответил за всех капитан; указывая на корабль, он любезно предоставил Ратмиру свой бинокль.

Оптика значительно приблизила неизвестный пароход, позволяя хорошо рассмотреть его. Тоже сухогруз с низкой надстройкой на корме, увенчанной огромной дымовой трубой, хотя несколько меньше «Дезера» (водоизмещением примерно тысячи в три тонн), а на носу и перед кормовой надстройкой – цельные мачты без стеньг. Но вот уж что отличало пароход от всех других – так это два орудия перед надстройкой. И ещё черный флаг.

Ратмир вернул капитану бинокль. Дюпрен пояснил:

– Он, видимо, заметил нас ночью, а вот мы его прозевали.

– И мы не можем уйти?

– «Дезер» дает максимум двенадцать узлов, а этот пароход – до пятнадцати, – отвечал Дюпрен. – Такие корабли строятся на Бретанских верфях для небольших компаний, которые не могут оплатить участие в конвое: они – быстроходней обычных коммерческих судов.

– Да, – вмешался в беседу штурман, – и именно поэто-

му пираты их особенно ценят. Сколько уже было говорено, чтобы не строили таких кораблей! Все равно они – рано или поздно – попадают в руки пиратов, а мы опять страдаем...

– «Джагерраунт»! – крикнул первый помощник, перебивая. – Это «Джагерраунт»!

– Думаю, часика через полтора-два они начнут ломать нас артиллерией, – усмехнулся капитан. – Но Ромен Дюпрен недаром служил в Боевом Флоте Танора. Меня так просто не возьмешь. – Он бросил через иллюминатор взгляд в сторону кормового балкона. Там матросы быстро, но без особой суеты снимали деревянный палубный настил. Под ним открылся железный люк. Под люком оказалась пушка. Калибр не меньше чем 152 миллиметра – определил Ратмир, когда матросы освободили её от брезента. Орудие было установлено на подъемной платформе. С помощью талей эту платформу подняли наверх. – Вот такие у нас секреты, Ратмир. Да, это незаконно. Хотя, бывает, и господа с конвойных крейсеров рады, что на наших кораблях есть подобные тайники...

А старший помощник заметил:

– Пожалуй, мы ещё успеем позавтракать.

.. Завтрак в кают-компаниии проходил спокойно. Офицерам (из которых многие были вправе повторить те слова, которые недавно сказал Дюпрен), не привыкать было к морским боям. После завтрака капитан Дюпреп попросил Ратмира отправиться к Аниле и оставаться с нею, но тот воспротивился:

– Я владею оружием и моту быть полезен вам, господа, – обратился он к офицерам.

Поэтому через несколько минут, навестив Анилу, он вернулся в рубку (где находились рулевой и старший помощник) и, встав у бокового иллюминатора, принялся наблюдать за пиратским судном.

«Дезер» отделяли от «Джагерраунта» три с половиною мили, когда там, на его мачтах, взвились сигналы. Почти сразу корпус «Дезера» содрогнулся: единственное орудие ответило на сигналы выстрелом. Два орудия верхней палубы пирата окутались еле заметным дымком, и, почти одновременно с падением снарядов, Ратмир услышал звук залпа. В бортах пирата открылись порты, через которые открыли огонь более мелкие орудия.

«Дезер» отвечал, идя переменным курсом, чтобы сбить противнику пристрелку. Огонь обоих кораблей был не слишком точен. Старший помощник объяснил Ратмиру, что на пиратском корабле, как и у них, нет дальномера, и стрельба ведется на глазок. Лишь спустя примерно четверть часа в «Дезер» начали попадать снаряды. Дуэль затягивалась. В бинокль Ратмир видел разрушения на борту пирата, но и «Дезер» страдал от попаданий, каждое из которых сотрясало корабль от киля до клотиков мачт. По мере сближения меткость выстрелов повышалась. Вскоре на борту вспыхнул пожар. Взрыв очередного снаряда расшвырял в разные стороны пожарных, заливавших огонь из шлангов. Ратмир бро-

сился из рубки по трапу вниз, поднял медную «пипку» пожарного шланга и стал косить пламя тугой струей воды. Противник находился уже в полутора милях. С кормы поднялся ещё один столб огня и дыма, раздались крики. Ратмир передал шланг матросу и решил вернуться в рубку. Входной люк распахнулся ему навстречу. Ратмир столкнулся с Дюпреном. Весь окровавленный, в разорванном и обгоревшем мундире, капитан прохрипел:

– Всё, отстрелялись! – И через плечо, оглянувшись, крикнул первому помощнику: – Правый поворот на шестнадцать румбов! На таран!

«Дезер» накренился: рулевой переложил руль. Всё вокруг Ратмира – океан, трап, ключья дыма в воздухе – опрокинулось, наклонилось вправо. Но совершить маневр пароход не успел. Громыкнули ещё несколько взрывов. Рулевой крикнул из рубки:

– Руль не действует!

Беспомощный корабль продолжал циркуляцию, а пират, изменив курс, быстро сближался с ним.

– Все наверх, винтовки к бою! – в рупор скомандовал капитан Дюпрен.

Ратмир видел сверху, как матросы, укрываясь за надстройками, ведут из винтовок огонь по «Джаггерраунту». Пираты отвечали тем же. А когда пиратский пароход вплотную приблизился к циркулирующему судну, с его палубы на палубу «Дезера» посыпались абордажники.

Закипела рукопашная. Оттеснив палубную команду на кормовой балкон, пираты разбежались по кораблю, ворвались в трюм, некоторые атаковали мостик и рубку. Бушлаты матросов и пестрое рваньё, гладко выбритые загорелые лица с бакенбардами по морскому образцу и дико-заросшие бородатые физиономии – всё перемешалось, как осколки в калейдоскопе. Ратмир вёл хладнокровную стрельбу: сначала с трапа, затем – из иллюминаторов рубки. Он выцеливал пиратов одного за другим. И вдруг чуть не уронил винтовку. Люк, ведущий на палубу, открылся. Два пирата выволокли Анилу.

– Товарищи! – заорал один из них. – Вы смотрите, чего мы нашли Робсону!

Множество радостных воплей было им ответом. И Ратмир, сменив винтовку на тяжелый меч рейнджера-сардукара, прыгнул из рубки прямо на палубу. Пираты, которые тащили Анилу, заметили его. Но больше ничего не успели сделать.

– Можете поискать ещё, – напутствовал их он.

Девушка чуть слышно вскрикнула. Ратмир, схватив её за руку, поставил к себе за спину – и обернулся, готовый отразить нападение. Оно не заставило себя ждать. На этот раз врагов было уже шестеро. Со всех сторон они бросились к ним. Атакуя одновременно, пираты мешали друг другу. Тяжелый меч Ратмира плел перед ними сверкающую сеть обороны. Но они постепенно теснили его и Анилу к борту. Ещё двое морских разбойников нашли свою смерть на этом пути.

Но у самого борта, когда Ратмир пронзил третьего и выдернул из его тела меч, труп пирата, по инерции двигаясь вперед, сильно толкнул его. Ратмир потерял равновесие. Он хотел опереться о фальшборт, но рука скользнула в пространстве: за спиной была большая пробоина. Ратмир не удержался на ногах. Рваные края пробоины разодрали на нем одежду, железо впилося в тело. Ратмир не выдержал и закричал от боли. Он даже не успел заметить, как сорвался вниз. Сверху, слабея, слышался полный ужаса и отчаяния крик Анилы. И вдруг всё исчезло. Погас свет, стихли звуки. Соприкосновение страшной рваной раны с соленой водой вызвало шок, который погрузил Ратмира в темноту.

2

Когда сознание вернулось, вокруг были светлые стены. Наверху – потолок, выкрашенный в белую краску. Ратмир лежал на железной койке. Повернув голову, он заметил ещё девять таких же коек, застеленных чистыми белыми простынями. В углу стоял белый железный шкаф, прикрученный к полу винтами; неподалеку от него – топчан, покрытый чистой простыней, и откидной столик, на котором поблескивали хирургические инструменты. Электрический свет заливал каюту. Ратмир откинул одеяло. На нем были короткая белая рубашка и такие же брюки. Под рубашкой угадывалась толстая перевязка. Но боли в боку он не чувствовал.

«Вот сумасшедший мир, никогда не знаешь, что с тобой будет через час! – подумал Ратмир. – Хотя, честно говоря, мне это начинает нравиться». Белая дверь открылась: впустила девушку в белом докторском халате. Девушка заметила, что Ратмир не спит. Улыбнулась полными яркими губами. Подошла к койке. Роста она была невысокого. Чистый, отглаженный белый халат плотно облегал её полную фигуру; впрочем, как заметил Ратмир, полнота ей очень шла, придавая особенную женственность. Волосы скрывались под белым колпаком, кроме одной русой прядки, кокетливо выбивавшейся из-под края головного убора. Серые глаза, обрамленные светлыми, почти незаметными ресницами, открыто смотрели на мир. Брови девушки были приподняты так, словно она чему-то постоянно удивлялась, а курносый носик придавал лицу особую пикантность и какую-то детскость.

– Как вы себя чувствуете? – спросила вошедшая певучим мелодичным голосом.

– Спасибо, неплохо, – отвечал Ратмир. – Могу ли я спросить, где я очутился?

– Конечно. Могу даже сказать, у кого. Вы – на корабле капитана Лигова. Или, как его ещё называют, капитана Удачи. Кстати, это мой отец; А меня зовут Таня. Таня Лигова.

– Ратмир Романов. Значит, ваш отец – пират?

– С какой луны вы свалились? Он – капер, а не пират. Мы нападаем на торговые и военные суда только тогда, когда покупаем патент на каперство от какого-нибудь государ-

ства. Действуем на стороне государственного военного флота. С окончанием войны мы сдаем патент. Отец пунктуален в этом. Будьте уверены.

– Простите, но я, действительно, не разобрался в тонкостях.

– Охотно прощаю. Хотя это и странно. Но кто вы? Вас подобрала в море. Вы были без сознания от раны.

– Я плыл на танорском корабле «Дезер», когда на него напали пираты. Во время боя я упал за борт, разорвав бок о края пробоины.

– Имя и фамилия у вас русские. Значит, вы танорец?

– Не совсем.

– Вообще-то, верно. Сейчас только в Таноре ещё можно ещё встретить русского... Знаете, Ратмир, отец сейчас стоит вахту, но как только сменится, мы зайдем к вам. А сейчас вам принесут поесть. Затем, я думаю, вам необходимо поспать, чтобы восстановить силы. Рана, конечно, не опасная. Но вы потеряли много крови.

Вскоре она ушла. Неразговорчивый стюард принес судки с едой. Подкрепившись, Ратмир заснул. И проснулся от ощущения, что в каюте он снова не один.

Рядом с его постелью сидел крепко сбитый человек лет сорока пяти на вид. На нем был морской мундир без знаков отличия. Мужественное обветренное лицо с крупными чертами, прямой и пристальный взгляд серых глаз выдавали в нем командира, моряка, человека, умеющего сохранять вы-

держку при любых обстоятельствах. Он заметил, что Ратмир проснулся. И – заговорил на русском языке:

– Счастлив приветствовать вас на борту своего корабля. Мы с вами – дети одного народа, исчезнувшего с лица Земли по вине человеческой алчности и жадности власти и по вине своего благородства. Поэтому я рад буду помочь вам, чем только смогу. Но сначала – хотелось бы, чтоб вы рассказали кое-что о себе.

Несколько секунд Ратмир «переваривал» поступившую информацию. В голове назойливо стучало слово: «исчезнувшего».

– Кто вы?

– Танюшка разве не предупредила? Моё имя Лигов. Капитан Лигов. Ещё называют: капитан Удача.

Он говорил неторопливо, с долгими протяжными «о». (Ратмир слышал такую речь в детстве. У дедушки. На Волге). Приятная особенность. Хотя – не более. Но как раз она вдруг переломила ход начинающейся беседы. Ратмир, слово за словом, рассказал капитану всё. Тот слушал не перебивая. Затем долго молчал. Наконец, он заговорил:

– На море возможно всё. Так говорят моряки. Отец ещё, помню, говаривал: на свете бывает и то, чего вообще не может быть. Я верю вам, Ратмир. Не только из-за этих пословиц. Вы, действительно, не знаете многого о нашем мире. Ваше произношение... И ещё: вы использовали несколько слов, вышедших из употребления, но знакомых мне по ста-

рым магнитным записям. Но, повторяю: я вам верю, Ратмир.

– Капитан... Вы обещали помочь мне, чем сможете. Так помогите мне отбить у пиратов Анилу!

– Никто не скажет, что Лигов неблагодарен или не держит свое слово. Я родился, вырос и учился в Таноре, часто воюю на его стороне. Я помогу вам освободить дочь правителя Танора. Как, вы говорили, выглядит пиратский корабль и как он называется?

– «Джаггерраунт». По словам капитана «Дезера», он похож на корабли, которые выпускают Бретанские заводы для мелких компаний, которые не могут оплатить услуги конвойных кораблей.

– Сильный корабль! Но я знаю, где искать его хозяев... Отдыхайте, Ратмир. Набирайтесь сил.

С этими словами капитан вышел из лазарета.

Минуло ещё пять дней. Двигаясь на юго-запад, корабль капитана Удачи «Татьяна» (названный так в честь дочери) достиг базы – небольшого острова в Караибском море. Лигов объявил команде цель следующего похода и приказал начать приготовления. А Ратмиру, во время короткого разговора в своём капитанском салоне, отделанном с самой изысканной роскошью, объяснил:

– Требуется пять дней на переборку машин и очистку подводной части. Максимальный ход у «Татьяны» и «Джаггерраунта» почти одинаков, но без этих процедур мой клипер полного хода не разовьёт. Это время вы можете провести в

экскурсиях по острову. Таня будет вашим гидом.

Ратмир поблагодарил капитана. Что ж, действительно, почему бы не скоротать вынужденный досуг в прогулках по острову? Тем более, что Таня считала: прогулки способствуют окончательному выздоровлению. Медицина Нового мира (в отличие от техники), действительно, творила чудеса, и Ратмир почти не ощущал своей страшной раны.

Перед рассветом Ратмир и Таня спустились с корабля в шлюпку, которая доставила их на берег. Пройдя по молу, вышли на единственную улицу поселка; одну из её сторон образовали дома, среди которых почетные места занимали таверны и притоны, а другую – каменистая набережная. Матросы «Татьяны» проводили свободное время здесь. Но сейчас всё было тихо и чинно. «Веселые бабочки» – особы, специальностью коих было скрашивать матросский досуг, – мирно спали в хижинах, притулившихся среди кабаков. Спали в своих домиках под крышами из пальмовых листьев торговцы и рабочие мастерских – бывшие каперы, которые по возрасту, болезни или увечью не могли участвовать в рейдах.

– Все-таки отец переупрямил их, – сказала Таня Ратмиру.

И объяснила, в чем дело. У пиратов и многих каперов увечные члены экипажей просто выбрасываются на улицу. Капитан Лигов не желал этого. Он желал, чтобы каждый продолжал приносить пользу и получать за это деньги. Но – хотя и странно звучит – долгое время этого не желали они сами. Иной матрос скорее готов был пополнить ряды того почтен-

ного общества, которое издавна носит наименование «бич», то есть «берег». Целыми днями рыться в помойках, просить подавание, вечерами – набиваться в собутыльники к матросам, чтобы новые и старые знакомые поднесли стаканчик (а желательно, и стаканчик с закуской), ночами – раздевать пьяных, которые не могут стоять на ногах, и грабить всех, кто не в состоянии сопротивляться. Всё, что угодно. Кроме одного: кроме работы. Но Лигов не даром слыл капитаном Удачей. Удалось ему переломить и устоявшееся, веками утвержденное общественное мнение. С тех пор на его базе добавился новый жилой квартал. Вот этот, который сейчас миновали Ратмир и Таня.

– Здесь мне не очень нравится, – сказала она. – По-моему, вам тоже будет интереснее на батареях.

Они улицей поднялись на холм. Оттуда по серпантинной дороге, – на высокий каменный мыс, который защищал бухту от северных ветров. Здесь, за гранитным бруствером, стояли восемь шестидюймовых орудий, прикрытых щитами и козырьками из волнистого железа. Вдоль батареи были проложены рельсы; к каждому орудию шёл отвод от основной колеи. На рельсах стояли тележки со снарядами. Где-то в глубоких погребках ждали своей минуты остальные снаряды; для того, чтобы поднимать их на поверхность, была приспособлена система, приводимая в движение энергией отката орудия при выстреле. Артиллеристы жили в казарме на склоне холма – рядом с электростанцией, которая обслуживала

прожекторы. Под этой батареей – внизу, в искусственной пещере, – находилась вторая: она состояла из двух двенадцатидюймовых (305—миллиметровых) орудий. Чтобы попасть туда, необходимо было спуститься на лифте. А ещё Таня сказала: базу сё отца стерегут не только орудия, но и минные заграждения.

С батареи открывался вид на почти весь остров, и внизу был виден небольшой каменный корпус, в котором находились мастерские. Корпус стоял на берегу неширокой, но бурной порожистой реки: она вращала валы, от которых работал весь парк станков. Чуть выше по течению от основного русла был сделан отвод: здесь поток вращал турбину гидроэлектростанции. Несмотря на ранний час, работа шла вовсю: рабочие склонялись над станками. Таня подошла к некоторым из них. Всякий раз они оставляли работу и охотно вступали в беседу. Видно было: все здесь относятся к ней и её отцу с самым искренним уважением. А один седоусый старик с деревянным протезом вместо ноги сказал Ратмиру:

– Дай им бог здоровья на сто лет и дальше! Можно считать, всех нас, здешних, Танюшка выходила. А отец её нам постоянный кусок хлеба дал.

Таня услышала. И вдруг заторопилась куда-то прочь из мастерских. В глубину острова. Хотя, правду сказать, там было на что взглянуть и куда пойти. Никогда и нигде Ратмир ещё не видел таких захватывающе-красивых пейзажей!

В рощах там и тут прятались белоснежные виллы коман-

диров и офицеров кораблей каперского флота. На склонах холмов, изумрудных от высокой травы, паслись стада животных: что-то вроде коров, но крупнее – и с ветвистыми рогами. Таня объяснила: это – кайоны. Местные индейцы вывели их и теперь держат ради мяса и молока. Ратмир уже знал, что животные Нового мира отличаются от животных двадцатого столетия. И, рассматривая мирно жующих ветвисторогих великанов, убедился в этом вновь. Индейский поселок, окружённый тростниковой оградой, открылся взгляду за пастбищами. Вокруг него были возделаны поля кукурузы, бобов, каких—то злаков. А дальше, до самого моря, пестрели среди скал сады и виноградники. Ратмир вспомнил отцовскую дачу в Таежном, на склоне каменистой сопки. Чтобы посадить там дерево, требовалось выдолбить яму, а затем наполнить её плодородной землёй из леса. Судя по обилию деревьев, эта работа велась и тут. Может быть, годами. А судя по обилию плодов на ветвях, старания людей увенчались успехом.

Когда Таня и Ратмир перевалили невысокий, но обрывистый горный хребет в центре острова, был уже полдень. Оба они проголодались. И когда в другом индейском поселке вождь пригласил их к трапезе, предложение было принято с благодарностью.

Русское гостеприимство, которым издревле славились предки капитана Удачи, во всей полноте передалось индейцам. И слилось с древними индейскими обычаями, согласно которым каждый путник – гость и друг, пока он сам не дока-

жет обратного. Таня рассказала: в каждой хижине на очаге круглые сутки стоит котелок с маисовой кашей или бобовой похлебкой, одна из жён хозяина дома постоянно следит за тем, чтобы он не пустел, здесь каждый может рассчитывать на уют и угощение.

Еще Таня рассказала: по обычаю, мужчина этого племени выбирает одну жену, а остальных он должен купить или... похитить с соседних островов, часто по желанию похищаемой. Чем больше у индейца жён, тем больше его уважают в племени. Женщины (кроме первых жён – хранительниц очага) занимаются земледелием, мужчины – рыбной ловлей. Дети пасут стада кайонов.

...Следующий день был отмечен новой экскурсией.

Так пролетели пять дней. Таня ещё на борту корабля, названного её именем, охотно выполняла обязанности хозяйки и гида. "У каперов действовал древний морской закон: ни одна женщина да не ступит на палубу... кроме дочери капитана. Таня выросла на «Татьяне» и правом своим пользовалась вполне, с детских лет изучила до тонкостей жизнь судна. Корабельные закоулки сначала были местом для её игр, затем – для уединённых отроческих размышлений о будущем. Стоит ли говорить, что знала их Таня отлично! Немного хуже знала она этот остров. И – исполняла здесь ту же приятную для себя роль. Ратмир видел: роль Тане, действительно, приятна. Но... образ Анилы, светловолосой дочери правителя Танора, заслонял все другие женские образы.

Наутро шестого дня (если считать с прибытия «Татьяны» на базу) корабль покинул рейд. Под парусами он пересёк Караибское море. Нужно сказать: флагман флота капитана Удачи был, в отличие от большинства других пиратских и каперских судов, настоящим боевым кораблем. Купленный на верфях Танора по подложным документам, он имел всего около полутора тысяч тонн водоизмещения, зато нёс паруса быстроходного клипера и имел паровую машину, позволяющую развивать скорость до шестнадцати узлов. Вооружение его составляли три стодвадцатимиллиметровых орудия, расположенные друг за другом перед фок-мачтой на баке, между фок- и грот- мачтами и за бизанью на юте. Кроме того, по бортам располагались четыре стодвухмиллиметровых орудия и несколько более мелких, не игравших роли в бою, а предназначенных для отражения атак миноносцев.

Тот, к кому направлялся теперь капитан Лигов, носил имя Громила Робсон. Чтобы навестить его на отдалённой базе, нужно было углубиться в ту часть Караибского моря, где попадались боевые корабли сардукаров. Капитан увеличил вахты. И – приказал им удвоить бдительность.

– Можно нарваться на быстроходный крейсер, – объяснил он Ратмиру. – Далеко от своего побережья сардукары не уходят: такой крейсер может принять слишком мало угля. А вот

вблизи берегов они вполне могут нас застать.

Через три дня перехода при попутном ветре взорам вахтенных наблюдателей на марсе грот-мачты открылся остров. «Татьяна» легла в дрейф миль за пять от его берегов. Капитан Лигов приказал сигнальщикам вызвать с острова портовой катер. Вскоре катер появился, огибая крутой мыс, на котором была расположена батарея, защищавшая вход на рейд. Он подошел к борту «Татьяны». С него на корабль поднялся человек в черной кожаной рубашке и таких же штанах, заправленных в сапоги. Он отрекомендовался «лейтенантом капитана Робсона» и вежливо поинтересовался, «какого рожна здесь нужно капитану Удаче».

– Мне стало известно, что вы захватили танорский корабль «Дезер» с товарами, и что, к тому же, на корабле находилась дочь правителя Танора. Я требую выдать мне этот корабль и всех пленников, захваченных на нем.

Таков был ответ.

– Ты сошел с ума, капитан Удача! Слава помрачила твой разум! Ты преступаешь закон, которому подчиняются все каперы и пираты! Чужая добыча неприкосновенна. Хочу напомнить тебе...

– Ты напомнил мне другое, лейтенант: пираты не признают никаких законов, кроме закона силы.

– Что ж! В таком случае, нам больше не о чем говорить. Если ты за полчаса не уберешься из наших вод, мы тебя потопим. Кстати, сардукары нам в последнее время улыбаются.

Это так, для сведения. Ладно, я пошёл!

– Один момент, сударь! Сардукары вам или вы сардукарам? – уточнил Лигов. Но пират не ответил. Он спустился на катер; тот направился в бухту.

«Татьяна», сделав поворот, удалилась от острова миль на восемь. Парили птицы. Плескались дельфины. Безмятежный покой царил вокруг. Только дым над трубой делался всё плотнее: внизу, в котельном отделении, кипела работа. Кочегары поднимали пар в котлах.

Так прошло часа два.

Наконец, в проходе на внешний рейд появился корабль. Это был старый знакомый – «Джагерраунт». Выйдя на рейд, он развернулся и направился к «Татьяне». Лигов повел свой корабль навстречу. На «Татьяне» убрали паруса, и теперь клипер двигался под одними машинами. Расстояние между противниками сокращалось медленно, так как каждый делал не более пяти узлов.

На «Татьяне» продолжалась боевая работа, хотя и не заметная со стороны. Дальномерная площадка на марсе готмачты постоянно передавала дистанцию в рубку, чтобы отсюда сведения по приборам управления огнём поступили к орудиям. Когда стрелка на дальномерной шкале коснулась деления «45 кабельтовых», капитан Лигов отдал новый приказ:

– Право четыре румба. Открыть пристрелку.

... Грохот выстрела разнёсся над морем, и недалеко от

вражеского корабля взвился черный султан из воды и дыма. За пристрелочным последовал залповый огонь всем бортом. Загремела подача, из погребов появлялись беседки со снарядами; оповещая о залпе, бляял ревун. Противник тоже открыл огонь из носовых и бортовых орудий. Но его стрельба была неточной и медленной.

– Взгляни, – указал Ратмиру Лигов, – на один пиратский залп мы отвечаем тремя, да ещё и меткость у нас гораздо выше. Вот что означают дальномер и подача боеприпасов к орудиям, как на военных кораблях!

Снаряды «Татьяны» уже рвали железо бортов противника, а снаряды пиратов падали далеко от неё. Вот на борту «Джагерраунта» вспыхнул пожар. Пираты увеличили ход, стараясь хоть немного уменьшить преимущество противника в меткости, сократив дистанцию боя, но Лигов был готов к этому. Клипер повернул и начал удаляться. Затем – ещё один маневр, другой, третий. Совершая эту серию поворотов, «Татьяна» продолжала обстреливать противника; вот рухнула фок-мачта, пожар свирепствует на всей палубе «Джагерраунта», снарядами снесло дымовую трубу. Но один из вражеских снарядов попал и в клипер. От взрыва содрогнулся корпус, прыгнули стрелки на приборах. По палубе в сторону лазарета промчались санитары с носилками, на которых стонал раненый. Капитан заметил, что противник поворачивает назад. «Татьяна» тоже незамедлительно развернулась и ринулась в погоню, не переставая осыпать врагов снарядами. Ка-

пер мог бы настигнуть свою жертву, тем более что из-за разбитой трубы ход у «Джагерраунта» упал; но, приблизившись на пять миль к острову, «Татьяна» прекратила погоню и совершила новый поворот. Ратмир (надо ли говорить, с каким нетерпением он из рубки следил за событиями!) даже застыл от досады. Но клипер отвернул вовремя. Заговорила береговая батарея, один снаряд даже попал в него. «Татьяна» покинула зону огня. Разрывы снарядов остались позади.

Четверть часа длился бой. Всего лишь четверть часа. Но «Джагерраунт» превратился в обгорелые руины. Теперь он вряд ли скоро выйдет в море для разбоя. Тем не менее, враг скрылся на базе. Капитан Удача не хотел устраивать дуэль с батареями: береговые пушки стреляют гораздо более метко, чем корабельные. Лигов решил дожидаться ночи:

– Зная, что имею превосходство в артиллерийской мощи, я хотел в морском бою вывести из строя как можно больше пиратов, чтобы меньше было противников во время штурма. Это мы сделали, Ратмир... Сегодня на ужин – черепаховый суп. Коронное блюдо нашего кока-индейца.

Ратмиру невольно вспомнились Ромен Дюпрен и его старший помощник. Где они теперь? Что с ними?.. Об Аниле он даже боялся думать, хотя ни на секунду не забывал – просто не в силах был ни на секунду забыть – о ней.

Ужин, впрочем, был краток. Отгорел скорый тропический закат, спустилась безлунная ночь. «Татьяна» вновь подошла к берегу кабельтовых на сорок. Вот клипер остановился. С

его борта прыгнули в воду десять человек: индейцы из личной охраны Лигова. Они поплыли к берегу.

Как десантники пробрались на пиратскую батарею, как сняли часовых, а затем и заняли позицию перед батареей, – этого с клипера никто не видел. На «Татьяне» заметили лишь, как батарейный прожектор поднялся почти вертикально вверх и сразу же опустился. Но сигнал (а это был условный сигнал, что батарея в руках каперов) заметили вовремя. Затемнённый корабль стал медленно приближаться к бухте. Пройдя на внутренний рейд, он бесшумно поравнялся с поврежденным пиратским кораблём. Там заметили опасность. Но... лишь когда капер находился в нескольких метрах от борта. На «Джаггерраунте» послышались удивленные и испуганные крики вахтенных. Однако в тот же момент пираты были ослеплены светом прожекторов. С «Татьяны» грянул винтовочный залп: Лигов заранее приказал матросам-стрелкам выстроиться на палубе, и теперь они открыли огонь. На «Джаггерраунте» закричали раненые. Каждый матрос-капер выпустил по вражескому кораблю целую обойму. И вслед за этим абордажная партия из кочегаров, людей огромной силы, устремилась на вражеский корабль. Вёл абордажников Ратмир.

Он одним из первых оказался на борту «Джаггерраунта». Скорей к капитанской каюте! Удары абордажной сабли градом сыпались направо и налево. Пираты почти не сопротивлялись. Где же их атаман?

Капитана пиратов на пароходе не было.

Каперы спустили шлюпки и направились к берегу. Берег встретил их винтовочным огнём. Комендоры на «Татьяне» не могли помочь десантникам, так как они не видели целей из-за темноты, и в свете прожектора тоже ничего нельзя было различить. Лигов уже хотел дать приказ об отступлении. Но в это время на берегу раздался шум рукопашной. Огонь прекратился. Шлюпки, наконец, смогли подойти к берегу и высадить каперов. Их встретили индейцы. Но индейцев было гораздо больше, чем десантников, покинувших корабль в начале битвы! И один из них сказал:

– Капитан Удача! Мы тебе маленько помогли.

– Местные ребята! – воскликнул кто-то из каперов. – Уловили момент! Видать, было им за что платить Громиле!

Пираты удирали. Каперы преследовали их. Так Ратмир узнал, что на деле означает старинная фраза: «на плечах противников ворваться во вражескую крепость».

«Крепость» представляла собою кучку хижин. Ратмир с тремя матросами и десятком, индейцев рвался к одной: местный индеец указал, к которой именно. Их встретили два пирата – телохранителя. Индейцы буквально растерзали обоих. Отряд ворвался в спальню, чем-то похожую на магазин безумного антиквара: ковры, шелковые занавеси, вазы, груды старинного оружия – всё это вперемешку, грязное, пыльное, залитое вином... И Ратмир увидел Анилу. Она лежала, прикованная к постели наручниками. Девушка

вскрикнула. Ратмир замер.

Откуда-то вылетел ему навстречу огромный пират. Всё лицо его покрывала черная густая борода. Черные волосы были взъерошены. Глаза горели: свет факелов по стенам отражался в них, и зрачки вспыхивали то зеленым, то красным, как у пса. С яростью древнего берсерка он ринулся на вошедших. Два индейца, как котята, разлетелись в разные стороны. Тяжелый палаш рухнул на голову одного из матросов; остальные невольно отпрянули. Ратмир увернулся от второго удара. Резкий ответный выпад. Противник отступил – перешел к обороне. Еще несколько ударов, еще несколько секунд. Палаш отлетел в дальний угол комнаты. Отскочив, пират схватил тяжелый стул и обрушил его на Ратмира. Абордажная сабля разлетелась. Ратмир, оглушенный, упал на пол. Пират бросился к нему. В нескольких сантиметрах от своего лица Ратмир увидел капающие пеной зубы.

– Горло перегрызу... – хрипел пират, захлебываясь слюной и злостью. – Горло... любому... кто...

Анила пронзительно закричала. Остальные – матросы-каперы и индейцы – стояли, как в столбняке. Лишь сам Ратмир в этой немыслимой ситуации сумел сохранить хладнокровие. И это спасло ему жизнь. Он воткнул обломок сабли в шею врага, затем резко рванул, и голова пирата покатилась по полу. Спустя несколько секунд свидетели этой сцены, очнувшись от столбняка, стащили тело пирата с Ратмира, вся одежда которого пропиталась вражеской кровью.

Один из матросов помог Ратмиру подняться на ноги. Он взял у другого матроса саблю. Одним ударом разбил цепи, которыми были прикованы руки Анилы. Девушка, не ожидая, когда её окончательно освободят, приподнялась. Обняла Ратмира за шею, спрятав лицо на его залитой вражеской кровью груди, – и предалась счастливым слезам. Матросы довольно-таки деликатно выпроводили индейцев из спальни:

– Ребята! Давайте-ка поглядим, не спрятался ли кто-нибудь из пиратов в другой комнате. А здесь такое дело...

Затем покинули спальню сами. И прикрыли дверь.

4

Утром, когда Ратмир и Анила на шлюпке подошли к клиперу, сам капитан Лигов с дочерью встретил их у трапа. Ещё раньше он прислал им новую одежду. (Старую, окровавленную пришлось бросить).

– Рад приветствовать вас на борту моего флагмана! Отдельная каюта ждет вас, и как только представится возможность, я постараюсь переправить вас к отцу, – обратился к Аниле капитан Лигов. – Если у вас есть какие-нибудь просьбы, – не стесняйтесь.

– Я очень благодарна вам за помощь и за вашу любезность, но у меня только одна просьба: если это возможно, поселите меня в одной каюте с Ратмиром.

Капитан Удача поклонился и жестом предложил следовать за ним.

За обедом в салоне, где присутствовали освобождённые из плена офицеры «Дезера» и капитан Дюпрен, Лигов извинился, что не сможет здесь отремонтировать «Дезер». Да и «Джаггерраунт», чтобы послужить новому хозяину, тоже требовал серьёзной штокки. Предстояло выйти в море на поврежденных судах и следовать на базу Лигова, где можно осуществить любой ремонт. Тем временем один из каперских кораблей доставит в Танор радостную весть о том, что наследница престола отныне свободна и вне опасности. А затем, без промедлений, – в Кадикс! О выкупе за «Дезер» речи не шло. Капитан Удача заговорил об этом лишь тогда, когда Дюпрен спросил его об этом. Вернее – заявил удивленному Ромену, что никакого выкупа не возьмет. Радость от этого сообщения заставила танорца на время забыть о ранах.

Утром следующего дня три корабля, забрав большинство ценностей, покинули бухту – разгромленное логово пиратов. Каперы отхватили неплохой куш. Золото, драгоценности, множество товаров, боеприпасов, оружие и орудия батареи. Рядом с реестрами добычи в сейф капитана Лигова лег многостраничный список с десятками, даже сотнями фамилий. Это был список освобожденных пленников. Всех их, за исключением богатых людей, которые могли заплатить выкуп, каперы должны были доставить в Европу и отпустить с

миром, По соседству хранился список «весёлых бабочек». С теми у Лигова разговор был краток: отправиться на его базу и там приступить к делу организации матросского досуга в портовых борделях и кабаках – либо вернуться к нормальной жизни, получив для этого вполне нормальные, достаточные суммы денег. Как не странно, многие «бабочки» остановили свой выбор на втором.

Местные индейцы долго провожали каперов на своих челнах, кричали вслед трём кораблям, махали руками.

Возвращение на базу Лигова заняло значительно больше времени, чем плавание от неё до пиратской базы. «Дезер» и корабль-трофей шли медленно, да и «Татьяна» (как говорили моряки) «заметно подустала» в боях. Но все они благополучно достигли конца путешествия.

В своей бухте они заняли место по соседству с ещё одним из пароходов Лигова, который назывался «Ермак»: он вернулся на базу после удачного рейда, и его команда теперь просаживала добычу в веселых домах на берегу. Но это почтенное занятие не помешало всем, кто ещё мог двигаться, выйти на набережную. Даже индейцы спустились с холмов, чтобы встретить победителей. Крики сливались в сплошной гул; над головами вскидывались копья, винтовки и сабли; вверх летели, кувыркаясь, подброшенные шапки матросов и фуражки с офицерскими галунами. Залпы из винтовок и револьверов, повторяясь, вновь и вновь, как волна, пробегали из конца в конец по всей набережной. Пароходы самым ти-

хим ходом следовали через рейд; вокруг них, сопровождая, скользили индейские каноэ, украшенные цветами.

Бросили якоря. Капитан Удача с дочерью и гостями съехал в шлюпке на берег. Через несколько часов он дал на своей вилле шикарный банкет в честь гостей, которым на время жизни на каперской базе отвели виллу одного из офицеров «Татьяны». А утром следующего дня Лигов отправил пароход «Ермак» в Кадикс: с сообщением для правителя Танора.

Спустя две недели на рейде каперской базы бросил якорь танорский боевой клипер. Его командир поспешил на виллу Лигова. Войдя в большую залу, он склонился перед Анилой, а затем обратился к капитану:

– Господин Лигов, ваш «Ермак» своевременно доставил в Кадикс радостную весть. Но увы: новость, которую привёз я, не доставит никому радости. Командующий Боевого Флота Танора послал за дочерью правителя наш «Альгесиарс» – самый быстроходный клипер – потому, что её отец находится при смерти.

Анила вздрогнула и закрыла лицо руками. Когда она вновь подняла голову, в её глазах ещё стояли слёзы. Она сказала:

– Мы не должны терять ни минуты, я хочу застать отца в живых. Когда мы можем выйти в море?

– Как только возьмём угля и пресной воды, – отвечал танорец.

В разговор вступил капитан Лигов:

– Я прикажу поставить на погрузку угля всех свободных матросов и привлеку индейцев. Извините меня, господа и дамы, я должен распорядиться. – Он вышел.

Офицеры и горожане, которые гостили на вилле, тоже стали расходиться.

Командир «Альгесиарса» предоставил Аниле свой салон – и удивился, когда она заявила, что поселится в нём вместе с Ратмиром. Но он не стал возражать. Анила пользовалась среди танорцев огромным уважением и любовью, её слово было законом.

Прощание с Таней и Лиговым вышло краткое. Таня вдруг заспешила в госпиталь, где её ждали раненые. А капитан ограничился одним-единственным словом: «Приходи». И – крепчайшим рукопожатием.

На закате «Альгесиарс» поднял якорь и с попутным ветром взял курс на Кадикс.

5

Всё время перехода котлы клипера находились на подогреве, и при перемене направления, либо уменьшении скорости ветра машины помогали поддерживать пятнадцатизуловый ход. За день до прихода в Кадикс «Альгесиарс» встретил в море эскадренный броненосный крейсер «Ариете» под флагом танорского контр-адмирала Берналя Диаса. Крейсер сопровождали два новейших эскадренных миноносца. С эс-

кортом из отряда адмирала Диаса «Альгесиарс» вошел в Кадиксскую гавань.

С моря вид Кадикса вполне соответствовал виду большого провинциального города конца XX века: красивые и изящные дома в зелени парков и садов оживляли собою кварталы, застроенные типовыми домами не выше пяти этажей. А улицы оживляла праздничная суэта. Набережная была украшена, по случаю прибытия Анилы, цветами, флагами и эмблемами Танора. На дальнем плане возвышался великолепный кадиксский дворец правителя. Единственное, пожалуй, отличие от городов конца XX века: на улицах практически отсутствовали автомобили, а те, что, шурша шинами двигались по проезжей части, представляли бы в конце XX века музейные реликвии. Нужно сказать, что в Европе и Азии к этому времени были практически исчерпаны запасы нефти. Все автомобили Европы (а также автомобили за океаном – вроде того, на котором ездил начальник лагеря Бров) были на электрическом ходу, с подзарядкой от солнечных батарей. Зато во множестве разъезжали по улицам извозчики.

Празднично украшенный катер доставил Анилу и Ратмира к берегу, где их приветствовала многотысячная толпа. Восторг людей заглушался лишь неутешительными вестьюми из столицы о состоянии здоровья правителя, но всё равно танорцы бурно радовались возвращению его дочери. Под приветственные крики Анилы и Ратмир сели в подго-

товленную машину и отправились на железнодорожный вокзал. Конные гвардейцы сопровождали их. Народ осыпал машину цветами. Оркестр, который следовал за почетным конвоем, играл марши. Вокзал, старинное здание в готическом стиле, со шпилями и башенками, представлял собою настоящий памятник архитектуры. Стены внутри и снаружи покрывали чудесные росписи и резные украшения. У перрона ждал классный вагон, прицепленный к паровозу. Едва только Анила и Ратмир вошли в вагон, как поезд тронулся. Анила махала людям рукой из окна вагона.

Кадикс остался позади, поезд окунулся в знойные поля Испании. Бежали мимо поселки и небольшие городки, утопавшие в цветущих круглый год садах. Почти все подходящие земли были или возделаны, или застроены домами, лишь изредка встречались небольшие рощицы, делавшие пейзаж более живописным. В общем, из окна поезда Танор выглядел, как и положено выглядеть богатой цивилизованной стране. Были на пути и большие города; на вокзалах поезд приветствовали восторженные толпы, но литерный не останавливался, а лишь замедлял ход, чтобы Анила могла из окна поприветствовать народ.

Но вот и столица – Сарагоса. Вновь встречаются восторженные толпы, снова звучит медь оркестров, опять выются вокруг лепестки цветов. На перроне вокзала «Сарагоса Гранда» к Аниле подошел высокий прекрасно сложенный офицер в великолепном мундире национальных цветов Та-

нора, алом с золотым, – командир личной охраны правителя. Он как будто не заметил Ратмира, одетого в скромную каперскую мичманку без знаков отличия.

– Приветствую вас, Анила, – сказал он ей. – Правителю стало лучше. Это случилось после известия о том, что вы нашлись. Но всё же он ещё очень плох. Он желает видеть вас немедленно.

– Спасибо, Луис, мы сейчас же отправляемся во дворец, – отвечала она. – Представляю вам Ратмира Романова, моего спасителя. – Анила сделала секундную паузу. – Неоднократного спасите ля.

Офицер ответил четким кивком головы и звоном шпор.

– Очень приятно. Луис Бенсабат, – обратился он к Ратмиру. – Прошу вас.

Электромобиль доставил их во дворец правителя сквозь ликующую столицу. А первый, кто приветствовал их радостным криком во дворце, был огромный рыжий кот. Он устроился на руках у Анилы, он заговорил. Вполне по-человечески.

– Милая Анила, ты вернулась! Ты даже не представляешь, как все счастливы! Без тебя здесь никому жизни не было! Я уж начинал думать, что лучше бы император вместе со всеми разумными котами уничтожил и моих родителей, ведь, кроме тебя, никто не давал мне таких вкусных сливок, а без них я не представляю своей жизни!

– Милый мой обжора, ты очень любезен, и я тебя тоже

очень рада видеть! Познакомься с моим спасителем. – Она указала коту на Ратмира. – Он тоже, как и я очень любит котов.

– Очень приятно. Норт, – промурлыкал кот. Сделал паузу. Спросил: – Анила! Ты его сильно любишь?

Анила, покраснев, засмеялась:

– Как тебе не стыдно, Норт, воспитанные коты не оповещают о своих наблюдениях весь зал!

– Везёт же некоторым, – со вздохом произнес кот.

– Утешься, Норт, тебя я люблю больше всех на свете, – смеясь, сказала Анила.

– Хотелось бы в залог этой любви получить хоть маленькое блюдечко сливок... ну, и кусочек колбасы, – с невинным видом промурлыкал кот.

Пока шёл этот диалог, процессия, возглавляемая Анилой с котом и Ратмиром, следовала по дворцу из зала в зал. Конечно, они не могли сравниться в пышности с залами дворцов Теночтитлана, но всё равно были очень красивы. Знать Танора склонялась в поклоне. И вот стражники в форме гвардейцев правителя отворили перед ними тяжелые створки дверей, ведущих в спальню правителя. Эта комната была обставлена и украшена с поразительной роскошью. На спрятанной в богатом алькове кровати лежал правитель Танора – пожилой человек, будто сжигаемый изнутри каким-то огнём. Его лицо с чеканными чертами было очень бледным и худым.

Анила, отпустив кота, приблизилась к постели.

Правитель открыл глаза.

– Дочь моя... – тихим усталым голосом заговорил он. – Слава Всевышнему, ты вернулась... Теперь я могу спокойно умереть...

– Нет, отец не говори так! – (На глазах у Анилы вновь появились слезы). – Ты ещё должен жить.

Ратмир всё время поражался выдержке Анилы. Она могла столь долго сдерживать эмоции. И в Кадиксе, перед народом, и на корабле, и здесь она не позволяла себе плакать, хотя слёзы и стояли в её прекрасных глазах.

– Нет, дочь моя, – продолжал после короткой паузы правитель. – Я уже не встану с этого ложа. Единственно, о чем я сожалею, – так о том, что не смогу благословить тебя на брак.

– Отец, – сказала Анила, зардевшись, – ты можешь это сделать! Мой избранник – здесь. Он не раз спасал меня, и мы любим друг друга. Благослови нас, отец.

Она пригласила Ратмира пройти к постели отца.

– Как твоё имя? – спросил правитель.

– Ратмир.

– Я не спрашиваю у тебя, юноша, ни твоего титула, ни откуда ты родом, – продолжал он. – Моя дочь достаточно умна, чтобы самой выбрать себе мужа и господина; к тому же, иногда люди из простонародья бывают более мудрыми, верными и бескорыстными, чем самые родовитые дворяне. – Правитель немного передохнул. – Я отдаю тебе, Ратмир, самое до-

рогое, что есть у меня. Я отдаю тебе свою дочь и свой народ. Я надеюсь, что под вашим правлением Танор завоюет себе ещё больше славы и почета среди других стран. Преклоните колени: ты, юноша, и ты, дочь моя. – Когда Ратмир и Ани-ла встали перед умирающим на колени, правитель приказал слугам: – Внесите Диадемы Танора.

Появился слуга с золотым подносом, на котором покоились две золотые диадемы. На каждой сверкал огромный бриллиант. Старый правитель взял с подноса одну из них и возложил на голову своей дочери. Затем вторая была возложена на голову Ратмиру.

– Встаньте, дети мои! – (Голос старика внезапно окреп). – Слушай, народ Танора! Старый правитель ваш уходит от вас, приветствуйте нового правителя и правительницу!

Придворные, собравшиеся в комнате, ответили на эти слова громкими криками «Виват!». Их крик подхватили все находящиеся во дворце, а затем – и народ на площади.

– Виват правителю Танора! Виват Ратмиру!

– Виват правительнице Танора! Виват нашей Аниле!

– Виват! Виват! Виват!

– А ты почему такой спокойный? – спросил кот, толкнув Ратмира лапой. – У меня бы давно уже голова кругом шла!

«У меня она и так кругом идёт, – хотел ответить Ратмир. – Но я учусь искусству сдерживать свои эмоции. Я...»

Однако этих слов он вслух не произнёс. Произнёс лишь те, которые за ними следовали:

– Я должен быть достойным той, с которой меня соединила судьба.

– Если тебе это удастся, то у меня по утрам будет уже два блюда сливок, а не одно.

Часть третья. Похищение

1

Красное, угрожающе-огромное, в ореоле кроваво-красных облаков, солнце медленно опускалось в море за кормою новейшего эскадренного броненосного крейсера ВМФ Танора «Ариетте». Царили полный штиль и странная, непривычная для моряка тишина.

– Что за скверный сегодня закат! – проговорил, поднимаясь на мостик, старший офицер крейсера. Он обращался к командиру, осматривающему горизонт в бинокль.

– Верно. Мне всегда такими вечерами кажется, что должно произойти что-то скверное, – откликнулся тот. – Единственное, что меня утешает, так – то, что мои предчувствия ещё ни разу не сбывались.

Разговор был прерван голосом вахтенного сигнальщика:

– На левой раковине два дыма!

Бинокли офицеров мгновенно развернулись в нужном направлении, но лучи предзакатного солнца мешали что-либо рассмотреть.

– Скорее всего, торговцы. Пираты по двое не ходят. Впрочем, мы, пожалуй и не узнаем, кто это: скоро стемнеет, – сказал командир, опуская бинокль. – Не менять курса!

Играя на лазурных волнах и гордясь белизною парусов, вдоль танорского берега скользила маленькая яхта правителя Танора. Появлялись из-за поворотов берега и снова уплывали поля и перелески из тропических деревьев, в которых распевали птицы. Берег здесь был низким, и редкие поселки великолепно просматривались с моря – все в кипении цветущих садов и мандариновых рощ.

Правитель Танора Ратмир Романов стоял на кормовой надстройке, выполненной в виде башни дворца. Он, опираясь на золоченные поручни, глядел в морскую даль, сверкающую под лучами солнца. Убегала за корму вода – и так же, как и вода, убегали вдаль мысли.

Вот уже более двух лет прошло с тех пор, как попал Ратмир в Новый мир, но до сих пор не смог отыскать он ответа на мучившие его вопросы. Как же он очутился здесь? Что же случилось с Россией? Первые месяцы – ещё за океаном, в Америке, у ацтеков и на землях Конфедерации Пяти Племен, – не было ни времени, ни возможности серьезно заняться поисками ответов на эти вопросы. Теперь, когда он стал правителем Танора, времени (честно говоря) стало ещё меньше. Ведь мало кто знает, какая это каторга – быть правителем! Государственные дела отнимают у прилежного правителя больше половины жизни, впрочем, у неприлежного они могут отнять и всю жизнь. А ещё куча всяких приемов, праздников и другой придворной мишуры... Всё же он нашел время, чтобы взяться за старые книги в дворцовой

библиотеке. Правда, почти ничего интересного там пока не было: события, происходившие до трёхтысячного года, были представлены в виде мифов, записанных не так уж давно. Похоже, что долгое время эту часть истории пытались вытравить из сознания людей. И, читая одетую твердым переплетом книгу в типографском наборе, Ратмир не мог избавиться от ощущения, что перед ним – свиток древней новгородской грамоты со словами летописца.

В книгах упоминалось, что некогда существовала такая страна – Россия, народ которой отличался особой воинственностью, что она долго противостояла объединению мира под эгидой США и сардукаров, спасённых американцами после катастрофы их «небесного» (может быть, космического?) корабля. Говорилось также, что против России было применено какое-то супероружие, которое полностью уничтожило страну. Затем настала эра развития высоких технологий. Начались значительные научные исследования. Человечество было облагодетельствовано многими ценностями. В частности, появились разумные животные. Такие, как любимец Анилы кот Норт. А куда же это всё делось потом? Отчего же почти все разумные животные были уничтожены? Об этом в книгах не говорилось.

...Ратмир резко обернулся. Течение мысли вдруг прервалось, и виною тому был пристальный взгляд со стороны. Одетый в шёлковое кимоно с широким поясом маленький – не

выше подростка – человек с желтовато-бронзовым загаром и непроницаемыми чёрными глазами, стоявший на противоположной стороне надстройки, едва успел отвернуться, делая вид, что прислушивается к беседе между правительницей Анилой, Нортон и командиром яхты. Ратмир не мог избавиться от чувства, что японец постоянно наблюдает за ним. Хотя, впрочем, это ведь – его дело. В прямом смысле слова. Ради этого дела и прислан сюда Токео Хиросо. Он сам заявил: «Наш божественный император послал меня, дабы удостовериться, что общение с варварской цивилизацией Танора не повредит Империи Восходящего Солнца».

Ратмир оттолкнулся от поручней; направляясь к собеседникам, он невольно залюбовался женою. На ней было платье из белого шелка, выгодно оттеняющее фигуру, еще не испорченную только недавно начавшейся беременностью, оно было перетянута в талии пояском из золотой цепочки. Золотистые волосы рассыпались по плечам. Причёску венчал золотой обруч с прекрасным алмазом «Властитель Танора». Такой же алмаз украшал и голову Ратмира. Это были символы власти Танора. В новом мире действовал договор, который утвердила Организация Объединенных наций: государство, правители которого потеряли свои камни власти, не может существовать. По этому договору уже поплатилось гибелью государство Сицилия, у правителей которого камни власти были выкрадены – как подозревали в Таноре – по наущению сардукаров: все страны Европы своими флотами и армия-

ми уничтожили Сицилию. Вынуждены были принять в этой войне участие и танорцы, хотя, они и не слишком старались.

– О чём разговор? – спросил Ратмир.

Ему, с важной миной на кошачьей морде, отвечал Норт:

– На повестке дня – вопрос о том, стоит ли нам накрывать стол к обеду или дожждаться прихода в Парсах, чтобы пообедать на борту «Танора».

– И что же вы решили?

– Ваше жена и этот офицер, – кот лапой указал на командира яхты, – пытаются убедить меня подождать. Они абсолютно не могут понять того, что у меня желудок привык получать то, что ему положено по расписанию. Вы же, – обратился кот к капитану, – не станете задерживать обед для матросов, почему же можно так поступать со мной?

– Для вас, Господин Кот, – вступила в разговор Анила, – на любом корабле в трюме всегда накрыт стол.

– Мя-а-а-у! – от наигранного, но превосходно разыгранного возмущения Норт свалился на палубу. – Вот она, благодарность людская! – орал он, размахивая в воздухе всеми четырьмя лапами. – Всю жизнь верой и правдой, а меня за это хотят накормить сырыми крысами! Мя-а-а-у!

Испустив последний вопль, он притворился мертвым, поглядывая на людей щелками зажмуренных глаз. На мостике уже никто не мог удержаться от смеха, и только рулевой и вахтенный офицер стойко «выдерживали фасон», хранили флотскую невозмутимость. Да еще – японец: смех не при-

личествует самураю и посланцу божественного императора Японии.

Перегнувшись через поручни, Ратмир подал команду:

– Блюдце молока для Господина Кота!

Моментально появился на трапе корабельный стюард с блюдцем молока на золотом подносе. Как только он попал в поле зрения кошачьих глаз, щелки мгновенно закрылись. Стюард поставил блюдце прямо около носа Норта. Но тот тоже «выдерживал фасон». Тогда стюард торжественно произнес:

– Ваше молоко, господин Норт!

Все ждали, что будет дальше.

Задвигался, пригнувшись, розовый любопытный кошачий нос. Открылись глаза. И вот уже быстро мелькает язык. Весь вид Норта, обхватившего лапами блюдце, говорит: «Я, конечно, вас прощаю, но это в последний раз».

Между тем, уже виден «бараний лоб» скалистого мыса, выступающего в море и прикрывающего порт Парсах с юга. Через два часа при попутном ветре яхта «Фурор» обогнула мыс. И в гавани Парсах люди увидели цель своего плавания.

Прямо посередине небольшого рейда стоял на якоре огромный белый корабль. Пять высоких труб, чуть скошенных назад. Мачты с тонкими стенгами. Высокая носовая надстройка: с неё грозит неведомому врагу шестидюймовое погонное орудие, прикрытое щитом; остальные одиннадцать таких же орудий спрятаны в надстройках. На корме разве-

вается гигантский пурпурно-золотой флат: Весь крейсер как бы олицетворяет собою высокую скорость и артиллерийскую мощь.

Вот яхта «Фурор» – в пределах рейда. Погонное орудие корабля, присев на барбете, грохнуло салютом. Затем, через равные интервалы, отзвучали остальные девять выстрелов, положенные при салютации. Корабль салютовал флагу правителя, развевавшемуся над «Фурором». Паровой катер, который покачивался на волнах под бортом крейсера, направляется к яхте.

Крейсер был заказан в Бретании на частной верфи в городе Левирпуле. Проектировался он танорскими инженерами при участии Ратмира и, из-за некоторых нестандартных элементов, не мог строиться на танорских верфях. Левирпульские корабелы построили крейсер в рекордный срок, всего лишь за двадцать месяцев с момента закладки. Он ещё не испытан, и лишь после проведения испытаний будет принят в казну как личная яхта правителя Танора, а фирма-строитель получит заключительную часть платежа. Надеюсь, что танорцы и в будущем будут прибегать к её помощи, она согласилась на испытания крейсера в Таноре, под наблюдением своего гарантийного механика. Именно навстречу этому кораблю, неся флаг правителя, шла сейчас яхта «Фурор».

Катер подошёл под трап. Ратмир с Анилой, а также Норт, самурай и штабные чины отправились на крейсер.

Ратмир первым – без помощи фалрепных – ступил на

трап крейсера. Под пение горнов, играющих «Захождение», он поднялся на шкафут крейсера, где в двух шеренгах, лицом друг к другу застыли матросы и офицеры экипажа. По-уставному, не доходя до шеренг трех шагов, остановился. Навстречу строевым шагом двинулся командир крейсера с рапортом. Приняв рапорт, Ратмир поздоровался с командой:

– Здравствуйте братцы матросы!

– Здравия желаем, Ваше Высокопревосходительство! – мощно рявкнули шеренги.

– Здравствуйте, господа офицеры!

Ответ последовал более тихий, но более чёткий.

– Вольно!

– Вольно! – отрепетовал командир.

– Разойдись!

– Разойдись!

Стройные шеренги мгновенно рассыпались: матросы разбежались по отсекам, а офицеры столпились вокруг вновь прибывших.

Командиром крейсера был бывший капитан коммерческого парохода «Дезер» Ромен Дюпрен. Теперь он служил в чине капитана первого ранга. Ратмир обменялся с ним крепким рукопожатием.

– И как вам «Танор», Ромен? – осведомился он.

– Великолепный крейсер! – отозвался Дюпрен. – Уж что-то, а строить корабли эти бретанцы умеют. Мы уже опробовали его без форсировки, и я должен сказать, это будет

быстроходнейший крейсер в мире!

Подошёл старший офицер:

– Ратмир Романович, от имени офицеров корабля прошу вас отобедать с нами в нашей кают-компании.

– Не откажусь.

Гости и хозяева направились в кают-компанию, где был сервирован востовыми великолепный стол. Норт – как всегда, если речь заходила о еде, – прыгал впереди всех.

2

Обед прошёл великолепно. Кок со своими подопечными старался на славу. Всё было не хуже, чем в самом дорогом ресторане Кадикса или столицы Танора – Сарагосы, а вина сделали бы честь королевскому столу. Старший офицер – хозяин корабельной кают-компании – произносил тосты, которые, к несчастью, могли быть только официальными. Но после обеда, за кофе, началась непринужденная беседа. Офицеры говорили о предстоящих маневрах флота, в которых «Танор» должен был участвовать и которые для крейсера должны были заменить испытания. Все заранее предвкушали, как он блеснёт скоростью машин и лихостью экипажа. Но беседа была прервана в самом разгаре.

В кают-компанию влетел матрос-рассыльный. У комингса он приостановился и уже строевым шагом подошел к Ратмиру как старшему из присутствующих.

– Ваше высокопревосходительство, разрешите обратиться к командиру.

– Разрешаю.

– Ваше высокоблагородие, разрешите доложить: от берега отошёл катер, с которого пишут, что имеют срочное сообщение.

Дюпрен обратился к Ратмиру:

– Разрешите принять катер.

– Да, поднимемся наверх.

Многие офицеры и гости вышли на палубу – к трапу, под который подошел портовой катер; с того уже поднимался на борт служащий телеграфной станции с телеграфной лентой в руках.

– Господин правитель, получено сообщение, что на поселок Гранадина напали неизвестные корабли. Комендант Гранадины со своим гарнизоном вступил в бой против десанта и просил подмоги у губернатора, который уже приказал выслать на помощь драгун, но против корабельной артиллерии они бессильны. Ближайший патрульный корабль уже оповещен губернатором по радио, но он далеко и, согласно сообщению, нападающих – двое. Поэтому губернатор просит Вас отправить на помощь гранадинцам «Танор».

– О чём разговор! Мы обязаны помочь. Я сам поведу «Танор». У нас заодно будет шанс определить, каков он в бою. Господа, всех посторонних прошу покинуть крейсер. Командир Дюпрен, поднять на мачте мой флаг.

– Есть. Поднять флаг правителя до места, в низах, поднимать пары для боя.

Анила подошла к Ратмиру:

– Разреши, я останусь на крейсере?

– Для этого нет необходимости. Да и опасно, ведь тебе нужно теперь заботиться не только о себе, но и о ребенке. – Ратмир притянул жену к себе и нежно поцеловал её.

– Но ведь нашему сыну полезно уже сейчас приучаться к грохоту корабельных орудий.

– Думаю, что пока с него хватит и салютов, к тому же – это может быть и девочка.

– Нет, я верю нашим придворным акушеркам.

– По-моему, они больше похожи на ведьм, чем на медиков. Впрочем, это неважно; умоляю тебя, не спорь, мы будем отсутствовать недолго.

Труднее было избавиться от гостя-самурая. Он наотрез отказывался покидать крейсер, заявив, что кодекс самурайской чести учит не бояться смерти на службе у микадо. Наконец, Ратмиру некогда уже было дискутировать. Он разрешил Хиросо остаться на крейсере. Кроме того, стоило ведь позаботиться, чтобы все происходящее в Таноре произвело на японца лучшее впечатление. Токео Хиросо с несколькими его соотечественниками, действительно, был прислан в Танор от имени императора Японии. В прошлом году Ратмир отправлял в Тихий океан один из танорских клиперов с приказом произвести опись западного побережья Северной

Америку. Экспедиция имела целью обнаружить бухту, на которую бы могли базироваться корабли конвоев с поставками для моговков, идущими восточным путем через Атлантику, Индийский океан и Тихий. Кроме того, командир клипера получил приказ найти на пути следования перевалочные пункты, в которых корабли конвоя могли бы запастись углем и производить хотя бы необходимый ремонт. Одним из таких перевалочных пунктов была выбрана малоизвестная для европейцев Нового мира Япония. Император её не желал допускать в свои пределы варваров, какими там до сих пор считали европейцев. Но – послал Токео Хиросо с миссией. Ему надлежало составить отчёт о том, нанесет ли империи вред общение с Танором.

Но вот катер с гостями отвалил от трапа крейсера. «Танор» уже начинал движение. Ратмир сразу поднялся на мостик, где распоряжался командир Дюпрен.

– Ромен, дайте радио нашим патрульным судам с просьбой показать их местонахождение, а затем передайте от моего имени приказ ближайшему из них срочно направляться сюда. Последнее – на всякий случай.

Он ещё раз оглянулся на портовой катер, в котором находилась Анила. Что-то было не так. Какое-то шестое чувство не давало покоя, говоря: где-то Ратмир ошибся.

«Танор» покинул бухту и направился вдоль берега на север. В течение получаса он уверенно держал двенадцать узлов – крейсерскую скорость легких крейсеров. Затем Ратмир

приказал прибавить ход до пятнадцати. Корабль прекрасно выдерживал его. Но чем дальше они уходили от Парсаха, тем тяжелее становилось у Ратмира на душе. Что же это такое? На него всегда благотворно влияли морские прогулки, особенно – если корабль шел быстро. Но сейчас он боялся... и сам не мог понять, чего.

Три часа хода спустя, на мостик поднялся вахтенный офицер с шифровкой, принятой с патрульного клипера. Командир клипера сообщал, что никакого нападения на Грандину не было.

Догадка блеснула молнией.

– Ромен... Командир! Поворот на шестнадцать румбов!

«Танор», опасно кренясь, в крутом повороте лег на обратный курс, увеличив ход до двадцати узлов. Через полчаса ход довели до предела. Крейсер, отбрасывая за корму чёрную гриву из дыма, легко резал волну с рекордной для крейсеров скоростью в двадцать четыре узла. Его машины работали великолепно, питаемые паром, который подавали к ним девятнадцать котлов старинной системы Шульца-Торникрофта. В Боевом Флоте Танора (да и других военных флотах) использовались из числа водотрубных паровых только котлы системы Бельвилля, тоже известной с древности. Трубки в котлах Бельвилля – толстостенные, из-за этого котлы проще в эксплуатации. Но шульцевские, имея тонкостенные трубки, обеспечивали значительно более высокую паропроизводительность при меньших размерах. Ратмир желал приме-

нить котлы системы Шульца. Оттого и пришлось заказывать «Танор» на частной верфи.

Когда подходили к Парсаху, уже сгушалась темнота. С «Танора» заметили патрульный клипер, направлявшийся туда же. В бухту корабли вошли одновременно.

Почти все строения Парсаха были разрушены мощными выстрелами корабельных орудий. Кое-где ещё светились пожары. В огне погибли виноградники и мандариновые рощицы, ещё несколько часов назад радовавшие взгляд. Когда моряки высадились на берег, они увидели только развалины строений и трупы солдат, защищавших поселок.

– Куда же их всех теперь? – услышал Ратмир где-то рядом.

Услыхал он и ответ:

– Продадут индейцам. Или американцам. Пираты есть пираты.

– Нет! Неужели у Танора не осталось настоящего флота, способного оттеснить пиратов в океан?

Ратмир уже не прислушивался. В его мозгу звучал вопрос: «Что с Анилой?» Он не мог заставить себя искать её: ведь не найти её здесь – ещё более страшно, чем найти бездыханное тело... Вдруг к его ногам выкатился большой рыжий ком.

– Ратмир! Мя-я-ау! Они увезли её на корабле!

– Она жива?

– Жива и здорова, но они увезли её с собой!

– Кто – они?

– Это сардукары! И с ними были ещё белые люди. Эти

люди крушили всё вокруг себя. Один из них, толстый и лысый, схватил нашу Анилу и утащил в лодку, я не мог ничем ей помочь!

– Как имя этого похитителя? Ты его слышал?

– Его называли Бровом.

– Боже мой! Бров! Он самый злейший наш враг! Но как он здесь оказался?

– Они пришли на двух больших сардукарских крейсерах. Правда, сардукары на берег не сходили, но я видел их на палубе. Они высадили диверсантов, которые подключились к нашей телеграфной линии и передали ложное сообщение о нападении на Гранадину. Они хотели выманить отсюда «Танор» и захватить тебя и Анилу.

– Мы должны немедленно отправиться в погоню!

– Я с тобою, – заявил Норт.

Подошёл самурай Хиросо:

– Я изъявляю желание отправиться в погоню за похитителями.

Ратмир не спорил. Он не хотел терять ни секунды времени. Без того уже предстояли задержки. Крейсер не мог сразу отправиться в погоню: мало оставалось угля в бункерах. Угольная станция Парсаха тоже была сожжена. Пришлось идти на бункеровку в ближайшую – миль за двадцать.

...Уже девять дней «Танор» режет клинком своего форштевня атлантическую волну. Всё это время он шёл на пятнадцать узлах, постепенно сокращая расстояние между собою и сардукарскими кораблями, державшими, наверняка, обычную для крейсеров скорость в двенадцать. Машины «Танора» обеспечивали этот не очень благоприятный ходовой режим. Но была и другая опасность. Да, перед походом «Танор» принял увеличенный запас угля, но может не хватить. Топки котлов на пятнадцать узлах – значительно прожорливее.

Наступил полдень девятого дня. Вахтенные заметили повреждённое судно, которое медленно шло встречным курсом – на запад. «Танор» приблизился. Сделалось ясно, что за беда случилась с судном. Все надстройки разбиты и искорежены, борта обгорели, трубы снесены за борт – дым из кочегарок рвался прямо из палубы, создавая впечатление действующего вулкана.

«Танор» поднял сигналы по международному своду: что за судно, не нужна ли помощь? С пострадавшего корабля отмахали на флагах, что это – яхта «Кинда», один из каперских кораблей капитана Лигова, и попросили помочь дотянуться до ближайшего острова.

– Ромен! – тихо (чтобы не слышали подчинённые) сказал Ратмир. – Они!

– Они нас, помнится, выручали.

– Я об этом же, Ромен!

Ратмир велел взять «Кинду» на буксир, а за её командиром послал шлюпку, которая привезла на борт израненного каперского капитана.

– Благодарю вас, господин правитель, что вы решили помочь нам, – сказал тот. – Капитан Удача не останется в долгу.

– Конечно, конечно... Но кто вас так отделал?

– Сардукары. Два первоклассных лёгких крейсера. Мы встретили их накануне, вечером. Они навязали нам бой. Мы смогли разойтись с ними на контркурсах, и они больше не преследовали нас. Впечатление такое, что они торопились. Но мы практически потеряли ход. Какое-то время нам удавалось держать около десяти узлов, но вот недавно машины совсем скисли.

Значит, враг недалеко. Догнать его ещё можно. «Танор» отбуксировал «Кинду» к небольшому островку, где команда могла, не опасаясь шторма или нападения, произвести небольшой ремонт, чтоб затем дотянуться до базы. С мощной радиостанции крейсера ушла радиограмма на базу Лигова. В благодарность за всё это капитан снабдил танорский крейсер углём. А на прощанье сказал:

– Вы не сумеете догнать налётчиков. Но они пошли не к портам Большого Сардукара – резиденции сардукарского флота.

– Куда же? – уточнил Ратмир.

– Видимо, они хотят доставить вашу жену на недавно отвоеванное у ирокезов побережье, куда раньше приходили та-

норские конвои, а затем, по кратчайшему пути, – в районы, заселенные пособниками сардукаров. Зайдите в бухту Большой Рыбы. Там бывают дружественные нам разведчики-индейцы. Возможно, вы что-нибудь узнаете от них.

На этом мореплаватели расстались. «Танор» опять устремился в погоню.

4

Минуло ещё четыре дня. Крейсер бросил якорь в бухте Большой рыбы на восточном побережье североамериканского континента. Капер знал, что говорил. А может, просто судьба, наконец, улыбнулась Ратмиру. В бухте отдыхали индейские разведчики. Они сообщили Дюпрену, который решил вступить с ними в переговоры сам: да, прошёл караван белых людей, да, он направлялся к городам американцев.

– Ромен! – сказал Ратмир, когда Дюпрен сообщил ему эту информацию. – Теперь я со взводом матросов сойду на берег и перехвачу отряд Брова. Наши молодцы раскидают американцев, даже если их будет две сотни.

– Слишком опасно. Весь ваш путь проляжет по землям сардукаров. Если они обнаружат вас, – могут вызвать подкрепление.

– Мы будем осторожны.

– Ратмир, я против этой авантюры! Ведь ты рискуешь не только головой, но и этим. – Дюпрен указал на камень вла-

сти. Разговор шёл в адмиральском салоне, Ромен мог называть Ратмира по имени, как старый друг. – Ты не имеешь права оставить его, но не можешь и рисковать им, ведь камень Анилы – уже в руках сардукаров, а ты знаешь, что станет с государством, потерявшим символы власти.

– Не спорь, Ромен. Я же сказал, что буду осторожен.

– Осторожен, осторожен... – проворчал Дюпрен. – Я обещаю: если ты не вернёшься через две недели, я сам сойду с матросами на берег и притащу тебя на корабль! Даже если мне придётся перевернуть в поисках весь материк.

Хорошо, буду иметь это в виду.

Кот Норт не желал даже слышать о том, чтоб остаться па корабле. А главное: за отрядом Ратмира вновь увязался Токео Хиросо. Как от него отделаться! Впрочем, самурай решил продолжать выполнение воли микадо не безоружным: фамильный меч и кинжал были, как всегда, при нем. Ладно. Пусть выполняет. А кота бойцы решили нести по очереди, сменяя один другого.

Индейцы объяснили им, как идти, чтобы перехватить американцев прежде, чем они достигнут обитаемых мест, и укрыться от патрульных рейнджеров на птеродактилях-жругах.

Отряд углубился в лес. На первый взгляд, этот лес был таким же, как и тот, в котором Ратмир встретился с Куаутеком. Правильные ряды симметричных деревьев, перевитые лианами, такая же трава и небо в просветах деревьев... Но

что-то здесь не так! Лианы, казалось, не сжимают в своих объятьях деревья, а бессильно цепляются за них, да и сами деревья, кажется вот-вот упадут от усталости. В ветвях не пели птицы. Казалось, сам воздух давил на людей.

– Странный лес, – сказал самурай на привале. – Здесь нет гармонии.

– Вот как! – иронизировал Ратмир. – Вы, я понял, читали не только трактат древнего философа У-Ди «О воинском искусстве», который возбраняет общаться с варварами на равных, но и – сочинения об искусстве икебаны!

– Да, – невозмутимо кивнул самурай. – Попробуйте впустить этот лес в себя, почувствовать его. Он, как будто умирает от старости... или от смертельной болезни, хотя ещё молод. Чем он болен?

– Это из-за сардукаров, – вмешался в разговор кот. – У них какая-то особенная ненависть к нашей земной природе, и природа платит им тем же. Мне этот лес напоминает, скорее, пленника, который скорбит о своём пленении.

Под сенью леса-пленника говорить не хотелось, и после краткого отдыха отряд продолжил свой путь по тропе, указанной индейцами. Уже темнело. И никто не заметил, как промелькнула над кронами крылатая тень.

Минули ещё сутки. Затем – ещё. На третий день пути матросы, отправленные на разведку, сообщили: отряд Брова отдыхает всего лишь в километре от них. Танорцы ускорили шаг. И, достигнув большой поляны в лесу, обнаружили там

тех, кого искали. Отряд Брова стоял на ней походным лагерьем.

Ратмир приказал матросам не стрелять без нужды, чтобы случайно не ранить Анилу. Врагов было всего лишь тридцать человек, все – американцы, сардукаров никто не заметил.

Танорцы окружили лагерь полукольцом, бесшумно сняли часовых. Затем, по сигналу Ратмира, разом вышли из тени деревьев, наставив на американцев свои винтовки.

– Руки вверх, бросайте оружие, вы окружены! – крикнул унтер-офицер взвода.

Ответом ему было злобное хихиканье и треск ломаемых кустов. Навстречу танорцам – с другой стороны поляны – вышло не меньше сотни рейнджеров, а из кустов выставились рыльца двух пулеметов. Хихиканье же исходило от жирного и лысого человека в камуфляже, в котором Ратмир узнал Брова.

– Бросайте свое оружие, дураки, оно вам больше не понадобится! – Посмеиваясь, он приближался.

Матросы оглядывались на своего правителя. Они готовы были сражаться даже без надежды на победу и умереть с оружием в руках, если таким будет приказ. Но Ратмир не отдал такого приказа.

– Бросьте оружие, ребята, сегодня мы проиграли, но игра ещё не окончена.

С лязгом попадали наземь винтовки. Американцы немед-

ленно расхватили их, а рейнджеры согнали танорцев в кучу и окружили конвоирами.

К Ратмиру подошёл Бров:

– Ты просто не представляешь себе, как я рад тебя видеть! Ты уже догадался, почему. Ушёл, не спросился... Ладно, подробный разговор впереди. А сейчас, надеюсь, ты не откажешь мне в любезности! – Он протянул руку, требуя саблю и диадему.

– Вот тебе. – Сломанная пополам сабля упала к ногам Брова. Вслед за ней полетела диадема. Но тут в воздухе мелькнуло что-то мохнатое, рыжее. Послышалось: «Мя-я-ау!» И – смолкло. Сжав обруч зубами, кот Норт бросился в лес.

– Стреляйте, идиоты! – заорал Бров. Вдогонку Норту полетели пули. Но стрельба по кустам не увенчалась успехом. А кот исчез среди этих кустов на удивление ловко. Бров, красный от ярости, подошёл к Ратмиру. – Если ты думаешь, что разумная скотина спасёт Танор, я вынужден буду тебя разочаровать. Узнав, что вы отправились за мною в погоню, я сообщил об этом куда требуется, и теперь твой крейсер у выхода стережёт целая эскадра. – (Ратмир молчал. Он решил не отвечать Брову, чтобы не унижаться). —Языка лишился? Давай, я познакомлю тебя с одной очень красивой женщиной!

Из палатки помощники Брова вытащили Анилу.

Она хотела броситься к Ратмиру. Но его предостерегающий взгляд остановил её.

– Что-то вы не очень рады видеть друг друга, – продолжал издеваться Бров. Но до бывшего начальника концлагеря уже доходило, кто над кем тут издевается. Пленник не реагировал на насмешки. Бров заорал: – Молчишь, сволочь! Ну ничего! Когда мы доберёмся до места, ты у меня соловьём заливаться станешь, уж я об этом позабочусь!

Не дождавшись ответа он в ярости ударил Ратмира по лицу. Тот упал. Анила вскрикнула, доставив, видимо, тем самым изрядное удовольствие Брову. Ратмир поднялся. Из рассечённой губы пленника текла кровь, но он по-прежнему молчал. Бров обратился к помощникам:

– Свяжите его, чтобы он не пытался сбежать или не сделал бы себе хакари. Нам пора в дорогу! Чем скорее мы дойдём, тем скорее я займусь этим... – Бров скрипнул зубами. Отвергнулся. И, пока разбойники сворачивали лагерь, обратился к Токео Хиросо: – Вам, сыну Страны Восходящего Солнца, нет надобности возвращаться на крейсер. Он, как я уже сказал, едва ли выйдет в море. Мы отправим вас с попутным кораблем в Европу, а оттуда вы уж доберетесь как-нибудь. Решайте сами, как. Но если вас захватят сардукары, дни свои вы кончите в концлагере, не смотря на то, что ваша страна с сардукарами не воюет.

– Я приму ваше любезное приглашение. – Голос самурая звучал, как и всегда, спокойно и вежливо. Но Ратмиру показалось: от облаченной в кимоно фигуры исходил холод.

Отряд медленно продвигался по едва приметной, заросшей, хотя и довольно широкой тропе. Разбойники ворчали, прорубая путь. Но, как говорил Бров, подгоняя их, оставалось совсем недалеко до настоящей дороги. «Живее! Живее! Как только выйдем из бывших владений ирокезов, я заставлю вас идти еще быстрее! Это случится уже завтра!»

Ратмир не мог простить себе того, что случилось. Он считал: именно по его оплошности он сам и Анила опять в плену. Что дальше? Смерть, которая, как принято считать, лучше позора? Смотря какая смерть! Ратмир искал выход. И – не находил его. На что надеяться? На то, что крейсер «Танор» смеет прорываться в открытое море и уйти от преследования: А символы власти? Удалось ли Норту спастись? А если даже и удалось. Как он вернет диадему на крейсер? Существование государства, вверенного его попечению, – под угрозой! Игра заканчивается. Осталось одно: собрать все силы – душевные и физические, чтобы достойно встретить смерть.

Прерывая похоронные мысли Ратмира, над дорогой пропела стрела. Ближайший к Ратмиру сардукар-рейнджер, захрипев, мешком свалился на дорогу. Стрелы полетели со всех сторон. Падали сардукары, валялись один за другим американцы. Порядок отряда нарушился. А с деревьев на дорогу прыгали вооруженные ирокезы. Закипела яростная

схватка, в которой Ратмиру была отведена роль статиста. Он был крепко связан и мог только наблюдать, как ирокезы, метнув боевые топоры, схватывались с противником врукопашную. Индейцы были в явном меньшинстве, но им послужила внезапность нападения там, где нападения никто не ожидал. Им помогли в тесноте их страшные кривые ножи, Сардукарам с длинными мечами было не развернуться. Рейнджеры гибли. Американцы – даже те, у кого были мечи, – вступать в схватку не торопились. Она уже шла к концу, когда из-под груды тел выполз Бров с револьвером в руке. Жирное лицо горело, как начищенный медный котел, а в маленьких, заплывших жиром глазках отражались ярость и бессилие. Но, в то же время, Ратмир прочел в этих глазах и свой смертный приговор.

Бров медленно поднимал руку с револьвером. Ратмир, не отрываясь, следил за страшной черной дыркой, которая нащупывала его сердце. Из этой дырки вылетел ступок огня. Ратмир закрыл глаза. Еще выстрел, еще один: третий. Четвертый. Пятый... Пистолет щелкнул бойком: патроны кончились. Ратмир открыл глаза. И понял: все пули, которые предназначались ему, попали в грудь Хиросо. Японец успел встать между ним и Бровом.

Бров кинулся наутек, завывая и неуклюже переваливаясь на толстых ногах. Хиросо проговорил:
– Правитель, не двигайтесь. Я освобожу вам руки.
Он кинжалом рассек путы на руках Ратмира – и рухнул

наземь, обессиленный.

Ратмир схватил с земли сардукарскую саблю, бросился в погоню за врагом. На бегу он заметил: один из лучников-ирокезов целит из лука в спину американца.

– Не стреляй! Он мой! – Этими словами он остановил воина, и тот направил свою стрелу в другую сторону. Она поразила одного из последних рейнджеров, который мечем отбивался от наседавших на него ирокезов.

Ратмир быстро настигал противника. Американец часто оглядывался, и тогда он видел искаженное ужасом и ненавистью лицо. Еще несколько секунд – и погоне конец. Бывший начальник лагеря рухнул на колени. Обернулся. Держа уже давно разряженный револьвер обеими руками, принялся нажимать на курок. Ратмир медленно подходил к врагу, и с каждым его шагом ужас в глазах Брова становился всё более заметным.

– Вынь саблю и сражайся, – произнёс Ратмир. Однако Бров не помышлял о бое. Отвратительно отвисшая челюсть мелко тряслась, заливаемая слюной. Он что-то хотел сказать. Но не мог. – Сражайся. – Ратмир поднял над врагом саблю. Бров, тихо скуля, повернулся спиной и пополз в сторону.

Взмах сабли оборвал трусливый скулёж. Голова бывшего начальника концлагеря, брызгаясь кровью покатилась по траве.

– Ратмир!

Обернувшись, Ратмир увидел Анилу и вождя ирокезов

Атога. На плече великана, вцепившись когтями в широкий ремень колчана со стрелами, восседал Норт.

Анила, подбежав, обхватила руками шею Ратмира, прижалась губами к его губам, и они застыли в долгом поцелуе, не видя никого вокруг. Атог и кот несколько секунд, наблюдали за ними. Затем вождь повернулся и направился к дороге. Своей огромной ладонью он, обращая мало внимания на недовольную воркотню, легонько повернул любопытную кошачью морду в направлении движения.

Когда Ратмир и Анила вернулись к дороге, ирокезы и танорцы уже разобрали оружие поверженных врагов и готовы были отправляться в путь к побережью. Ирокезы потеряли девять воинов убитыми, трое были тяжело ранены; часть отряда Атог послал вместе с этими ранеными в земли могавков, а с частью отряда решил выступить к побережью – сопровождать танорцев. Он сам отдал Аниле символ власти, который ирокезы нашли у Брова. Обе диадемы опять венчали головы обоих правителей. Теперь – краткий отдых, самый краткий, лишь бы восстановить силы, и... в путь!

К Ратмиру подошёл унтер-офицер.

– Ваше высокопревосходительство, там японец просит, чтоб вы подошли к нему. Говорит: очень важно.

– Он ещё жив? – (Ратмир почувствовал стыд. До сих пор не отблагодарил своего спасителя!)

– Так точно. Живучий, как кошка.

Токео Хиросо лежал на земле около раненых ирокезов.

Кимоно японца пропиталось кровью, лицо посерело, губы запеклись. Он узнал Ратмира. Заговорил. Только наклонившись к умирающему, Ратмир расслышал:

– Вы... можете передать... это... – (Слабой рукой Хиросо вытащил залитый кровью конверт). – Через... моих помощников... оставшихся в Таноре... в Японию... – Хиросо дал дыханию секундный отдых, и голос внезапно окреп. – То, что здесь написано, поможет вам. А я рад, что умираю во славу микадо, это – величайшая честь для самурая... – Последняя смертная судорога прошла по его телу, Хиросо вытянулся, его дыхание остановилось.

Самурай остался в ирокезской земле – в одной братской могиле с павшими индейскими воинами. Отдавая им воинские почести, танорские матросы и ирокезы разрядили в салютации свои винтовки. Затем отряды разошлись.

Танорцы несли Анилу в паланкине, сделанном индейцами, а Ратмир и Атог шли во главе отряда.

На одном из привалов – в заброшенном охотничьем лагере ирокезов, великолепно укрытом от глаз врага, – Ратмир спросил:

– Атог! Как же вы узнали, что я и моя жена захвачены сардукарами?

– О том, что вы высадились на побережье, я знал от своих разведчиков, они сообщают мне вести при помощи голубиной почты. А о том, что вы захвачены в плен, – от Норта.

– Должен сказать, что ты, Атог, подоспел вовремя.

– Я знал, что мы должны спешить. Вообще-то, нам повезло, что мы смогли пройти по этим землям с таким отрядом незамеченными.

– Видимо, Бров и сам не ожидал встретить за фортами такой сильный отряд индейцев. Но ты ведь отправился в путь ещё до сообщения о том, что мы попали в беду?

– Я хотел узнать, могу ли рассчитывать на помощь Танора в борьбе с сардукарами.

– Мы держим слово, данное тебе Анилой при прошлом расставании, и мы уже послали в Тихий океан клипер, чтобы он сделал опись побережья и нашел бухту, в которой могли бы останавливаться наши корабли. Кроме того, мы вынуждены просить японцев, чтобы нашим кораблям предоставили возможность брать в одном из их портов уголь и производить необходимый ремонт. Как только договоримся с японцами, – вышлем первый караван с оружием и боеприпасами, а затем караваны будут идти каждые полгода.

– Нам чрезвычайно нужна ваша помощь. Мне кажется, великому вождю Сенеке Сависиту не нравится моё первенство в борьбе с сардукарами. Он может отказать в созыве общего войска конфедерации, и тогда мы не справимся, даже используя силы спасенных нами ацтеков. Так что, возможно, мне придется силой встать во главе конфедерации; тем более, что большинство простых ирокезов сочувствуют мне.

– Да, придётся поспешить с посылкой караванов. Но нас задерживают японцы. – Ратмир вспомнил сообщения Фра-

кийского Информационного Агентства, корреспонденты которого были аккредитованного при главном штабе вооруженных сил Большого Сардукара, о великолепной операции по спасению прижатых к побережью океана ацтеков, принятой Атогом. – Расскажи мне о последних минутах жизни моего друга Куаутемока.

– Император Куаутемок, ведя с сардукарами почти непрерывные бои, не имея боеприпасов к немногочисленным ружьям, прикрывал эвакуацию мирного населения к побережью, мы постоянно поддерживали связь с ним, и в нужный момент я с небольшим отрядом, вооруженным исключительно огнестрельным оружием, прошел через горы и неожиданно напал на сардукаров. Мы захватили богатые трофеи, особенно много оружия и боеприпасов, даже целую горную батарею, но самое главное – мы открыли ацтекам путь к спасению, к отступлению в наши леса. В течение месяца мой отряд и войско императора удерживали перевал, через который непрерывным потоком уходили подданные Куаутемока. В одном из последних боёв он был убит осколком снаряда. В перерывах между боями принц часто мне говорил, что будет очень сожалеть, если больше не сможет повидаться со своим другом, теулем – с тобой, Ратмир. Он тебя не забыл. Умер он мгновенно. Может быть, даже не почувствовав этого.

– Жаль.

– Эта рана в моей душе никогда не перестанет кровоточить, – сказал Атог. Опять без протокола. И если лицо вождя

оставалось невозмутимым, – лишь потому, что вождь обязан всегда оставаться таким. Даже наедине с друзьями.

– А сколько же ацтеков вам удалось спасти?

– Через перевал мы пропустили около пятнадцати миллионов человек, правитель Ратмир. И потом, в течение почти полугода, несколько тысяч лодок перевозили оставшихся, пока сардукары не спустили на воду паровые катера, вооружённые артиллерией, и пулеметами. Правда, нам удалось захватить два из них, и теперь у нас тоже есть свой флот! – со смехом закончил Атог.

– Можешь не сомневаться, Танор поможет вам, потому что мы делаем одно дело. Я прикажу отправить с первыми же конвоями несколько судов береговой обороны, чтобы прикрыть побережье. Ваши юноши смогут учиться в Морском Кадетском корпусе Танора, а наши офицеры и унтер-офицеры будут обучать для вас матросов.

– Это очень хорошо, – ответил Атог. – У европейцев принято называть корабли гордыми и славными именами. Я думаю, что для флагмана не найти лучшего имени, чем имя нашего великого друга Куаутемока.

Индейцы великолепно знали местность. Дальнейший путь оказался довольно легким, хотя и занял несколько больше времени, чем предполагалось. Бой между отрядом Брова и ирокезами, конечно, не остался без последствий: сардукары бросили на поиски нападавших большое число рейнджеров. Ирокезы и танорцы часто пережидали их появление в укром-

ных убежищах, чтобы остаться незамеченными. Но, так или иначе, до побережья отряд добрался благополучно.

Часть четвёртая.

Возвращение в Танор.

1

Простившись с Атогом и ирокезами в бухте Большой Рыбы, Ратмир, Анила и матросы поднялись на борт «Танора».

Едва закончилась официальная встреча и команда была распущена, Ратмир пригласил капитана Дюпрена в свой салон.

– Ратмир, положение наше – аховое. Должен сразу сказать, что у выхода из бухты нас ждет эскадра вражеских крейсеров.

– Сколько их и какие?

– Два первоклассных эскадренных броненосных крейсера с восьмидюймовыми орудиями и ходом в двадцать узлов, типа нашего «Ариетте» и четыре легких бронепалубных крейсера с десятком средних орудий каждый.

– Да, дело будет горячим.

– Даже более, чем горячим, не лучше ли тебе с Анилой остаться на берегу?

– Ромен, ты сошел с ума, на берегу нас обязательно схватят, а у «Танора» есть шанс прорваться!

– А есть ли?

– Поживём, увидим, а прорваться нам обязательно нужно, хотя бы из-за камней власти; так что готовь крейсер к бою.

– Чего его готовить, он и так уже готов, только поднять пары – и вперёд!

– Ну и великолепно; обещаю тебе, Ромен, что в Танор ты вернешься в чине контр-адмирала.

– Если вернусь вообще, – проворчал себе под нос каперанг, покидая салон правителя.

Прорыв решили начать ближе к вечеру, чтобы исключить возможность погони. Нападения до вечера быть не могло, потому что орудия и торпедные аппараты «Танора» держали под прицелом узкий проход на внутренний рейд и танорский крейсер, таким образом, находился в полной безопасности, стоя в бухте; иначе нападение произошло бы значительно раньше. Поэтому танорцы могли спокойно закончить приготовления к бою. До ужина матросы демонтировали роскошную обстановку крейсера. Все наиболее ценное из убранства салонов и кают-компаний было укрыто в низах, а всё наименее ценное просто утопили. Тем самым была уменьшена вероятность пожаров, возникающих при разрывах вражеских снарядов. Машинная команда поднимала пары в котлах, машинисты проверяли механизмы, готовясь дать полный ход; только на них возлагалась надежда на благополучный исход дела. Все работы были закончены к пяти часам вечера. После чего команде дали время поужинать, а офицеры собрались перед боем в кают-компаний. Странно было видеть её

крашенные белой эмалью голые стены, ещё несколько часов назад завешанные коврами и портъерами; исчезли яркие занавеси на окнах, которые были закрыты броняжками для защиты от осколков, снесены вниз мягкие диваны и дорогие стулья и столы, остался лишь большой офицерский буфет, который не успели разобрать.

Все офицеры крейсера собрались около буфета в парадной форме, блистали белизной крахмальные манжеты и воротнички, соперничая в блеске с драгоценными запонками, перстнями с именем корабля, золотым шитьем офицерских мундиров. Вестовые наполнили бокалы шипучим шампанским; старший офицер, подняв свой бокал, произнес традиционные слова:

– Победа или смерть.

Хор голосов ответил ему:

– Смерть или победа!

Офицеры опустошили свои бокалы и со звоном разбили их о палубу. Теперь они могли разойтись по своим боевым постам.

Когда Ромен Дюпрен и Ратмир поднялись на верхнюю палубу, она уже начала заполняться матросами. «Танор» начал движение к выходу с рейда. Но друзья не торопились занять своё место в рубке.

Настроение экипажа было приподнятое. Слышались оживлённый говор, шутки и отвечающий им смех. Страшно было подумать, что через малое время этим людям придется

участвовать в сражении, в котором многие – а может быть, и все они – найдут свою смерть. Они как будто рисовались друг перед другом своим безразличием к опасности. Хотя в действительности это была нормальная реакция отважного человека на грозящую ему смертельную опасность.

– Есть что-то жуткое и привлекательное в этом прощании в кают-компании, безо всяких высоких слов и клятв, – задумчиво проговорил Ратмир. – Мне кажется, что именно так человек должен готовиться к смерти.

– Ты прав, Ратмир. К чему лишние слова, они же всё прекрасно понимают, не хуже нас, теперь они уже настроились па битву, и сорвать их со своих постов сможет разве только сама смерть.

Подошла Анила в сопровождении Норта.

– Ратмир, не отсылай меня вниз на время боя, сегодня будет страшная битва, и я хочу быть с тобою.

– Да, любимая, сегодня мы будем вместе, и вместе встретим нашу судьбу, – задумчиво ответил Ратмир и, обняв её одной рукой, ступил на трап. – Поднимемся в рубку.

2

Едва «Танор» обогнул сторожевой мыс, выдающийся в море, как в пятидесяти кабельтовых от берега все увидели шесть словно прижатых к воде серых кораблей противника. В бинокли хорошо различались их вымпелы, а сквозь мощ-

ные линзы дальномеров матросы могли даже разглядеть врагов, суетившихся на палубах.

Колокола громкого боя вторили горнистам и барабанщикам, возвещающая воинственный и тревожный «Alarm», но и без того экипаж уже занял свои места, все были готовы. С последними звуками боевой тревоги на окнах боевой рубки откинулись броневые щитки, и дальномерные станции начали передавать к орудиям и командным постам дистанцию до неприятеля. У носа крейсера быстро вырастал огромный бурун; скоро вода уже свободно переливалась через высокий полубак. Пряди чёрного дыма из пяти труб свивались позади в длинные косы.

На вражеском флагмане взвился сигнал по международному своду.

– Предлагаю сдаться в плен, – прочел сигнальный старшина.

Дюпрен схватил телефонную трубку:

– Погонное орудие!

– Есть погонное.

– Дайте холостой выстрел, чтобы знали, что мы не сдаемся.

– Есть! – и орудие окатилось в четком залпе.

По приказу Дюпрена рулевой направил крейсер в проход между флагманским кораблем противника и вторым броненосным крейсером. На них же командир приказал сосредоточить огонь всей артиллерии.

Темнело. Но вражеские корабли, перекрывающие выход из бухты, ясно вырисовывались впереди. Огоньки – вспышки выстрелов – замелькали по их бортам. Послышался свист и грохот разрывов снарядов.

Крейсер отвечал, ведя бой на оба борта. Десятки снарядов падали вокруг, вздымая высокие фонтаны воды и обдавая его градом осколков.

Снаряд, попавший в носовое отделение, пробив правый борт у ватерлинии, сделал дыру в три фута диаметром, осколками от него были перебиты паровая труба шпилевой машины и пожарная труба. Об этом доложил в рубку санитарный старшина, вызванный в поврежденное отделение для эвакуации раненых.

Дюпрен приказал трюмным специалистам под руководством трюмного механика заделать пробоину, а воду, влившуюся через неё, спустить в канатные ящики и выкачать турбинами, что и было сделано.

За первым попаданием последовали другие. Залпы своих орудий, взрывы неприятельских снарядов и лязг разрушаемого железа смешались в сплошной грохот, сотрясая корабль. От этой тряски лопались электрические лампочки, у манометров отскакивали стрелки, с переборок осыпалась защитная пробка.

То там, то здесь возникали пожары, и комендоры участвовали в их тушении, а матросы трюмно-пожарного дивизиона заменяли павших у орудий.

Всё чаще на верхнюю палубу требовали носилки и санитаров, раненых спускали в операционный пункт, расположенный под бронепалубой, в жару и духоту корабельного трюма, где корабельные врачи делали всё возможное, чтобы облегчить их страдания.

Несмотря на убыль в людях, комендоры «Танора» подерживали небывало высокий темп стрельбы. И под стать им действовала подача снарядов. Снарядные беседки появлялись наверху безостановочно. Когда у некоторых орудий осколками перебило тросы подъёмников, снаряды стали подавать вручную по желобам. Но задержек и пропусков выстрелов из-за нехватки снарядов не было.

В боевую рубку через прорези попадали мелкие осколки, брызги воды и дым. Страшная завеса из дыма, пламени и водяных смерчей временами совсем скрывала полубак крейсера и вражеские корабли; все находившиеся в рубке были потрясены размерами бедствия, обрушившегося на их корабль. Ужас призывал укрыться за вертикальной стеной брони, но воля удерживала людей на своих постах – у штурвала, у дальномеров, у переговорных труб и телефонов. Хотя многие уже имели лёгкие ранения, лишь Анила позволила себе отступить как можно дальше вглубь рубки; на её красивом лице можно было прочесть весь тот ужас, который не могли показать окружавшие её мужчины.

Командиру постоянно по телефонам, переговорным трубам и с ординарцами поступали сведения о новых разруше-

ниях.

Два крупных снаряда, пролетев через оружейные порты, разорвались в правой батарее противоминной артиллерии. Они разрушили два из пяти находящихся там 75-миллиметровых орудий и произвели значительный пожар. Загорелись беседки с патронами, и дым от пожара смешался с угольной пылью, которую взрыв взметнул из угольных бункеров. Для тушения пожара была вызвана снизу прислуга этих орудий, которая до времени укрывалась под броневой палубой.

На рострах и спардеке вспыхнули пожары; на борьбу с ними был вызван трюмно-пожарный дивизион. Но находиться на открытой палубе, под взрывами фугасных снарядов, было практически невозможно. Люди падали один за другим, иногда – по несколько человек сразу, пожарные шланги рвались, пробитые осколками. Благодаря тому, что почти всё дерево на корабле было убрано, пожары не приняли больших размеров и были довольно быстро погашены. Но трюмно-пожарный дивизион заплатил за это высокую цену. Оставшиеся в живых укрылись под защитой броневой палубы, чтобы снова и снова принимать вызов смерти, бросаясь в самые опасные участки корабля.

В рубке царило сосредоточенное молчание, прерываемое лишь этими докладами и короткими приказаниями командира. Ратмир решил нарушить его:

– Ромен, противник хорошо пристрелялся, необходимо изменить курс.

– Пожалуй, верно, – откликнулся командир крейсера, не отрываясь от прорези в броневом щитке. – Рулевой, два румба вправо, а через пару минут выровнять курс.

– Есть, – последовал ответ.

Крейсер изменил курс, Количество попаданий сразу уменьшилось. Но ненадолго. Командир опять скомандовал изменить курс, затем – ещё и ещё. Это увеличивало время до сближения с противником, но снижало эффективность вражеского огня.

В броню боевой рубки ударил шестидюймовый снаряд. Вреда он не причинил, но рубка подпрыгнула на барбете, и от сотрясения остановились часы.

При следующем попадании в рубке был ранен вахтенный начальник; его унесли в лазарет на перевязку. При этом был разбит левый дальномер, его заменили правым; но не прошло и нескольких минут, как и он, отброшенный к переборке вместе с матросом—дальномерщиком, вышел из строя. Дюпрен приказал артиллеристам переходить на стрельбу по плутонгам, в каждом из которых имелся свой дальномер.

Под мощным огнём противника надстройки превращались в кучу изломанного металла. На фок-мачте осколками перебило сигнальные фалы и сбило нижний рей. Обрывая ванты, срезанная снарядом грот-мачта с грохотом рухнула и свалилась за борт.

Восьмидюймовый снаряд ударил в рубку с носа. В воздухе закружились металлические стружки; что-то огненное вле-

тело внутри рубки, полыхнув из прорезей тысячами искр. Каждый, кто в ней был, невольно схватился за грудь: едкий газ заставил всех захлебнуться кашлем, заглатывая белые невесомые хлопья, похожие на клочки ваты. Но вентиляция быстро очистила воздух, а броня в очередной раз выдержала нелегкое испытание.

Дюпрен постоянно требовал увеличения хода. Форсирование котлов пустили максимальное.

Главный механик доложил из машины в боевую рубку:

– У нас здесь настоящий ад, жара невыносимая, да и к тому же, вентиляция засасывает в низы массу дыма. В кочегарках и машинных отделениях людей приходится каждые пятнадцать минут окатывать холодной водой из шланга, с некоторыми от усталости сделались судороги.

– Охотно сочувствую, Никола! – ответил Ратмир. – Но только от вас зависит судьба и нашего экипажа, и всего Танора. Держите ход во что бы то ни стало и выключите втяжную вентиляцию.

Впрочем, не один «Танор» страдал от вражеского огня. Видны были разрушения и на броненосных крейсерах противника. При сближении эти разрушения становились всё более заметными. Вся носовая часть флагмана, представлявшая собою сплошные обломки, дымилась от заливаемых пожаров; с башни главного калибра сорвало верхнюю броневую плиту. Второй крейсер тоже значительно пострадал. Из его носовой башни сиротливо выглядывало единственное

восьмидюймовое орудие; ствол второго силой взрыва оказался заброшен на передний мостик. С фок-мачты свисали раскачиваемые ветром снасти. Оба корабля стреляли медленно: значит, потери в экипажах были велики. Но оба крейсера упорно продолжали закрывать «Танору» выход в море.

Дистанция уже сократилась до десяти кабельтовых. Бой вступил в самую напряжённую фазу. Если броненосные крейсера не отвернут, то прорыв не удастся, попытка пройти мимо них может закончиться гибелью от тарана.

– Если через пару минут они не освободят путь, то можно будет всем нам заказывать гробы по дешёвке, – произнёс Дюпрен. Он стоял, не отрываясь от прорези, крепко стиснув зубы, и его карие внимательные глаза выискивали пути спасения крейсера.

По мере того, как корабли, рыская из стороны в сторону, пожирали разделяющие их последние сотни метров, напряжение в рубке «Танора» увеличивалось. Внезапно, когда между противниками оставалось уже не более пяти кабельтовых, второй броненосный крейсер не выдержал беглого огня «Танора»: на нём вспыхнул сильный пожар, и он, под радостные крики танорцев, начал отходить. Но флагман продолжал держать прежний курс, не собираясь менять его.

– Я не могу больше ждать, это будет для нас гибелью, – проговорил Дюпрен. – Рулевой!

– Есть.

– Постой, Ромен. – Ратмир внезапно остановил его. – Ру-

левой, курс на врага.

– Есть.

Нос танорского крейсера теперь смотрел прямо на противника. Ратмир схватил телефонную трубку:

– Носовой минный аппарат.

– Есть носовой минный аппарат. – В трубке послышался голос минера крейсера лейтенанта Этьена Лари.

– Этьен, приготовься выстрелить по моему приказу.

– К выстрелу готов.

Одной рукой Ратмир притянул к себе Анилу, а второй крепко сжимал телефонную трубку. Он напряженно следил за противником. Медленно тянулись секунды. Сардукары начали поворот вправо, навстречу «Танору». Это их спасло: теперь торпеда не была на целена им в борт, но лишь отсекала их крейсеру поворот влево – на таран.

– Огонь!

В нескольких метрах впереди крейсера возник пенный след от ушедшей торпеды; она перерезала путь вражескому кораблю. Там её тоже заметили. Под ещё более радостные крики танорцев, флагман сардукаров резко отвернул, уходя ещё дальше вправо. А в следующую минуту «Танор», тоже совершивший правый поворот, пронёсся рядом с ним – почти борт о борт.

Теперь противниками танорского крейсера были лишь два лёгких вражеских, и на один из них он обрушил шквал своего артиллерийского огня. После трёх попаданий шести-

дьюмовых снарядов там вспыхнул большой пожар; противник, резко отвернув, выскочил на мель. На «Таноре» слышали, как камни со страшным хрустом вгрызлись в тело вражеского корабля. Второй крейсер, не дожидаясь обстрела, сам освободил путь.

Но даже сейчас танорские моряки не могли вздохнуть спокойно. В сгущающихся сумерках сигнальщики заметили четыре вражеских миноносца, выходящие в торпедную атаку на крейсер с носовых курсовых углов. На них перенесло огонь носовое погонное орудие; к нему вскоре присоединились три уцелевших 75-миллиметровки правого борта.

Один из 152-миллиметровых снарядов попал в носовую часть ближайшего миноносца, проник в минные погреба и взорвал боезапас. В мгновение ока от корабля в две сотни тонн водоизмещения не осталось на воде ничего, кроме облака пара да угольной пыли из бункеров. Дюпрен, отрываясь от прорези в броневом щитке, радостно крикнул:

– Запишите в журнал: потопили вражеский миноносец!

Ратмир (который, поскольку вахтенный начальник выбыл из строя по ранению, взял его обязанности на себя) открыл вахтенный журнал и занёс в него сообщение о гибели вражеского корабля.

Ещё два снаряда противоминных орудий попали в другой миноносец: тот, окутываясь клубами пара, первым начал отходить, выпустив торпеды издали. За ним, так же выпустив издали свои торпеды, отошли и остальные два миноносца.

Четыре мины прошли мимо «Танора»: с крейсера были замечены их следы на воде.

Путь в океан был свободен.

«Танор» уменьшил ход до двенадцати узлов, чтобы избежать выброса искр из поврежденных труб и дать отдых кокегарам и машинистам.

Во что превратился красавец крейсер после боя! По окровавленным, изрешеченным осколками палубам перекатываются под ногами оглохших и полуслепых комендоров стреляные гильзы. Проходы загромождены обломками механизмов и неубранными снарядами беседками. Запах пороха, гари, стоны раненых.

Усталость притупляла у людей ощущение миновавшей смертельной опасности, боль ран и ожогов.

Ратмир отослал вниз Анилу, которая, хотя и была в полубмороке от пережитого, ушла вниз только после того, как он напомнил ей о Норте. Норт, конечно, находился в укрытии под броневой палубой, но неизвестно было, как грохот и сотрясения корабельного корпуса повлияли на обостренные от природы чувства кота. Сам Ратмир и капитан Дюпрен не спешили покинуть боевые посты, они лишь поднялись вместе с сигнальщиками на верхний мостик. Оставались на местах и артиллеристы крейсера, напряженно вглядываясь в ночь, чтобы вовремя заметить появление вражеских миноносцев. Но погони не было: видать, и в самом деле противник отстал. Приведённый в замешательство небывалой стой-

костью танорцев, он теперь зализывал нанесённые ими раны.

Вдруг раздался тревожный голос сигнальщика. Впереди шесть силуэтов!

Вскинулись бинокли, сияясь пронизать темноту. Отбоя тревоги ещё не было, и артиллеристы могли открыть огонь в любой момент.

Дюпрен вызвал главного механика:

– Никола, у нас, кажется, снова гости. Приготовьтесь дать полный ход.

– Не выйдет, капитан, у меня половина кочегаров в обмороке от теплового удара, – отвечал тот. – Когда отключили вдувную вентиляцию, у нас резко подскочила температура. К тому же, у нас проблемы с правой машиной.

– Сколько сможете дать хода?

– Не больше двадцати узлов, да и то максимум па четверть часа.

– Хорошо. По моему приказу выжмите всё, что сможете. – Дюпрен повернулся к Ратмиру. – Нам не выдержать второго боя, машины уже начали сдавать.

– Да, люди устали, сейчас я не поручусь и за меткую стрельбу наших комендоров. Но нам не остаётся ничего другого как драться до конца, верно, Ромен?

– Да.

Но вскоре, возвещая спасение зажглись прожектора приближающихся кораблей. Их светлые бивни скрестились на мачтах одного из них, высветив чёрный пиратский флаг и

флаг святого Андрея Первозванного.

Переведя дыхание, Ратмир радостно воскликнул:

– Мы спасены, это каперы, это капитан Лигов!

Для того, чтобы связаться с каперами были принесены из шкиперской запасные фонари. Каперы приняли позывные. Они окружили поврежденный танорский крейсер, оберегая его от минных атак, и в таком порядке корабли вместе вышли в открытое море.

Всю ночь шли, не открывая огней, стараясь отойти как можно дальше от враждебных берегов.

3

Всю ночь танорские моряки приводили в порядок свой крейсер. Они заделывали пробоины в корпусе, заменяли разбитые трапы лестницами-временками, освобождали проходы от разбитого железа. Небольшие надводные пробоины заделывались деревянными пробками, подогнанными по размеру, большие надводные и подводные пробоины закрывались деревянными щитами с прокладкой из матов, защищавших от поступления внутрь воды. Сигнальщики натянули временные фалы и вынесли наверх запасные комплекты сигнальных флагов. Артиллеристы исправляли повреждённые орудия и механизмы подачи снарядов.

К рассвету танорцам удалось привести свой корабль в бо-
жеский вид, хотя со стороны всё же невозможно было без

сожаления смотреть на обожжённый и разрушенный крейсер. Именно таким его увидели в первых лучах восходящего солнца моряки каперских кораблей. Как только достаточно рассвело, на мачте флагмана капитана Удачи взвились сигналы с просьбой всем кораблям отряда застопорить ход, и вскоре, подчиняясь этой просьбе, все семь кораблей легли в дрейф. Вслед за этим с «Татьяны» просигналили на «Танор», прося принять шлюпку. Почти одновременно с сигналами с ростров клипера была спущена шестёрка. Матросы согнулись над веслами, и лёгкая шлюпка полетела к танорскому крейсеру. В ней были капитан Лигов и три его офицера.

Как только сигнальщики разобрали флаги сигналов на корсарском флагмане, Ратмир распорядился принять шлюпку. Так как трапы были разбиты, для Лигова спустили штормтрап, по которому капитан каперов и поднялся с ловкостью кошки; офицеры следовали за ним.

Ступив на палубу «Танора», капитан Удача вскинул руку вверх – поприветствовал всех, кто находился на палубе: и матросов, и офицеров. Затем пожал руки Ратмиру и капитану Дюпрену, с которыми его однажды свела судьба, а Аниле отвесил изящный поклон, могущий сделать честь любому придворному.

Господа! – произнёс капитан. – Я очень рад, что могу приветствовать вас в добром здравии.

Мы тоже очень рады вас видеть, капитан, – ответил Ратмир. – Но где же, капитан, ваша прекрасная дочь Татьяна?

Она вышла замуж за одного из моих лучших капитанов и ушла с ним в море.

Очень жаль, что мы не сможем её увидеть, – проговорила Анила. – Но как вы сами здесь оказались?

Как только капитан «Кинды» сообщил мне, что «Танор» отправился к сардукарскому побережью, я поспешил со всеми судами, находившимися в это время на острове к вам, понимая, что вам, скорее всего, придётся принять неравный бой. Очень жаль, что я опоздал.

Вы знали, что у сардукаров появились новые крейсера?

Да, и притом не только крейсера; мои союзники—индейцы сообщили мне, что сардукары спустили на воду четыре мощных броненосца, способных вести боевые действия в акватории Караибского моря.

Ратмир прервал беседу: он пригласил Лигова и его офицеров в адмиральский салон, извинившись, что не может предоставить им тех удобств, которые были на крейсере до боя.

В салоне они продолжили разговор. Правда, не сразу. Состоялся ещё один, традиционно русский обмен приветствиями: крепчайшими рукопожатиями и похлопываниями по спине, от которых мог свалиться бык, не знакомый с морским этикетом и широтой русской души. Здесь, наедине, старые знакомые могли дать волю чувствам. Но настало и время серьёзной беседы. Ведь, отчасти, именно ради неё Ратмир увёл гостей с палубы.

Капитан Удача сообщил, что сардукары резко увеличили численность килей своего флота и качественные показатели новых кораблей. Всё указывало на скорое начало компании против каперов, обосновавшихся в Караибском море.

– Очевидно, – продолжал Лигов, – к этой компании присоединятся и пираты. – Впрочем, Ратмир... – Он вдруг помрачнел. – Мы зря теряем драгоценное время на мои проблемы.

– Почему – зря?

– Потому что ваши проблемы гораздо важнее. Дело в том, что Танору грозит большая опасность. Британское информационное агентство «Таймс» сообщило, что камни власти Танора находятся в руках сардукаров и что Большой Сардукар, в соответствии со статьями договора ООН, приказал европейским державам уничтожить Танор как государство, потерявшее свои символы.

«Кто же успел настучать «Таймсу»? – хотел крикнуть Ратмир. – Бров, что ли?» Но сдержал себя. Вслух спросил только:

– И «Таймсу» поверили?

– К сожалению, да. Британское правительство начало в Европе подготовку к вторжению, за ними пошли Джермания, Аустрия и Турция. Своим военным авторитетом они заставили другие государства Европы следовать за ними. Союзные флоты блокировали Боевой Флот Танора на рейде Марсея, а армии союзников накапливаются на границах Тано-

ра: в любой момент они могут начать наступление.

– Чёрт возьми, нам необходимо спешить!

– Ратмир, мой корабль к твоим услугам, а «Танор» мы отремонтируем на нашей базе, но нам нужно спешить, чтобы предотвратить кровопролитие!

– Ратмир обратился к Дюпрену:

– Ромен, я приказываю вам следовать на базу капитана Лигова и произвести там необходимый ремонт, оплатив его из казны крейсера. По прибытии в Танор всё будет возмещено из государственной казны.

– Слушаюсь.

– Я вместе с Анилой воспользуюсь предложением капитана Лигова.

– Ратмир с Анилой перебрались на флагман капитана Удачи. «Татьяна», отделившись от остальных каперов и «Танора», направившихся к базе Лигова, взяла курс на Кадикс.

...Экипаж флагмана делал всё возможное, чтобы поскорее привести клипер к цели. Земля Европы приближалась с каждым часом, с каждым оборотом винтов, с каждым дуновением ветра, наполнявшего паруса, но ведь, когда спешишь, время всегда тянется излишне медленно. Нетерпение и тревога за свою страну, за вверенный им народ не покидали правителя и правительницу Танора.

На корабле капитана Удачи Ратмиру и его жене была предоставлена отдельная каюта. Так же, как и при возвраще-

нии с набега на базу Громилы Робсона, во время которой была освобождена из плена Анила. Они обедали в роскошно обставленном салоне каперского капитана с его старшими офицерами; во время обедов и после них завязывались беседы, которые помогали скоротать вынужденное ожидание.

Однажды Ратмир спросил у Лигова:

– Олег Николаевич, как же вы узнали о происходящем в Европе?

– Дело в том, – отвечал тот, – что уже давно мне удалось подключиться к телеграфному кабелю, который связывает Америку с Европой. Конечно же, незаконно. Хотя именно благодаря этому я всегда в курсе всех мировых дел.

– Даже если вы находитесь в море?

– На «Татьяне» и других моих кораблях установлены очень мощные радиостанции, такая же радиостанция работает на островной базе. По цепочке, специальным шифром, информация передаётся на нужный корабль.

– А можно ли использовать вашу радиостанцию, чтобы предупредить европейцев о том, что мы возвращаемся и камни власти Танора с нами?

– Я думаю, этого не стоит делать, Ратмир, – задумчиво проговорил капитан Удача. – Если мы так поступим, никто не поверит нам, – наоборот, бретанцы и сардукары форсируют события. К тому же, рейдеры союзников начнут разыскивать нас, чтобы утопить и не допустить вашего прибытия в Европу.

– Да, пожалуй, вы правы, капитан... но, черт возьми, как же тяжело ждать и терять время, когда враги, может быть, сокрушают твою страну, которую ты мог бы спасти!

4

На рассвете последнего дня пути Ратмира разбудил посыльный от капитана. Лигов просил срочно подняться наверх. Быстро одевшись, Ратмир оставил ещё спавшую Анилу и направился на мостик.

Поднимаясь, он увидел, что на мостике уже собрались все старшие офицеры. Все они, включая и капитана, что—то разглядывали в бинокли.

Лигов приветствовал Ратмира:

– Доброе утро, правитель. – Капитан протянул ему бинокль. – Взгляните. – (Подняв бинокль, Ратмир увидел в его окулярах идущий наперерез «Татьяне» крейсер под трехцветным фракийским флагом). – Они знают, что возглавляемые мною каперы союзны Танору, и – я думаю – атакуют нас.

– Какие у нас шансы на успех в бою?

– Невысокие, я бы сказал – даже нулевые. Это броненосный крейсер рейдерского назначения, он довольно устаревший, но всё же «Татьяне» с ним не справиться. Там – двенадцать шестидюймовых орудий и два восьмидюймовых, да и броня кое-что значит.

– Но мы можем уйти от него.

– Да, ход «Татьяны» таков же, как и ход этого крейсера, но мы потеряем много времени.

– Да, верно. – (Ратмир задумался на мгновение). – Олег Николаевич, можете ли вы рискнуть своим клипером и своей жизнью?

– Это моя профессия. Если риск оправдан, то я согласен на любой риск.

– Если мы не можем прорваться с боем и не хотим терять время на гонки по морю, то нам нужно вступить в переговоры с командиром этого корабля и заставить его пропустить нас.

– Но если у него есть приказ не допустить вашего прибытия в Европу?

– Если бы речь шла о бретанцах, я бы не стал даже предлагать переговоры, но фракийцы – не враги Танору и более обязательны в соблюдении общемировых правил.

– Что ж, попробуем, – задумчиво произнёс капитан Удача и отдал приказ: – Ложимся в дрейф, поднимите белый флаг и просите прислать шлюпку.

Один из офицеров усмехнулся:

– Представляю себе рожу их командира! Ведь не каждый день можно увидеть белый флаг на мачте корабля капитана Удачи.

– А я представляю наши рожи, если танорцу не удастся уговорить фракийцев пропустить нас, – тихо ответил другой.

Тем временем каперский клипер по приказу капитана лег

в дрейф, поднял флаг перемирия и просьбу прислать шлюпку с заместителем командира. Фракийцы, приблизившись на расстояние около полумили, тоже застопорили машины; с ростров крейсера был спущен вельбот с гребцами, в него спустился офицер, и вельбот заскользил по водной глади к «Татьяне».

Ратмир, наблюдая за его приближением, размышлял: как вести переговоры? Он поделился своими мыслями с Лиговым.

– Капитан! Просто так отпускать представителя фракийцев с клипера после того, как он узнает, кто находится на борту – нельзя.

– Не можем же мы его задержать. Он, конечно же, вынужден будет поехать с докладом к командиру.

– Да, лучше было бы, если бы к нам пожаловал командир, но это невозможно. – Ратмир опять задумался. – Впрочем... я сам поеду с ним на крейсер и переговорю с их командиром.

– А если он все-таки не согласится пропустить нас, а вас арестует или убьет, отняв камни власти?

– Анила останется на клипере со своим камнем власти, и, в случае моей неудачи, вы сможете уйти.

– Если сможем, – усмехнулся капитан. – Хотя, у меня найдется парочка сюрпризов для незваных гостей.

Тем временем вельбот подошел под трап «Татьяны». И одновременно на палубе появилась встревоженная Анила с Нортм на руках. У Ратмира не было времени объяснять си-

туацию. Он обнял жену, прошептал, указывая глазами на показавшегося на трапе фракийского офицера:

– Не показывай ему страха, держись естественно, Олег Николаевич тебе потом все объяснит.

– Снова стрелять?! – ужаснулся Норт, еще не пришедший в себя после переживания на борту «Танора».

Лигов двинулся навстречу фракийцу с приветствием:

– Я очень рад впервые видеть на палубе «Татьяны» представителя Фракии, который находится здесь не в качестве пленника.

Лицо фракийского офицера было надменным:

– Капитан Удача! Если вы сдаётесь, то, хотя бы, ведите себя, как подобает проигравшему, – или, клянусь честью мы потопим ваш корабль в течение следующих пяти минут.

– Мне кажется, господа, что здесь какое-то недоразумение, – обратился к своим офицерам и Ратмиру с Анилой капитан.

Фракиец картинно поднял брови. Но когда он увидел среди каперских офицеров Ратмира и Анилу с диадемами власти на головах, он просто остолбенел. Заметив, какое это произвело на него впечатление, Ратмир выступил вперёд:

– Мне показалось, кто-то здесь угрожает кораблю, на борту которого находятся правитель и правительница Танора? Прошу не забывать, господин капитан второго ранга, что за подобное оскорбление, нанесённое правителю дружественной державы, вы и ваш командир можете быть преданы суду

и лишены званий.

Фракиец был теперь явно растерян:

– Приношу вам свои извинения! Но мы никак не ожидали увидеть вас на каперском корабле... Тем более, что... по сообщениям информационных агентств вы пропали где-то в Америке...

– Если даже мы пропали, – то, как видите, давно нашлись.

– О, я теперь понял... это была какая-то ошибка... прошу извинить меня, господа... но я вынужден доложить обо всём своему командиру... – С этими словами, офицер хотел повернуться и направиться к трапу.

Его опередили слова Ратмира:

– Момент! Я еду с вами, мне необходимо лично переговорить с вашим командиром. Надеюсь, вы не против?

Фракиец смог ответить лишь жестом, приглашающим спуститься в вельбот. Но его придержал за рукав мундира Лигов.

– К разговору о пяти минутах, мсье, – тихо произнёс он. – Может быть, вы и не знаете, но в носовой части моего корабля есть замаскированный торпедный аппарат, который сейчас направлен прямо в ваш борт, а потому – прошу вас не делать глупостей.

...Всё время переезда на крейсер Ратмир и фракиец молчали. Ратмир придумывал, что он скажет командиру крейсера; фракиец беспокоился о возможных последствиях своих слов, сказанных на клипере.

Когда вельбот подошел под трап, кавторанг жестом предложил подняться на палубу. Ратмир поднялся. Навстречу им спешил фракийский командир в чине капитана первого ранга. Он узнал гостя. И, конечно же, узнал камень, который горел в диадеме: Ратмир как раз поправил диадему, чтобы она лучше смотрелась.

Надо было пользоваться ситуацией!

– Господин капитан первого ранга! Я, правитель Танора Ратмир Романов, заявляю: только что, на клипере капитана Удачи, ваш подчиненный угрожал потопить означенный клипер вместе со мною. Я надеюсь, вы понимаете, что за этим может последовать?

Фракийский командир чувствовал себя всё более неудобно.

– Ваше высокопревосходительство, разрешите мне принести свои извинения за этот инцидент, ведь нас информировали, что вы потеряли камни власти, и, к тому же, мы не могли ожидать увидеть вас на каперском корабле...

– Капитан Удача находится на службе у Танора, вы это знали... раз приказали атаковать его флагман.

– Да, но...

– Очень хорошо, мсье...

– Рожен де Вилль.

– Очень хорошо, мсье де Вилль, можете считать что ваши извинения приняты. Но для того, чтобы вы смогли сами и загладить свою ошибку, я предлагаю вам сопровождать «Та-

тьяну» до рейда Марселя, предупреждая возможные покушения со стороны кого-либо.

– Конечно, ваше высокопревосходительство, я буду рад служить вам...

– С вашего любезного разрешения, капитан, я останусь на борту вашего крейсера. На «Татьяне» осталась моя супруга, и этот клипер будет сопровождать нас.

– Как вам будет угодно...

«Всё-таки фракийцы – неплохие люди, – подумал Ратмир. – Робкие, правда... Но кто же, кто же пустил слух, что мы были в плену? Бров? Но не только... Кто-то за всем этим стоит...»

Во время дальнейшего следования «Татьяна» и фракийский крейсер «Альжери» несколько раз встречали другие патрульные суда, но фракийцы каждый раз защищали каперский корабль.

До Кадикса оставалось несколько часов ходу. С «Татьяны» дали радио, вызвав для сопровождения два корабля береговой обороны Танора. Вызванные корабли присоединились к ним. Ратмир, прощаясь с командиром крейсера, сказал:

– Я очень благодарен вам, мсье де Виль, за сопровождение и защиту от бретанских рейдеров. Я считаю, что инцидент на этом исчерпан, не так ли?

– Да, ваше высокопревосходительство, я столь же благодарен вам за то, что вы простили нас за нашу ошибку.

– О чём речь! В ошибке виноваты не вы, а те, кто выдумал эти законы, приравнивающие правителя к его символу! – ответил Ратмир. – Честь имею, капитан.

Прибыв на борт «Татьяны» Ратмир сказал собравшимся на мостике каперам и Аниле:

– Должен сказать, нам здорово повезло, что мы натолкнулись на фракийцев. Они не любят принимать на себя ответственность. Благодаря этому мы до сих пор живы.

– Да, – подтвердил Лигов, – если бы нам попались бретанцы, – боюсь, «Татьяна» заодно со всеми нами давно была бы уже на дне.

– Да. – добавил Норт, поудобнее устраиваясь на руках у Анилы. – А ведь я так и не научился плавать, кроме как стилем Топора.

Все шумно согласились с ним.

Теперь уже в сопровождении трех кораблей «Татьяна» продолжала путь к Марселю, на рейде которого стояли противоборствующие флоты. Известие о возвращении правителей Танора с камнями власти вогнало вооруженные силы союзников в паралич. Иные даже открыто радовались тому, что избежали кровопролития. Как выяснилось, Танор имел в Европе очень высокий рейтинг доверия и популярности.

Для встречи Ратмира и Анилы союзники выслали по одному кораблю от каждого государства. В сопровождении этого почетного конвоя клипер «Татьяна» и прибыл на рейд.

...Ратмир, стоя на мостике флагманского корабля капитана Лигова, смотрел на союзный флот, мимо которого проходила «Татьяна». Медленно проплывали боевые корабли всех европейских стран, имеющих флоты.

Вот самые главные враги Танора, бретанцы. Высоко в небо вздымаются железные мачты их кораблей, величественно и грозно развеивается на них сине-красный «Юнион-Джек». Настороженно глядят из казематов и башен тяжелые орудия, на широких чистых палубах в чётких шеренгах застыли их экипажи, разочарованные несостоявшимся сражением.

Вот, под зелёными флагами, тяжёлые и чёрные турецкие броненосцы с низкими толстыми трубами, все какие-то угловатые, похожие больше на доисторические чудовища, чем на боевые корабли. Из башен и казематов, словно из пастей, торчат клыки главных калибров.

Бело-сине-красный триколор реет над небольшими в своём большинстве и аккуратными фракийскими кораблями, их экипажи явно рады, что сражения не будет. «Татьяна» проходит мимо них. Импульсивные фракийские матросы ломают строй и с приветственными криками подбрасывают вверх синие бескозырки с красными помпонами.

Далее – многочисленные австрийские корабли. Это союзники бретанцев. Они тоже недовольны: тем, что не состоялись ни бой, ни... грабёж, который мог наверняка за ним по-

следовать.

После главных европейских флотов, ближе всех к противнику, – флоты бельгийцев, греков, итальянцев, славян и балканцев. Их корабли невелики, а экипажи радостно приветствуют Правителей Танора, которые из века в век являются их защитниками от более сильных соседей.

Вот остался позади союзный строй. Клипер направляется к собравшемуся на марсельском рейде флоту Танора. Капитан Лигов удивленно присвистнул:

– Взгляните, Ратмир! Рядом с танорскими – корабли Морокканского флота!

Действительно! Рядом с легкими, стремительными, крашенными в серый цвет крейсерами и мощными и тяжёлыми броненосцами, принадлежащими Танору, стоят белоснежные морокканские ко-рабли.

– Они пришли нам на помощь, – произнес Ратмир. – Они не испугались того, что за это их так же могут покарать, и не изменили нам.

«Татьяна» медленно проходила меж рядами кораблей, с которых своих правителей приветствовали радостными криками матросы и офицеры. Рейд огласился салютами. Вслед за танорцами, оглушая всё вокруг, палили и корабли союзников. Но не все. Бретанцы, снявшись с якорей, медленно растворялись в безбрежии моря.

«Татьяна» подошла к борту флагмана Танорского флота. Это был великолепный и мощный эскадренный броненосец,

каких не имел ещё ни один флот. Он как бы олицетворял собою морское могущество Танора. Весь серый, закованный в панцирь лучшей в мире крупновской брони. Среди множества надстроек – огромные трубы и высоченные мачты. На баке – грузно вращающаяся броневая башня, из амбразур её глядят два длинных дула двенадцатидюймовых орудий; вторая такая же башня угрожает возможному противнику с кормы. Из открытых орудийных портов выглядывают восемь 152-миллиметровых орудий, а этажом ниже, на батарейной палубе, стоят 75-миллиметровые скорострельные пушки, призванные защищать броненосец от атак вражеских миноносцев. Над палубой громоздятся мостики, передний – в три и задний – в два яруса, на них – совсем мелкие пушки и прожектора с огромными отражателями. На рострах меж двух труб, в специальных гнездах, – паровые катера, баркасы и шлюпки.

Под пение горнов и треск барабанов Ратмир с Анилой и капитаном Удачей поднялись по парадному трапу на палубу – длинную и широкую, как городской проспект. Правители Танора приветствовали экипаж флагмана, и сотни голосов согласно и радостно отвечали им. Затем к Ратмиру и Аниле один за другим подошли с приветствиями адмиралы и сановники Танора, а после них – правитель Морокко Муэль Аббаль и правители других государств, чьи корабли ещё оставались на рейде.

Ратмир от души пожал руку правителю Морокко:

– Спасибо вам, что не оставили своих союзников в беде.

– О чем речь, я бы не смог уснуть, если бы позволил моим солдатам и матросам спокойно смотреть, как гибнет Танор, столько сделавший доброго для нас!

Затем Ратмир обратился к правителям друг их государств.

– Господа, вы пришли сюда как враги, но пришли не по своей воле; я верю, что вы не желали гибели Танору. Вас ввели в заблуждение и силой заставили пойти против своей совести. Я считаю, что мы должны собраться, на конференцию и исключить из договора ООН эти несправедливые статьи, чтобы ещё одно государство, ещё один народ не сделали их жертвами.

Раздался тихий гул голосов. Голосов удивлённых и одобрительных. А импульсивный правитель Романии даже крикнул, обращаясь к стальным:

– Правильно! Хватит нам одной Сицилии и этого недоразумения с Танором!

Гул голосов сделался громче. Анила, встав рядом с Ратмиром, произнесла своим мелодичным голосом:

– Господа, раз уж всё хорошо закончилось, – почему бы нам не отпраздновать счастливое завершение нынешнего кризиса, а вместе с нами будет праздновать и весь Танор.

Новые радостные крики на корабле покрыли её слова; и, разносясь по рейду, они были вновь подхвачены командами других кораблей. Эти крики заглушили удовлетворенное кошачье ворчание:

– А вот это я одобря-я-а-а-у!

Часть пятая. Сын Ратмира.

1

– Скажи, Норт, вот в этой книге говорится о той же стране, в которой жил отец?

Огромный рыжий кот прошел по столу и улегся поперек страницы открытой книги, быстро проглядывая ее.

– Да, Ратмир, это говорится о России.

– А что там говорится? – вступил в беседу молодой индеец в форме курсанта Морского Кадетского Корпуса Танора.

– Здесь написано, Сваниссит, о том, куда русские перед последней битвой спрятали свои сокровища.

– Наверное, много золота, серебра и драгоценных камней? – предположил юный ирокез.

– А также множество великолепных произведений искусства, – добавил Норт.

– Здесь сказано, что сокровища были укрыты в бомбоубежище в Yuventa Cite, который построен на Amore River.

– Клянусь богами, весьма точный адрес! – рассмеялся Сваниссит. – Город Юности на Реке Любви!

– Здесь ещё – какие-то стихи, которые могут послужить поискам этого бомбоубежища, – вставил кот.

– А что такое бомбоубежище? – спросил ирокез.

– Специальное укрытие от снарядов, – отвечал Норт. – Их

делают в наших крепостях.

– Жаль, мы не знаем, что означает этот Город Юности на реке Любви! – проговорил Ратмир.

– О чем ты сожалеешь? – В комнату вошел правитель Танора Ратмир Романов. Он провел рукою по голове сына и заглянул через его плечо в книгу.

– Мы с Нортотом и Сванисситом нашли в дворцовых тайниках ещё одну книгу о России, и там указано, где спрятаны легендарные сокровища России. – Ратмир-младший, вежливо потеснив кота, показал отцу старый том.

– Постой, постой. – Ратмир-старший задумался, разглядывая твёрдый коленкорковый переплёт. – Amore River. Аморе... Аморе... Аморе... Слушайте, это ведь река Амур, река на востоке России!

– Верно, подходит, – мурлыкнул кот. – Тебе лучше знать, ты там жил! А что же за город Юности?

– Я жил не там, я жил в Таёжном, Норт... Городом Юности называли Комсомольск-на-Амуре.

– Верно! – обрадовался Сваниссит. – Теперь нам осталось совсем немного!

– А именно? – (Ратмир-старший повернулся к сыну и юному ирокезу).

– Только пойти и выкопать сокровища, – ответил Сваниссит.

– Сразу видно, что ты плохо учил в корпусе географию! – рассмеялся Ратмир-младший. – Ведь вся территория России

покрыта сплошным ледником... Кстати, откуда этот ледник?

– Этот ледник сардукары устроили, чтобы остановить загрязнение окружающей среды, вызванное применением против России какого-то страшного оружия, – пояснил Норт.

– Я думаю, что это было...

Но Ратмир-старший не успел договорить. Норт внезапно насторожился – и вдруг, шипя, прыгнул на висевший около стены гобелен. Острые кошачьи когти пронзили тонкий материал насквозь. Раздался крысиный писк.

– Мне кажется, что я упустил какую-то крысу, – с огорчением проговорил кот. – Видимо, я начинаю терять навыки настоящего кота-охотника. – Впрочем, – заметил он, – в этом виноват не один я.

– А кто же ещё? – любопытствовал сын Правителя.

– Я уже давно хотел поговорить об одном очень важном деле, – серьезно молвил Норт. – Я считаю, что в последнее время не исключены попытки иностранных спецслужб использовать в шпионской деятельности разумных животных, как это уже практиковалось у нас. А наиболее приспособлены к такой службе именно крысы и мыши, – продолжал он. – Под моим началом, для охраны дворца от грызунов, состоит около сотни кошек, и до последнего времени они неплохо справлялись со своей работой. В последнее время грызунов уже почти не видно. Хотя из-за этого кошки теряют навыки... и жиреют. Мя-а-а-ау!

– Ну и что же мы можем сделать для твоих подчинен-

ных? – спросил правитель.

– Для дворцовой охраны, чтобы она не теряла навыков, регулярно проводятся учения, к их услугам тренировочные залы. Так вот, я думаю: не сделать ли нам нечто подобное и для кошек? – заявил Норт. – Я думаю, что на это не потребуется очень много средств.

– Все это, конечно, интересно, но как ты заставишь кошек заниматься физкультурой?

– А вот предоставьте мне спортзал, и вы увидите, что кошки занимаются физкультурой не хуже людей! – азартно проговорил кот. – У нас, разумных животных – большое влияние на наших обыкновенных собратьев.

– Что ж, – проговорил Ратмир-старший. – В этом что-то есть.

– А деньги на кошачий спортзал можно найти, если несколько секвестровать «молочный бюджет» нашего двора, – со смехом заявил Ратмир-младший.

Лежавший до этого спокойно, Норт при упоминании о секвестровании молочного бюджета вдруг подпрыгнул, оттолкнувшись всеми четырьмя лапами, – и с громкими воплями ринулся вон из подвала.

– Анила, Анила-а-а! – орал он, не снижая хода на поворотах! – Меня-а-а хотят ум-м-мор-р-рить голодом!

– Он переполошит всю дворцовую стражу, – заметил Сваниссит.

– Ничего, иногда им даже полезно слегка переполошить-

ся, – ответил правитель. – Чтобы не теряли бдительности.

– Давайте уйдем отсюда, – предложил Ратмир-младший. – Только я возьму эту книгу с собою.

Когда они шли по слабо освещенным лестницам дворцовых подвалов, он спросил отца:

– Отец, можно я подарю Сванисситу древний боевой топор, который висит в Оружейной комнате?

– А что, ему он понравился? – спросил Ратмир-старший, оборачиваясь к Сванисситу, и по вспыхнувшим глазам иронического понял ответ. – Конечно, Ратмир, о чем может быть разговор!

– Спасибо вам, Ратмир Романович! – радостно воскликнул Сваниссит. – Мой отец всю жизнь мечтал о том, чтобы иметь такой топор, а у меня он будет!

2

Крейсер-яхта «Танор» входил в Торговую бухту на побережье Аляски – недалеко от места, где когда-то (в двадцатом веке) стоял Анкоридж. С борта на неё открывался прекрасный вид. Ограда из высоких сопок, на которых располагаются крепостные батареи, великолепно замаскированные и не различимые с моря. В небольшом естественном бассейне рядом с деревянным баракком мастерских дымят суда флотилии. В коммерческой части порта виднеются мощные порталы, пакгаузы, склады и путаница рельсов, по ко-

торым снуёт одинокий маневровый паровозик. Нитки рельсов, пробегая мимо небольшого поселка с домами, выстроенными – на ацтекский манер – из необожженных глиняных кирпичей, теряются меж сопками; на одной из сопок, почти у вершины, дымит высоченными трубами теплоэлектростанция, дающая электрический ток в мастерские и в дома.

Сюда через всю Атлантику и Тихий океан идут из Танора конвои с вооружением для ирокезов. Здесь они берут для Европы огромные тюки драгоценного «мягкого золота» – мехов пушных животных, множества которых убереглись в прошлые века от уничтожения в лесах, принадлежащих теперь ирокезам. На Торговую бухту базируются несколько канонерок и миноносцев, которые Танор продал Ирокезской Конфедерации; офицерами и унтер-офицерами на них – добровольцы из Танора, матросами – ирокезы или ацтеки.

На этот раз крейсер-яхта правителя Танора включена в ордер охранения конвоя, являясь самым сильным его кораблем и флагманом. За ним, в двух кильватерных колоннах, следуют двадцать три торговых корабля европейских (в том числе танорских) коммерсантов. По сторонам торговцев – остальные конвойные суда: четыре парусно-винтовых клипера, старый рангоутный броненосный крейсер, а также «Атревида» – учебный клипер Танорского Морского Кадетского Корпуса, который на этот раз включен в конвой и на котором, в практическом плавании, находятся сын правителя Та-

нора Ратмир и сын Великого вождя Ирокезов Атога Сванисит.

Порт обслуживался ацтеками, которых в свое время – больше пятнадцати лет назад – спас Атог. Они переправились в свободные земли Аляски (она принадлежала Ирокезской Конфедерации). Там образовалась самая крупная из всех ацтекских колоний на землях ирокезов. Ацтеки Нового мира – не очень хорошие строители. Чуть получше, чем сами ирокезы. Но работа шла. По проектам танорских инженеров и под их же руководством возводился и обустроивался порт, прокладывалась железная дорога, создавались первые промышленные предприятия. Жаль, возможности мастерских были малы, рабочих рук постоянно не хватало, почти никакая другая работа, кроме обслуживания порта, не велась. Иначе инженеры получили бы ещё больше оснований гордиться своей работой.

Тишина и запустение царят здесь много месяцев кряду. Лишь два раза в год, когда приходят танорские конвои, воздух над бухтой оглашается паровозными свистками, перезвоном вагонных буферов, оживают краны, поднимая из корабельных утроб военные грузы и забивая их под крышку люка пушниной – основным экспортным товаром Союза Пяти Племен. Как только европейские корабли уйдут обратно, а поезда вывезут грузы на юг, поселок и порт вновь – до следующего конвоя – впадут в сонное оцепенение, оживляемое лишь редкими приходами поездов с новыми запасами пуш-

нины.

Так и в этот раз.

Порт оживал буквально на глазах. Со стороны поселка к пристаням устремились сотни людей. Флагман флотилии, броненосец береговой обороны «Император Куаутемок», салютуя союзникам, выбросил из орудий главного калибра ступки огня и окутался дымом бурого дымного пороха, используемого в старых орудиях. Ему ответил «Танор». Суда конвоя начали занимать места по диспозиции. Все суда флотилии одновременно украсились приветственными флагами.

На правах флагмана конвоя и яхты Правителя «Танор» встал к лучшему причалу – бетонной стенке, на которую можно было сойти прямо борта корабля.

Правителя встречали на пристани вожди всех пяти племен Ирокезской конфедерации во главе с Атогом, касик ацтеков, управляющий поселком, командиры крепости и флотилии. Все – в национальных костюмах, лица и тела вождей и воинов племен сенеквов и онондагов – в праздничной раскраске. Среди перьев и ирокезских вышитых одежд из звериных шкур, среди белых ацтекских туник странно выделялись сверканием своих мундиров танорские офицеры.

Как только Ратмир появился у борта корабля, оркестр флагмана грянул гимн Танора, который был довольно неумело поддержан музыкантской командой командира порта. Под звуки гимна Ратмир в сопровождении Анилы, а также сына, Сваниссита и, конечно же, неизменного Норта сошел

на стенку.

Церемония приветствия вышла скомканной. Ирокезы-вожди ещё не могли назвать себя достаточно цивилизованными. А особенно смутило их присутствие разумного животного в свите правителя Танора: как же приветствовать кота, если даже кот и говорит по-человечески? Но вот вожди и Ратмир с Анилой, в сопровождении свиты, направились в поселок. Там – в доме, построенном специально для Великого Вождя Конфедерации, – должен состояться великий потlach. Иными словами: банкет в честь прибывших.

3

...Вечером того же дня Ратмир и Сваниссит возвращались на корабль. Срок, указанный в увольнительной, истекал. Завтра учебный клипер должен покинуть порт. Кот Норт, заявив, что не видит в политических беседах ничего интересного (а всё вкусное уже съедено), напросился в этот поход: пассажиром.

– Я, честно говоря, не очень и опечалился от того, что мы не побудем здесь подольше, – заметил Сваниссит. – Когда я вернусь, окончив корпус, домой, мне ещё придется привыкать к некоторым нашим национальным особенностям, от которых я отвык в Европе.

– Так всегда бывает, когда попадаешь в другую среду, отличную от той, в которой провел много времени, – отвечал

Норт. – Всё тебе кажется: что-то давит и жмет. Хотя ничего такого и нету.

– К тому же, нас ждет не просто прогулка по морю, а настоящая гидрографическая экспедиция к Андреяновским островам, чтобы высмотреть бухты, годные для базирования боевых кораблей, – продолжил Ратмир.

– И ты заодно сможешь исправить свою тройку по навигации, если, конечно, не заведешь нас на край света! – со смехом закончил Сваниссит.

– Тройка, тройка... А кто подговаривал устроить кошачий концерт под окнами этой черноглазой, которая, вдруг, непонятно почему, предпочла тебе какого-то будущего юриста? – ворчал Ратмир. – Я ведь знал, что меня на следующий день спросят!

Вместе они поднялись на борт учебного клипера, доложились вахтенному начальнику и отправились в кубрик спать.

На следующий день, с утра, начался угольный аврал. Кадеты вместе с преподавателями-офицерами грузили в бункера клипера уголь. Начальник Корпуса любил повторять: «Офицер должен уметь делать всё то, что делает матрос, только – гораздо лучше». Вот и таскают будущие адмиралы на своих горбах мешки с углем. Хорошо ещё, что в бункерах «Атревиды» его помещается немного, так как основную часть времени клипер идёт под парусами. Здоровые молодые парни за два часа справились с погрузкой и даже успели ещё привести

клипер в надлежащий боевому кораблю вид, отмыв его от осевшей угольной пыли. Норт, как любой уважающий себя кот (уважающий себя кот не выносит ни угольной пыли, ни грязи вообще), прятался в низах. Лишь при съёмке с якоря он выбрался на палубу. Там он долго мылся – вылизывал себя языком. Лишь после чего, забравшись в «воронье гнездо» наблюдательной площадки, счёл своим первейшим долгом досмотреть свой сон, прерванный шумом аврала.

Команда сниматься с якоря последовала вскоре после завтрака. Портовой буксир быстро вытащил «Атревиду» из бухты. В открытом море клипер, поймав парусами ветер, взял курс на юго-запад. Кадеты исполняли не только обязанности матросов и унтер-офицеров, бегая по мачтам, работая кочегарами и машинистами. Они же были за штурманов, машинных инженер-механиков, делая работу офицеров и прапорщиков. Плавание было единственным способом исправить плохие отметки, полученные на аудиторных занятиях. Чем кадеты охотно и пользовались.

Как только клипер лег на курс, командир вызвал к себе Ратмира. Когда тот, войдя в салон, отрапортовал о прибытии, он сказал:

– Ратмир! У тебя, как вижу, всё идёт просто великолепно, кроме одной тройки по навигации. Я надеюсь, что на весенних репетициях ты покажешь такие же отличные знания по всем остальным специальностям. А чтобы тебе исправить этот досадный «уд», Проведи-ка этот поход за прокладкой

курсов, да заодно вспомни и рулевое дело. От остальных вахта тебя освобождаю.

– Есть провести поход за прокладкой курсов и вспомнить рулевое дело. Разрешите идти?

– Иди.

Ратмир, в которого в Корпусе, что называется, с самого детства крепко вбили строевую подготовку, чётко повернулся кругом и исчез за дверью.

– Да, плавание в этих почти не известных водах даст великолепную штурманскую практику, – думал Ратмир. – Так что несчастная тройка будет отработана с лихвою, да и с пользой для меня самого.

От командира он сразу же направился в штурманскую рубку. Наблюдатель спустил на палубу кота и, вне внимания к его недовольной воркотне, притащил туда же. (Ратмир попросил его об этом, чтобы не скучать на вахте). Штурман клипера охотно свалил на курсанта все заботы о курсе корабля, наблюдении за погодой и течениями. А, управившись с делами в штурманской, надлежало ещё встать к штурвалу.

Так шло плавание.

4

На пятый день Ратмир указал штурману на барометр:

– Господин лейтенант, последние дни барометр сильно и устойчиво падает. К тому же, начинают появляться перистые

облака, что говорит о том, что нам, по всему видно, скоро придется испытать серьезную бурю.

– Что ты, как штурман, посоветуешь сделать в данном случае командиру?

– Если бы у нас недалеко был порт, необходимо было бы зайти туда и переждать непогоду, а сейчас нужно уйти подальше от побережья, чтобы нас не выбросило штормом на берег.

– Верно. Вот так и доложи.

«Атревида» отвернула от берега. Шторм не заставил себя долго ждать: уже к вечеру этого дня пришлось убрать паруса, клипер пошел при помощи машины.

А среди ночи свистки боцманских дудок разбудили кубрик:

– Аврал, ходи все наверх!

Кадеты выпрыгивали из коек и, балансируя на уходящей из-под ног палубе, недоуменно смотрели друг на друга. Хотя самые догадливые уже поняли, в чем дело. Корабельные переборки сотрясались от ярости волн и ветра, но не испытывали равномерной вибрации, которая происходит от работающей корабельной машины. Окончательно сомнения развеял старшина парусной команды, грозный рык которого разгонял кадетов по местам при штормовом парусном аврале. Машина сломалась.

Едва продрал глаза, кадеты выскакивали из кубрика и сразу же вступали в яростную схватку с разбушевавшимся мо-

рем, которое старалось утащить их с палубы в холодную океанскую пучину. Волны взлетали до высоты мачт, врывались на палубу клипера длинными шипящими языками, готовыми слизнуть с нее людей. Судно под тяжестью возникших водоворотов то погружалось по самый фальшборт, то вырывалось из цепких объятий бушующей пучины. Цепляясь за леера, протянутые по бортам ещё с вечера, кадеты быстро разбегались по своим местам. Мигом взмокшие, они карабкались на мачты, а при резких кренах у них под ногами кипели в провалах волн пенные смерчи. Не легче была работа и у тех, кто остался на палубе: мокрые концы с невероятной силой выхватывало из рук, срывая при этом и кожу с ладоней, ноги скользили по мокрой палубе, обрушивающиеся на палубу волны грозили смыть моряков за борт. На штурвале стояли трое рулевых, изо всех сил стараясь увалить нос корабля под ветер. Но и их совместных усилий едва хватало. Чтобы корабль не стал к волне бортом, кадеты и офицеры бесстрашно вступили в битву против стихии – за жизнь корабля и за свои жизни. Необходимо было поставить паруса.

Наконец, после долгой и ожесточенной схватки с морем, клипер, подчиняясь поднятым штормовым парусам и рулю, понесся по ветру, перепрыгивая с волны на волну, словно хорошая скаковая лошадь, берущая барьеры. Обессиленные борьбой с морем, кадеты вновь спустились в кубрик. Усталость усталостью, а настроение было приподнятое. Будущие офицеры с мальчишечьей гордостью хвастались друг

перед другом синяками и ссадинами, полученными в жестокой борьбе, из которой они вышли победителями.

Гремя по трапу сапогами, в кубрик спустился рассыльный с вахты:

– Ратмир, Ратмир!

– Ну, здесь, я, чего орёшь?

– К штурману! Да не переодевайся: всё равно опять вымокнешь, пока добежишь.

...Ратмир, цепляясь за леера, добрался до штурманской рубки. В кубрике было тепло, а в неотапливаемой рубке, заваленной картами и заставленной различными приборами, зубы поневоле выбивали дробь.

– И как разминочка? – спросил штурман, протягивая Ратмиру стакан горячего чая.

– Да вроде бы ничего, спасибо.

– Можешь перебираться пока что в рубку, во время шторма штурман не должен ни на минуту покидать пост, нужно постоянно следить за переменной ветра, чтобы тебя – в конечном итоге – не разбило где-нибудь о камни. Я буду время от времени заходить и проверять. Заодно принесу сухие вещи.

– Есть.

Штурман вышел из рубки.

– Да, вот как отыгрываются нашему брату кошачьи концерты под девичьими окнами... – сказал Ратмир, глядя на репитер гирокомпаса.

На восьмой день с того времени, как «Атревида» попала в лапы свирепого шторма, вахтенный сигнальщик докладывал командиру: во время короткого прояснения, когда шапка мелкой водяной пыли несколько поднялась, он видел с обоих бортов клипера землю – два высоких мыса. Командир клипера вызвал Ратмира и штурмана. Когда они явились к нему в салон, проделав опасный путь по захлестываемой волнами палубе, он спросил:

– Что это могла быть за земля?

– Ума не приложу, – ответил Ратмир. – Здесь не должно быть островов, тем более – столь близких. Скорее всего, вахтенный ошибся.

– А вы уверены, что прокладка курса верна?

– Я сам по несколько раз в день проверяю. К сожалению, мы не можем провести наблюдения по звездам или солнцу, – вступился штурман.

– Где мы сейчас находимся?

– Примерно в тысяче миль от Хоккайдо.

– От Хоккайдо? Что ж, увидим. Можете идти.

К этому разговору они вернулись спустя ещё сутки, когда ветер внезапно стих и вслед за самым мощным его порывом натруженные паруса клипера заполнил теплый ласковый бриз. Сразу же распалась и пелена тумана. На небе выступили яркие – как будто умытые непогодой – звезды, чем не преминули воспользоваться штурмана, чтобы определить

свое местонахождение. Итог их работы был обескураживающим.

– Мы находимся у Азиатского побережья Тихого океана. Когда взойдет солнце, мы сможем увидеть побережье острова Сахалин, – доложил командиру штурман.

– Значит, кадет Романов ошибся? Или ветер изменился?

– Нет, ошибки не было. По всему видимо, во время шторма мы попали в сильное течение, которое снесло нас на север.

– Но ведь здесь нет таких сильных течений!

– Наши карты этих вод составлялись не менее тысячи лет назад, а Тихий океан сейчас почти не изучается, так что я вполне допускаю наличие очень сильного неизвестного течения. К тому же: взгляните на термометр. Ведь сейчас февраль месяц, а на нем пятнадцать градусов тепла по Цельсию. Насколько я знаю, в этих местах должны быть очень низкие отрицательные температуры. Всё это также говорит за наличие сильного теплого течения, определяющего погоду.

– Что ж, посмотрим. Подождем, пока рассветёт.

Рассвело. И, действительно, по левому борту открылось низкое побережье. К нему и направилась «Атревида», ловя громадою парусов боковой ветер. Чем ближе становилось побережье, тем безотрадней была картина, которая открывалась мореплавателями. Норт (который всё время шторма прятался где-то в низах) поднялся на палубу и недовольно заметил:

– Никогда не видел более унылого и некрасивого пейзажа! А ведь я читал: на этом острове когда-то были великолепные леса.

Набегая на берег моря, громоздились застывшие лавовые волны, извергнутые низкими остывшими вулканами. Куда не бросишь взгляд, – всюду однообразная серая пустыня, которую лишь иногда разнообразили нагромождения камней от кратеров, разрушенных землетрясением.

– Да-а, сардукары и император знали свое дело, – проговорил Ратмир. – Неужели все земли России, кроме заполненных ледником, представляют такие голые и неплодородные глыбы лавы?

– Раз уж нас занесло в столь отдаленные края, мы просто обязаны описать побережье, хотя бы примерно, ведь японцы не дали нам ни каких сведений об этих краях, – заявил командир.

Клипер приблизился к берегу и стал медленно огибать северную оконечность острова. Штурман и Ратмир занялись описанием побережья, занося в лоции ориентиры для безобсервационного определения местонахождения корабля. «Атревид» не имела времени для произведения детальных промеров, можно было остаться без пищи и воды для пути обратно. Да и не было на этих берегах ничего, что могло бы заинтересовать когда-нибудь других мореплавателей. Можно было смело сказать: если когда-нибудь люди и посетят эти места, – разве что случайно, и на берег сходить не бу-

дут, а, следовательно, подробная разметка прибрежных глубин не нужна.

Внезапно с марса грот-мачты раздался крик наблюдателя:
– Прямо по курсу баркас!

Все имеющиеся на борту бинокли вскинулись, отыскивая цейсовскими линзами замеченный вперёдсмотрящим баркас. Но в их услугах не было необходимости. Означенный объект появился из-за мыса, образованного наплывом лавы, всего в полумиле от «Атревиды».

– Это не баркас, – уточнил Ратмир. – Это морская ладья, похожая на древнерусские поморские кочи. Ну и суматоха у них там, на борту! И это – не японцы.

Действительно: на борту ладьи невооружённым взглядом была видна суматоха. Люди работали веслами вразброд, пытаясь развернуть тяжело груженую посудину к берегу. Их типично европеоидные бородатые лица время от времени обрачивались в сторону клипера. Костюмы гребцов напоминали древнерусскую одежду: просторные кафтаны со стоячими воротниками и застёжками из кручёного шнура.

Наконец, им удалось развернуть свое судно. Ладья под дружными взмахами весел понеслась прямо на берег. На «Атревиде» прибавили парусов. Клипер стал быстро нагонять её. Над ладьёю закурился дымок. В носовое украшение «Атревиды» впиалась пуля.

– Alarm, артиллеристы – по местам, всем лишним покинуть палубу, не подставляться под пули! – закричал капитан.

Хотя с ладьи больше не стреляли: чужаки, проскочив в небольшой заливчик, образованный двумя застывшими потоками лавы, выбросились там на берег и, оставив разбитый корабль, попрятались среди камней.

– Что будем делать? – задумчиво проговорил командир. – Не воевать же с ними.

– Нужно вступить в переговоры, – заявил Ратмир. Теперь он был уже не просто кадетом Морского Корпуса: при встрече с не известной ранее цивилизацией именно ему как сыну правителя, достигшему совершеннолетия, доставалась ноша принятия решения. Так гласил закон.

– Спустить паровой катер! – закричал командир клипера. – Десантная партия пойдет на катере на берег под белым флагом и под командованием...

– Я тоже должен пойти, господин капитан первого ранга, – сказал Ратмир.

– Это опасно: тебя могут убить, если чужаки проигнорируют белый флаг.

– Но ведь там наверняка – русские, а я знаю от отца их язык, возразил Ратмир. – Говоря на одном языке, мы быстрее договоримся.

– Откуда ты взял, что они – русские! – проворчал командир. Задумался на несколько секунд. Произнёс: – Хорошо. Лейтенант де Лонгви, – обратился он к механику, – принимайте под свое начало десантную партию, но действуйте осторожно. Едва чужаки вновь откроют огонь, – сразу назад!

Десантная партия из десяти кадетов при одном старшине давно заняла места на катере. Как только механик и Ратмир присоединились к ним, катер отвалил от борта «Атревиды». Огибая клипер, он направился к берегу. На кормовом флагштоке развевался военно-морской флаг Танора, а старшина поднимал на штыке винтовки белую салфетку – флаг перемирия.

По всему было видно: белый флаг подействовал. Выстрелов по катеру с берега не последовало. Серые глыбы лавы настороженно молчали. И в этой тишине прозвучал громкий мужественный голос, предостерегающий по-русски:

– Чужаки, стой, не подходи ближе, или мы будем стрелять!

– Стоп машина! Полный назад! – приказал Ратмир и, взобравшись на капот катера прокричал: – Не стреляйте, мы не враги вам!

На берегу совещались. Затем поднялся из-за камней один из чужаков. Это был, действительно, огромный мужчина, разве что великан Атог мог бы сравниться с ним статью. Черная борода в которой скрывались губы, сливалась с черными выющимися волосами на голове, пронзительные черные глаза пристально и недоверчиво оглядывали пришельцев. На нем был надет доспех: бахтерец с дорогой золотой насечкой, поножи и поручи; на наборном поясе висели большой тяжелый меч и пистолет.

– Кто вы и зачем пришли в русские земли? – обратился он к танорцам.

– Я сын правителя Танора Ратмир Романов, мы пришли к вам с миром, наш корабль случайно занесло штормом в эти широты, – отвечал великану Ратмир. – С кем я имею честь говорить?

– Я николаевский купец Ставр, – ответил великан. – Ставр Алексеевич Чёрный. Так зовусь.

– Ты слышал? – долетели с берега и другие голоса. – Романовым чужанин величается! Никак врёт? А может, и не врёт, что тогда?

– Разрешите нам пристать к берегу, – продолжал Ратмир. – Клянусь, мы не причиним вам зла.

– Хорошо, приставайте. Но не выходите все из лодки. – (Катер, дав ход, приблизился к берегу и с хрустом вылез на мель. Ратмир сразу же спрыгнул в мелкую воду и направился к купцу, который ждал его, положив руку на рукоять меча. Жест был величественный. И своевременный. Чувствовалось напряжение). – Говоришь, пришли к нам с миром, а почему ж тогда ваши братья разорили починок в бухте Де-Кастри?

– Поверьте, что флот Танора непричастен к этому. В Тихом океане, кроме нас, находятся ещё несколько наших кораблей, но все они – далеко отсюда, – возразил Ратмир. – На вас могли напасть и наши враги.

– Да, у вас другой флаг. И воины, которые громили починок, смотрелись совершенно иначе. И не говорили на русском языке. – (Ставр оторвал ладонь от рукояти меча, задум-

чиво погладил бороду). – Значит они вам – враги?

– Да, скорее всего, это наши враги сардукары. Хотя и наши люди, за малым исключением, не знают русского языка.

– Сардукары, говоришь? Что же привело вас к русскому побережью? – уже спокойно спросил купец. Обе стороны – танорцы и его спутники, – опустив оружие, с любопытством оглядывали друг друга.

– Я сказал уже, что нас пригнал сюда шторм, но, раз мы обнаружили здесь новую цивилизацию, то наш долг завязать с вами дружеские отношения, – отвечал Ратмир. – К тому же, мы сможем помочь вам в отражении нападений сардукаров.

– Слышь, большой, у них с ними тоже нелады! – зашептал другой бородач, перекидывая за спину ружьё на ремне. – Коли товар добросить пособят, не свести ли к Николаевску? Судно-то у нас, всяко сказать, – в щепу...

Великан оглянулся на своих. Голос умолк. Ставр проговорил:

– Мы бы показали вам путь к Николаевску, Ратмир Романыч. Да корабль наш разбит.

– Конечно, мы поможем с перевозкой товаров. А далеко ли отсюда город? – спросил Ратмир. – Я бы хотел от имени правителя Танора говорить с вашим правителем.

– Николаевск – в устье реки Амур, совсем недалеко отсюда, – отвечал купец. – Правителей у нас не водится. Городами и землями управляют старшины. Те, кого выберет народное вече. Вече и решит, дружественны ли будут отношения на-

ших народов. А пока же вам – гостеприимство. Как послам.
«Амур... Амор... Amore River... Река Любви...» – застучало в голове у Ратмира.

6

На следующее утро клипер «Атревида» уже пробирался по неизвестным фарватерам неизвестной реки. Его вёл лоцман, которого Ставр Алексеевич Черный предоставил танорцам. Ратмир (он по прежнему исполнял обязанности штурмана) понял, что русские ни чем не рискуют, проводя танорский корабль к своему городу. Ведь в случае разрыва отношений ни один штурман не сможет без длительных промеров найти фарватеры!

Наконец, клипер подошел к материковому берегу. Взорам моряков предстали великолепные пейзажи, в которых флора, присущая северу России, соседствовала с великолепными экземплярами южных растений. Сказывалось действие сильного теплого течения. Среди девственной зелени проглядывали то одинокие усадьбы, окруженные засеянными полями и обнесенные деревянной городьбой, то – укрытые за крепким деревянным тыном селения, чьи постройки лепились друг к другу, словно опята на пне.

Ратмир и командир клипера беседовали с купцом. Ставр говорил:

– Наши земли – от границы с Китаем до самого северного

моря и от побережья до истоков реки Зеи. Основные города – это Николаевск, Аян, Охотск, Магадан, Петропавловск и Анадырь, все они – по побережью, а вглубь материка уходят пригородки, они подчиняются этим городам. Ещё есть починки и заимки свободных поселенцев. Кроме того, выше по Амуру, в станицах да немалых городах Хабаровске и Благовещенске, живут казаки. Это...

– ...землепашцы и воины, – досказал Ратмир.

– Верно, воины-пограничники. – Ставр кивнул. – Хранят нас от набегов соседей.

– Большие ли у вас города? – спросил командир.

– В Николаевске – тысяч около тридцати, в остальных – несколько меньше.

– Вас так мало? – спросил Ратмир.

– А что ж всему народу в городах тесниться? Работа – в пригородках, в починках, на заимках. Там и народ.

Наконец, клипер обогнул лесистый мыс. Взорам открылся широко раскинувшийся по сопкам город. Он был окружён высоким деревянным тыном: стволы исполинских дубов – в четыре ряда, междурядья забиты землей и камнями. В тыне – проходы ворот. Над ними – башни, строенные из диких валунов. Камни были скреплены не раствором, а едино лишь своей формой, что придавало конструкции особую несокрушимость. Со стороны моря защитой города являлся земляной форт, в котором были установлены небольшие бронзовые пушки, заряжающиеся с дула. Центр форта –

приземистая башня, построенная по тому же принципу, что и надвратные башни, – глядел на всех проходящих с моря стволами огромных медных орудий: в каждый из этих столов спокойно пролезла бы голова вместе со шляпой.

Сам город просматривался с реки, как на ладони. Распланированные улицы с деревянными усадьбами о двух, а то и – трёх этажах. Прodelав немалый путь по холмам и сопкам, они сбегались к обширной площади, посреди которой высилась центральная крепость. О ней Ставр сказал с уважением в голосе: «Детинец». Эта крепость была строена из цельных, правильно отесанных камней гранита. Бойницы её так же глядели пушками. А город утопал в зелени: многие усадьбы даже не угадывались за завесой садов и палисадников.

На правом берегу великой реки дымились кузни и железоделательные мастерские. Оттуда несло духом паленых дров и горячего железа. Напротив – на городском берегу – поднимались причалы с пришвартованными лодками, челноками, расшивами и ладьями. Прямо с причалов богатые дары природы и произведения рук человеческих перекачевывали в приречные купеческие склады, откуда уже расходились по лавкам и магазинам.

При появлении в виду города «Атревиды» в Детинце ударил к тревоге колокол. Люди от причалов и складов, от стоящих на воде и вытасненных на сухое кораблей устремились к городу – под защиту крепостных стен. Навстречу им бежали в береговую крепость воины с мушкетами. Над крепостны-

ми валами уже плыли едва видимые дымки пальников.

– Тревога в городе, это они вас испугались, – заметил купец. – Остановите корабль. А то они ведь и обстреляют.

– Спустить паруса, к постановке на якорь! – закричал командир, и кадеты разбежались по мачтам, сворачивая паруса. – Катер под трап.

Всё делалось архимгновенно. Вскоре клипер, потеряв те немногие паруса, какие были ещё подняты, вцепился в дно реки раскоряченными лапами своих якорей и застыл на спокойной воде. Под его бортом оказался катер, на который спустилась десантная партия. Кадеты были в парадных формах. Спустились туда же Ратмир, командир клипера и Ставр со своим старшим приказчиком. Катер, отвалив от борта «Атревиды», заскользил к небольшой пристани, прилепившейся у основания форта.

По всему было видно: поведение пришельцев несколько успокоило русских, и самые любопытные уже выходили к реке. Но городские ворота оставались закрытыми, а с валов форта за кораблем наблюдали сотни глаз. На пристань вышли три человека в бронях, с оружием; в руках одного из воинов был серебряный горн.

Ударившись о сваи причала, катер застопорил ход. С него сразу подали на пристань швартовочные концы, которые были приняты и закреплены. После чего на причал сошли Ставр, Ратмир и командир клипера.

– Ставр! – закричал стоявший впереди воин в дорогих до-

спехах, с большим боевым топором на поясе. – Если ты привел к нам врагов, я тебя раздавлю, как лягушонка!

«А такой раздавит», – подумал Ратмир. Ведь даже купец, выглядевший бы в Европе великаном, был на целую голову ниже этого воина... и гораздо уже в плечах.

Но купец не испугался. Он весело ответил:

– И чего же ты, Степан Твердиславич, орешь, не вызнав наперед, в чем же дело? Я привел посланников далекого европейского народа.

– Я сын правителя Танора, меня зовут Ратмир Ратмирович Романов, и по законам моей родины я имею право представлять здесь моего отца, – вступил в разговор Ратмир.

– Посадник города Николаевска и глава Совета Посадников Войский Степан Твердиславич. – (Великан коснулся груди: ладонь гулко легла на броню). – Что ты предложишь?

Глядя снизу вверх на великана, Ратмир отвечал:

– Я бы хотел видеть наши народы дружественными, и я уверен, что таково же было бы желание моего отца. Я уверен, что наши народы могут многим поделиться друг с другом: как в торговле, так и в знаниях.

– Это уж как рассудит вече! – Посадник повернулся к спутникам и приказал им: – Отбой тревоги, к нам пришли друзья.

Один из спутников посадника поднял горн. Разлилась мелодия отбоя. Над городом раздались радостные крики, ворота открылись, горожане бросились к реке, чтобы как следу-

ет рассмотреть пришельцев. Толпа была настолько плотной, что гонец, посланный посадником с приказом созвать городское вече, едва пробился в город. Сам, Степан Твердиславич, с отрядом воинов-ротников, сопровождал гостей. Отряд словно плыл посреди волнующегося людского моря. Со всех сторон виднелись любопытствующие лица. Народ, вслед за отрядом, втягивался в ворота, направляясь к Вечевой Площади у подножья Детинца. Едва гости вошли в город, как зазвучал Вечевой колокол. На этот раз – не к тревоге. Да и без него николаевцы уже собирались на площадь. Люди стояли плотной стеной, оставив лишь один проход к ступени – возвышению, которое являлось продолжением крепостной стены. На ступень уже взошли старшины городских концов – важные бородачи в накинутых на плечи нараспашку меховых плащах, с непокрытыми головами.

– Бояре ждут, – пояснил Степан Твердиславич. – Как они ваши одеянья-то рассматривают!

Пришедшие заняли место на краю ступени, чуть впереди кончанских старшин, и некоторое время ждали, пока смолкнет колокол.

Вся площадь была занята народом. Вечевой колокол оторвал людей от работы, и пришли на вече они в рабочем своем платье. Здесь перемешались армяки, кожаные фартуки, белые вышитые и простые льняные рубахи, кожаные кафтаны, плащи из темной материи. Кузнецы и углежоги приплыли с того берега в теплых штанах и валяных сапогах, надеваемых,

чтобы не опалить ног при огненной работе; большинство же николаевцев были в сапогах и простых полотняных портах. Волосы многих перетянуты шнурками, чтобы пот не стекал на лицо и не ел бы глаз. Видны были седые головы, черно-волосые, рыжеватые. Но лица казались одинаково свежими. Даже лица стариков.

Впрочем, сверху Ратмир хорошо различил: народ стоит не толпою, а четким порядком, все – по местам, отведенным для городских концов; в пределах порядка просматривались улицы, каждую улицу возглавлял уличанский старшина. Пришли не только мужчины но и женщины; правда их было значительно меньше, так как голос на вече имели лишь хозяйки. Среди темных одежд мужчин их блузки и сарафаны выделялись, как яркие цветы на лугу.

Висел над площадью гул голосов: николаевцы обсуждали последние события, взбудоражившие весь город.

Наконец, колокол смолк. Все кто хотел прийти на вече, – собрались. Посадник поднял руку ладонью вперед. Гул голосов сразу же смолк.

– Братья, николаевцы! – объявил Степан Твердиславич. – К нашим стенам ныне притекли посланцы от великого европейского народа, народа Танорского. Пришли они к нам с миром, а остальное сами скажут. – Степан Твердиславич оглянулся в сторону Ратмира. Умолк. А речь посадника ещё гремела над площадью: глашатаи передавали его слова в самые отдаленные ее концы.

– Николаевцы! – заговорил Ратмир. От имени правителя и народа Танора, который стоит на страже мира и справедливости в Европе, я предлагаю вам союз против общих врагов, врагов всего человечества, против сардукаров. Наши технологии гораздо выше ваших, но мы поделимся ими с вами, что поможет вам сделаться сильнее и богаче...

Ратмир говорил четверть часа. Он развернул перед николаевцами великолепные перспективы развития их края. Ведь, обладая высокими технологиями, русские стали бы монополистами в Азиатско-Тихоокеанском регионе Нового Мира. Тихий океан осваивают только пираты, сардукары же, связанные войной в Америке, ещё довольно долго не смогут как следует освоить западное побережье её, следовательно – не смогут помешать развитию. Надо пользоваться моментом.

Вот глашатаи повторили вслух последний тезис. Напряженная тишина повисла над площадью: николаевцы обдумывали слова Ратмира.

– Что скажете, братья? – обратился к народу Степан Твердиславич.

Из ряда кончанских старшин вышел пожилой седовласый купец. Он заговорил негромко, не напрягая голоса; его слова так же передавались по всей площади глашатаями:

– Сын правителя Танорского говорит, что от союза этого Город наш получит прибыли великие, и славу, и безопасность. Да никогда не бывает ведь так, чтобы одна страна помогала другой, не взявши ничего взамен. Каких же прибы-

лей ждет ваш народ от этого союза?

Ратмир прекрасно понимал, что может явиться наиболее уязвимым пунктом его речи. Но он был готов честно ответить на этот вопрос. Танор, действительно, выигрывал, обретая на Тихом океане могучего союзника: таким образом, происходило распыление сил сардукаров по двум фронтам – в Атлантике и Тихом океане. Что вооруженный конфликт с сардукарами неминуем, – практически никто в Таноре не сомневался. Опираясь на русские порты николаевцев, конвои Танора могут спокойно проходить в Торговую бухту, не подвергаясь ни океанской трепке, ни нападениям сардукаров и пиратов. О пиратах надо помнить: хотя безо всякого плана, хотя и стихийно, всё же они осваивают Тихий океан. Немалую выгоду извлекут из союза с богатыми русскими городами Восточного берега Тихого океана торговцы оружием и станкостроительные заводы Танора. Ирокезы крайне бедны, поставка каждой третьей винтовки им происходит практически даром. А русские отплатят с лихвой. И за оружие, и за технологии.

Все это Ратмир рассказал вече, не скрывая ничего. Даже – неизбежную прибыль корпораций торгующих оружием и станками. Но именно эта откровенность была оценена народом.

– Союзу быть! – закричали николаевцы.

Не скоро стихли голоса. Ратмир закончил своё выступление такими словами:

– Немалую роль в союзе русского и танорского народов будет играть и то, что в жилах Правителя Танора, а, следовательно, и в моих жилах течет родственная вам, русская кровь.

7

После того, как народ николаевский разошелся с Вечевой площади, купец Ставр пригласил Ратмира, командира «Атревиды», посадника и старшин к себе на ужин. Чтоб пройти от Вечевой площади до дома Ставра, необходимо было пройти половину города, так как дом стоял близ Пшеничных ворот, обращенных не к реке, а к полю под городом. В Николаевске было не принято пользоваться извозчиками или каретами, не разрешалось ездить по улицам и на лошадях. Как простые люди, так и знатные горожане ходили пешком по тротуарам, выложенным деревом, и доски под ногами прохожих весело распевали на разные голоса. Перегибались через хозяйские заборы и нависали над тротуарами, создавая тень, ветви садовых деревьев. Стояла зимняя пора, но весь город был напоен пряным ароматом каких-то цветов. По дороге, выложенной булыжником, катились тяжелые телеги, в которых приезжающие в город жители окрестных починков и заимок везли продукты своего труда, чтобы торговать, или платить подати в городскую казну. Людей на улицах было множество, слышался шум голосов: николаев-

цы, оглядываясь на Ставра с гостями, что-то обсуждали меж собой. Идя мимо многочисленных лавок, торгующих съестным, горожане покупали различные закуски. Название одной Ратмир вспомнил по отцовским рассказам:

– Бублик!

– Точно, свои, – проговорил купец. Секунду подумал. – Винюсь, грешен, да... гнездилась в душе мыслишка. Всё ведь можно по грамоткам изучить. И политику, и хозяйство. Батькины только рассказы по грамоткам не изучишь! Простите, винюсь...

На дорогу ушло около часа. Но гости Николаевска не остались на это в претензии, вдоволь налюбовавшись непритязательной и простой красотой.

Усадьба купца Ставра занимала не один, а несколько участков и была прикрыта невысоким забором, сквозь щели в котором выбивались ветви растения, похожего на сирень с голубыми мелкими цветками. Эти цветы и придавали воздуху Николаевска его неповторимый аромат. Над забором тоже нависали плодовые ветви. Через калитку по дорожке, проложенной между деревьями, гости прошли в сени, укрывшиеся в их тени. Дорожка была выложена резными деревянными плашками, подобранными в затейливый узор. Вслед за сенями шли крытые дворы со службами, над которыми, на втором этаже, располагались спальни, горницы и открытые террасы, утопающие в зелени. Туда проводили гостей слуги.

Ратмир еле успевал вертеть головой, разглядывая и запоминая всё. Ковры на лавках, белая узорчатая скатерть на столе, по скатерти – блюда с закусками, графины, кувшины, и высокие хрустальные, оправленные в золото кубки...

Когда гости расселись на скамьи, в светлицу вошла совсем юная – не старше Ратмира – девушка со строгим и красивым лицом, с косою цвета воронова крыла. В руках её был ковш с вином.

– Подай, подай лакомство китайское, – обратился к ней Ставр. А гостям объяснил: – Дочка моя.

Она с поклоном подала ковш крайнему за столом. Тот, отпив глоток, передал его далее. Так ковш обошел всех гостей; девушка приняла его у последнего. Вновь поклонившись гостям, она бросила на Ратмира взгляд – и удалилась.

Ужин шёл своим чередом, завязывалась беседа. Николаевцы хотели как можно больше узнать о мире, от которого были отрезаны – выяснилось – более тысячи лет. С восторгом слушали они рассказы о других городах и странах. Николаевцы были не такими уж и невеждами. По разговору чувствовалось: они сохранили познания в точных науках, а в гуманитарных оставили европейцев далеко позади. Но развитие технологий задерживалось – в основном, тем, что не развивались соседние регионы, не с кем было конкурировать. Китайцы и монголы, с которыми контактировали русские имели ещё менее развитые технологии.

Вновь встал вопрос о закреплении союза. Ратмир объяс-

нял собеседникам:

– Правитель Танора, мой отец сейчас находится в гостях у Великого Вождя Ирокезской конфедерации, и как только мы починим машину нашего корабля, он сразу отправится в Торговую бухту, чтобы сообщить ему новости. После чего отец сам прибудет сюда для закрепления союза. А я на то время, пока «Атревида» будет находиться в плавании, с вашего разрешения, воспользуюсь вашим гостеприимством.

Такой вариант – заметно было – понравился старшинам. Они одобрительно кивали головами. Но посадник Степан Твердиславич был ещё не совсем убежден:

– А сумеет ли правитель Танора прогнать от нашего побережья врагов, которые плавают на большом корабле?

– Мой отец пришел в Тихий океан с конвоем, состоящим из торговых судов, в охранении которого – несколько военных кораблей. Как выглядит судно, с которого сардукары нападают на ваши берега?

– Очень большое, больше вашего корабля, у него три высокие мачты с длинными реями, на которых они ставят громадные паруса, но часто корабль идет совсем без парусов, и тогда из двух труб на палубе валит дым, – пытался описать вражеский корабль посадник. Внезапно он хлопнул себя по лбу: – Вот память! У меня же рисунок есть! – Степан Твердиславич достал из сумки-кармана свернутый вчетверо лист бумаги и протянул Ратмиру.

На листе весьма художественно был изображен старый

броненосный рейдер, которых до сих пор оставалось много в Европе, несмотря на появление более современных кораблей с лучшими боевыми качествами и большим ходом. Судостроители продолжали выпускать такие рейдеры из-за того, что они обладали – за счет парусов – очень большой автономностью, тогда как автономность кораблей с чисто винтовым двигателем была относительно небольшой и измерялась объемом угольных бункеров. Рассмотрев рисунок, Ратмир передал его командиру клипера и другим офицерам, приглашенным на обед. Все они признали в нарисованном корабле старый броненосный рейдер. Тогда Ратмир успокоил николаевцев:

– Можете не беспокоиться, флагман моего отца расправится с этим сардукаром в считанные минуты, даже без помощи остальных судов конвоя.

– На нем ведь может, кроме того, стоять старая артиллерия, тогда он будет для «Танора» совсем легкой добычей, – добавил артиллерист клипера.

– Но, – предостерег Ратмир николаевцев, – вам необходимо, как можно быстрее самим освоить выпуск железных паровых кораблей. Ведь, встретив здесь сопротивление, сардукары – это несомненно – пришлют в Тихий океан и более мощные суда, они у них есть. Однако я верю, – продолжал он, – что ваши мастера очень быстро смогут освоить наши технологии. О трудолюбии русского народа, как и о его военной доблести в былые времена складывались поговорки.

Степан Твердиславич крутил ус громадной рукой. Наконец, посадник произнёс:

– Вот это нам любо! Вот этому – быть! Моего меньшого в учение возьмёте? Он, конопатый воробей, к железякам с малолетства липнет...

Ратмир хотел завести разговор о девушке. Но промолчал. А в голове всё звучало:

«Город Юности... Река Любви... Амор... Амур...

Часть шестая. Сокровища России

1

Ремонт машины на клипере «Атревида» не затянулся надолго. Помогли местные мастера. Николаевцы разобрались в конструкции. Они даже изготовили в своих кузнях несколько деталей, без которых машина была бы очень ненадежна. И вот клипер берёт курс на Аляску, на Торговую бухту. На нём отплыл и николаевский посадник Степан Твердиславич Войский, оставив за себя своего брата – воеводу Домаша Твердиславича. Вече уполномочило его от имени Николаевска предложить танорскому народу – в лице правителя Романова – дружбу и союз. Романов-младший остался в Николаевске вместе со Сванисситом и котом Нортом.

Ратмир был рад. Всё, что произошло, – ещё больше укрепило его надежды. Танор обретёт не технически отсталых союзников, чьи нужды лягут дополнительной нагрузкой на промышленность. Танор обретёт союзников, которые заведут – с его помощью – своё (в том числе военное) производство.

Он целыми днями пропадал в книгохранилищах города или гулял по городу и окраинам с дочерью купца Ставра, которую звали Татьяной. Девушка сама вызвалась показать гостю книгохранилища, город и его окрестности. Они могли

часами рассказывать друг другу о своих странах.

Единственное, что огорчило Ратмира: в книгохранилищах он не обнаружил никаких упоминаний о том, что же произошло с Россией во времена правления императора. Самые старые хроники относились к 2587 году. Под влиянием вновь открывшегося теплого течения начинал таять ледник, которым сардукары сковали российские земли, загрязненные ядерными ударами. Но сохранились также свидетельства, что и до этого – на леднике – жили русские люди. А что же происходило между 2026 годом, когда по России были нанесены ядерные удары, и периодом составления хроник? Информация отсутствовала.

Информации о современном положении дел было, разумеется, куда больше. Русские земли представляли собою конфедерацию городов-государств – Вечевых республик. Под властью основных городов находились земли с пригородками (сравнительно небольшими городами, основанными выходцами из основных городов), починками, где жили по несколько семей, и заимками, на каждой из которых жила, обыкновенно, одна семья. Все земли подчинялись своим центрам, в центральных городах управляли посадники. До 3000 года городами управляли князья. Не сразу выработалась у людей ответственность за свои собственные решения, без которой невозможно существование Вечевой республики. Это заняло не один век. Но постепенно Народное Вече получало все большую и большую власть. Князья ста-

новились простыми старшинами или посадниками.

В пограничных регионах существовали казачьи округа и станицы. Там управляли атаманы, выбранные на Казачьем Круге. Они подчинялись решениям совета посадников, которые, в свою очередь, выражали волю вечевиков своих городов.

Изредка – всего пять раз со времени создания Вечевых республик, – города-государства враждовали меж собою. При этом обычно составлялись коалиции во главе с двумя основными соперниками – Николаевском и Петропавловском. Победа в этих конфликтах оставалась за тем, на чью сторону вставало больше городов-государств. В трех конфликтах победил Николаевск, на сторону которого – помимо соседних городов-государств – вставали казачьи округа; в одном победа досталась коалиции, возглавляемой Петропавловском, а один раз конфликт завершился вничью. Во время войн ни разу не брались центральные города, даже пригородки редко попадали в руки противника. Это – сколь мог судить Ратмир – происходило потому, что у русских практически не имелось осадной артиллерии, почти вся она была стационарной и выполняла функции защиты городов.

В отличие от Ратмира, занимавшего свободное время интеллектуальной деятельностью, Сваниссит заполнял свои дни состязаниями с николаевской молодежью. В молодых русских людях он нашел для себя сильных соперников, ка-

ких у него не было в Европе. Ну а кот Норт...

Норт вёл себя странно. Он целыми днями пропадал в девственных лесах вокруг города. Он даже иногда пропускал время обеда! Ранее это ему было совершенно не свойственно. Своё поведение кот объяснял тем, что древняя флора и фауна, которые сохранились здесь лучше, чем в других местах на Земле, достойны самого пристального изучения.

Так шли дни. Не всегда мирные. Пришла весть: на одно из поселений напали сардукары. Но их встретили ротники Города. Они открыли по сардукарам мушкетный огонь, а затем, в рукопашной, перебили весь десант. После этого нападения прекратились. Но Ратмир опасался, что этот десант не станет последним. Что представляют собой сардукары – эти лишенные эмоций хладнокровные пришельцы из древнего «небесного корабля», которые сумели развернуть на Земле столь широкую, хорошо спланированную агрессию, он знал от отца и его друзей-ветеранов. Сам он с сардукарами пока не встречался. Николаевцы же вообще ничего не знали о сардукарах, впервые столкнувшись с ними. Они называли сардукаров «пешая нелюдь». Не имея известий, Ратмир даже стал опасаться, что сардукары, проведя разведку, пустились в обратный путь, так, или иначе, но об угрозе с их стороны временно забыли. А зря.

Ратмир вышел из беседки, сделанной из стеблей вьющихся растений. Таких беседок много было настроено в лесу

недалеко от города, здесь любили отдыхать в свободное время николаевцы. Но сейчас – рабочий день. Вокруг – ни души. Только городской пастух на далеком лугу собирал стадо, чтобы вести его с выпаса в город: доносились звуки рожка.

Они с Таней часто уединялись, беседуя обо всякой всячине. Эти встречи укрепляли дружбу, которая началась со взгляда, брошенного Таней в день приезда, на пиру. Дружба имела своё продолжение, когда девушка вызвалась показать Ратмиру книгохранилище. А сейчас они просидели в беседке несколько часов, даже и не заметив пролетевшего времени.

Он подал девушке руку, та оперлась на неё, чтобы спрыгнуть с невысокого порога на землю. Не выпуская её руки из своей, Ратмир молча пошел в сторону города. Что-то мешало вновь продолжить прерванный разговор. Такое ощущение, как будто за ними наблюдают. Таня повернула к нему своё прекрасное лицо и улыбнулась. Но вдруг её улыбка померкла:

– Ой, там кто-то есть...

Ратмир – по чину дипломата, которым он был в Николаевске, – носил оружие. Не тратя времени, чтобы выяснить причину испуга девушки, он выхватил саблю. Развернулся. Точным движением заблокировал тяжёлый меч. И лишь тут понял: это – меч сардукарского рейнджера, и рейнджер, скорее всего, хотел оглушить его плоской стороной этого меча.

Позади первого виднелись ещё две фигуры с безносыми

тёмными лицами.

Ратмир немало обучался фехтованию. Не только в Корпусе. Многому научил его дома отец – лучший фехтовальщик Европы, которого, в свою очередь, многому научил покойный император ацтеков Куауатемок. Но здесь были уже не уроки! Трое хладнокровных опытных вояк против одного мальчишки-кадета! Помогало лишь то, что враги явно не хотели его убивать, а лишь пленить.

Сталь клинков со звоном сталкивалась и отбрасывалась назад. Ратмир поймал одного врага на противоходе, уклонился от его клинка и нанес скользящий удар по лицу. Но в этот момент ещё один рейнджер, скрывавшийся до этого в кустах, подкравшись сзади, схватил Таню. Девушка закричала. Затем вдруг вцепилась зубами в руку рейнджера. Тот свободной рукой ударил её по лицу. Развернувшись к нему, Ратмир, опустил саблю прямо на голову рейнджера. Сардукар упал, выпустив Танину руку. Ратмир хотел вновь развернуться к прежним двум противникам. Но не успел. Сильный удар по голове погасил сознание.

Когда Ратмир очнулся, он понял, что сидит, привязанный веревками к стулу в каюте корабля. За открытым иллюминатором виднелись волны. Обстановка – упрощённая и безвкусная – подсказала ему: он находится на корабле сардукаров. Если офицерские каюты и кают-компании на кораблях Танора – из-за различных украшений, мягкой мебели и

красивых занавесей, – по словам одной из европейских газет, «больше походили на будуар парижской модницы, чем на жилище боевого офицера», то каюты сардукарских кораблей нельзя было сравнить даже с кельей. Всё здесь предельно просто и функционально.

Ратмир выругался про себя. Увлёкся боем! Фехтовальщик! Чем теперь обернётся для Танора его пленение? Впрочем... чего ж махать кулаками после драки! Ратмир решил: шантажировать отца его жизнью сардукары не смогут. Он, Ратмир, не позволит им этого. Лучше – смерть. Но что же с Таней? Впрочем, не стоит торопить события. Решив так, он успокоился. И, когда дверь каюты открылась, он уже вполне спокойно встретился взглядом с ее хозяином.

К удивлению Ратмира, этим хозяином оказался человек. Это был сухощавый джентльмен в костюме, с черными короткими волосами, прямым длинным носом, неприятным узким ртом и карими пронзительными глазами. Левая рука мужчины лежала на дверной ручке, а правая была засунута за отворот пиджака. При виде пленника рот его растянулся в улыбке. Переступив через комингс, незнакомец вошел в каюту. Придвинул стул ближе к стулу Ратмира. Уселся, опустив подбородок на согнутую левую руку, которая лежала на спинке стула (правая же рука всё так же скрывалась за отворотом). Вновь улыбнулся. Участливо справился:

– Как вы, Ратмир Ратмирович, себя чувствуете?

– Благодарю вас, хорошо, – отвечал Ратмир. – С кем имею

честь?

Даже если бы я и не знал, что вы, Ратмир, – танорец, я бы сразу же понял, это, едва услышав ваши слова! – Хозяин каюты рассмеялся, и, видя в глазах собеседника вопрос, пояснил: – Всем известно, что танорцы – чрезвычайно вежливый народ, в этом они уступают только японцам. Меня зовут Дарт Вуд. Возможно, вы уже слышали обо мне?

«Дарт Вуд? Лучший разведчик американского Центрального Разведывательного Управления, которое подчиняется Ставке Большого Сардукара?» – (К счастью, Ратмир не произнёс этих слов вслух).

О нём он, конечно же, знал. Хотя, конечно же, опять-таки – понаслышке, по рассказам отца, по воспоминаниям друзей семьи, по тому небольшому объёму информации, который был доступен дома и в Корпусе. За этим человеком охотилась несколько лет назад танорская контрразведка. Охотилась долго... и – безуспешно. Разведслужба, с которой работал Дарт Вуд, являлась прямой наследницей ЦРУ США двадцатого века и комплектовалась исключительно из людей. Ни одного сардукара там не было. С течением времени ЦРУ потеряло свою славу всевидящего ока, работало оно сейчас до крайности грязно и неэффективно, лишь Дарт Вуд да ещё пара агентов спасали её от полного банкротства.

– По вашему виду, я делаю вывод: вы польщены тем, что вас взял в плен столь великий человек, – сказал Вуд.

– Самый великий и самый скромный, – парировал Рат-

мир.

Вуд рассмеялся:

– Вы абсолютно верно подметили, совершенно верно как то, так и другое.

– Чем вызвано было нападение на меня?

– Скажем так: мне захотелось побеседовать с вами, – вполне дружелюбно улыбнулся шпион.

– К вашим услугам, – в тон ему ответил Ратмир, решивший не обманываться от этого дружелюбия.

– Вы ведь знаете, что наша спецслужба сейчас очень быстро теряет свой авторитет, нам это, конечно же, не нравится; а происходит всё оттого, что у нас недостаточно денег. – (Вуд выдержал – паузу). – Да-да, вы не ослышались, сардукары предоставляют нам материалы и оборудование, но совсем не дают денег. Они не понимают, в чём заключается их суть. И наши лучшие агенты передаются в другие разведки, оставляя нас... как это говорится... у раз-би-то-го ко-ры-та.

– Печально, очень печально, – иронизировал Ратмир. – Хотя последние три слова, сказанных вами, – это, по-моему, не всеобщий язык.

– Да, очень печально, – согласился Вуд. – Так вот, Ратмир Ратмирович, вы способны помочь нам решить наши финансовые проблемы.

– Неужели? И каким же, интересно, способом?

– Видите ли, Ратмир... Многие считают всё это сказкой... Отец учил вас только русскому – или ещё и родному для ме-

ня mother-tongue? Он должен был помнить кое-что хотя бы по школе...

Вуд готов был говорить ещё. Но Ратмир вдруг всё понял. Вспомнилось, как он, отец, Сваниссит и кот Норт в подвалах дворца танорского правителя беседовали о Реке Любви, о Городе Юности. Норт ещё упомянул о разумных крысах, которые используются для подслушивания... Так, так!

Вуд внимательно смотрел на Ратмира:

– Вы не совсем правы. Подслушивал разговор не я. К сожалению, мой агент был пойман и съеден подчинёнными вашего кота Норты. Он не успел передать точный смысл разговора, успел лишь сообщить, что ваш отец расшифровал вам смысл каких—то загадочных слов... River of the Love, City of the Youth... Помните?

– Было бы глупо отрицать очевидное.

– Я очень рад, что вы не прибегаете к разного рода уловкам. – Улыбка шпиона в этот раз прямо-таки лучилась добротой. – Я охотно поведаю вам, что же случилось дальше.

– Премного обяжете. – Ратмир чувствовал: началась игра, в которой он либо победит, либо проиграет. Впрочем, – и он также понимал это, – у него практически нет шансов победить матерого волка. Но другого выхода у него не было.

– Да, я расскажу вам, хотя мне и будет не совсем приятно, – продолжал Вуд. – Узнав, что сокровища спрятаны именно в этих краях, директор ЦРУ сумел убедить Ставку Большого Сардукара послать сюда корабль, чтобы поискать

их. Незадолго перед выходом в море мы узнали, что ваш отец с торговым конвоем направляется в гости к своему союзнику – Атогу, и поэтому мне пришлось посетить Японию, чтобы проследить за вами; впрочем, мне это ничего не дало, хотя предприятие было очень опасное: японцы – великолепные контрразведчики. – Шпион поморщился, как от зубной боли. – Остальное вы и сами можете домыслить. Итак, видите сами, сколь я откровенен! И надеюсь, что с вашей благосклонной помощью ЦРУ сумеет поправить свои финансовые дела.

– Боюсь, что вынужден буду огорчить вас, мистер Вуд. – Ратмир понимал, что уже начинает проигрывать, ведь противник читал его мысли, как раскрытую книгу. Он старался говорить как можно спокойнее. Это плохо удавалось: противник полностью владел положением. Но что же все-таки делать?

Вуд с забавной миной милого сожаления проворковал:

– Я так и думал! Как танорец может помочь врагу своего народа? Нет, этого не может случиться! Впрочем, у нас ведь есть способы заставить вас помочь нам помимо вашей воли.

– Например?

– К чему заранее открывать карты, ведь существует очень много способов, но я всегда говорил, что самый верный способ заставить танорца заговорить – это поставить его перед выбором. – Вуд извлек из кармана колокольчик и позвонил. – Сейчас вы поймете.

Ратмир вновь допустил ошибку, когда два сардукара ввели Таню. Он попытался порвать связывавшие его веревки. Правда, он быстро овладел собой, но Вуд успел заметить его невольное движение, и Ратмиру показалось, что губы противника дрогнули в презрительной усмешке: мальчишка, мол. Шпион галантно уступил Тане своё место на стуле:

– Прошу вас, мисс.

Девушка не поняла его слов, но по жесту догадалась, чего от нее требуют, и села. Вуд повернулся к Ратмиру:

– Сейчас мы покажем вам, что мы сделаем с вами, если вы откажетесь помочь нам. Покажем на этой прекрасной мисс. Вообще-то мне кажется, – (шпион бросил на пленника хитрый взгляд), – что с русскими женщинами могут сравниться – да и то не совсем – только японки.

На этот выпад Ратмир не отреагировал. Но его напускное спокойствие говорило само за себя.

– Мне показалось, мистер Вуд, что у вас не слишком хорошие воспоминания о Японии.

– Вы правы. – Вуд достал правую руку из-за отворота пиджака. На ней не было кисти. – Я же говорил, что японцы – чертовски хорошие контрразведчики, до того хорошие, что мне пришлось оставить им на память свою руку. Впрочем, я отвлекся. – Шпион явно был раздосадован тем, что противнику удалось на несколько секунд перенести боевые действия на его территорию. Однако он довольно быстро оправился. – Приступим, с вашего разрешения.

Но Ратмир не хотел уступать.

– Слушайте, Вуд, а сколько процентов от клада вы рассчитываете получить в свою личную собственность?

Ратмир задал вопрос наугад, лишь бы потянуть время, но тут же понял по реакции противника, что нашел его слабое место. Дарт Вуд с загоревшимися глазами отвечал:

– Мне отвалят столько, что мне хватит на то, чтобы мне нарастили новую руку, хватит, чтобы безбедно прожить десять жизней, и, конечно же, хватит на продляющее жизнь лекарство. Ведь мне уже сто семьдесят семь лет, мне дважды давали это лекарство бесплатно как очень ценному агенту, но без руки я буду им не нужен... Итак, приступим!

Он подошел к Тане и начал привязывать её к стулу. Боевые действия опять переместились на позиции Ратмира. Как же поступить? Если невозможно спастись, то – спасти хотя бы девушку!

– Стой.

– Вы что-то надумали?

Ратмир, сделав самую простейшую мину, заявил:

– Если вы пообещаете отпустить нас, то я расскажу вам, где находятся сокровища.

И понял, что это такое – огонь наживы в глазах. Этот огонь вспыхнул в глазах Дарта Вуда:

– Конечно, я вас отпущу! И вас, и эту девчонку!

То ли шпион в предчувствии поживы утратил контроль над собою, то ли причина в другом, но теперь уже сам Ратмир

преспокойно читал его мысли. Вуд, явно, уже заприходовал в свои активы не только деньги, но и девушку. Что ж! Следует продолжать игру.

– Я должен переговорить с Таней, потому что она знает, где находится это место, а я знаю лишь, как оно называется. Таня часто ходила с отцом по Амуру и может показать путь.

– Так говори же быстрее, черт побери! – (Вконец потеряв над собою контроль, Вуд отбросил даже свою напускную вежливость).

«Вот что делает с людьми жадность!» – подумал Ратмир. Обернулся к Тане:

– Таня, помнишь, я говорил тебе, что знаю, где находятся сокровища ваших предков?

– Помню.

– И ты мне сказала тогда, что знаешь, где это место находится. Можешь ли ты показать его?

– Могу, но зачем это сейчас?

– Если мы не покажем им это место, они будут пытаться тебя, чтобы я сдался. Я не могу этого позволить. К тому же, этот шпион, видимо, положил на тебя глаз...

– Можешь сказать ему то же, что сказал своим родственникам старый еврей из анекдота, – перебила его Таня.

– Ты имеешь в виду анекдот, который кончается словами «Не дождётесь?» Но если мы уйдем с корабля, то у нас появится шанс бежать, особенно – когда они увидят сокровища. А потом мы приведем туда ваших ротников...

– Хорошо. Я согласна.

Ратмир повернулся к Вуду:

– Ваше предложение принято.

– Как будто, без особого энтузиазма. – Вуд покосился на

Таню.

– Она не верит, что вы отпустите её, – спокойно проговорил Ратмир. – Но ведь вы же обещали...

– Да-да, я обещал, – с торопливостью заверил его шпион. А Ратмир был уже совершенно спокоен и хладнокровно играл свою роль – роль благородного и наивного юноши. Теперь я оставлю вас, чтобы вы отдохнули до утра, а утром отправимся в путь на жругах. – Вуд, уверенный в своей победе, весело послал Тане воздушный поцелуй и, открыв дверь, вышел из каюты.

3

Утром с палубы сардукарского крейсера поднялись в воздух четыре крылатых дракона. На одном из них, который летел последним, восседал Вуд. На драконе, летевшем посередине, были привязаны Ратмир и Таня. На тех, что по бокам, сидели по два рейнджера.

Внизу тянулось зелёное лесное море. Тайга, которая была в этих местах тысячи лет назад, давно сменилась тропическими лесами на равнинах и субтропическими – здесь, на сопках, среди которых стоял когда-то Комсомольск-на-Аму-

ре. С трудом можно было бы узнать, мутировавшие, сосны, кедры и лиственницы, заросли дубов, берез. Иногда мелькали внизу небольшие поселения, вольготно раскинувшиеся по берегам речек и проток.

Расчет Ратмира на спасение строился на том, что жруги тоже были разумными животными. Кроме того, они были пацифистами. Сардукары когда-то захватили их родную планету и сделали жругов своими рабами. А чтобы те не вышли бы из подчинения, они изменили их генетический код таким образом, чтобы жруги не могли бы есть другой пищи, кроме той, которую дают они.

Жруги иногда попадали в плен к людям, так как сардукары использовали их в войне, но они не выживали среди людей: ведь они не могли есть. Люди расшифровали их язык и надписи, которые делали пленные драконы на стенах камер, узнав многое о сардукарах, и о самих жругах. Показательно было то, что, хотя сардукары и использовали жругов в войне, но те никогда не применяли в бою свои зубы или когти, предоставляя действовать своим повелителям.

Ратмир тоже знал язык жругов, они общались посредством легких ударов по телу друг друга, что-то вроде азбуки Морзе. И он начал пальцами связанных за спину рук, потихоньку барабанить по телу жруга, прося его, когда он подаст сигнал, улететь от конвоя, и доставить их в ближайшее поселение. Тот быстро согласился, жруги, при всей своей ужасной внешности предпочитали, если это возможно де-

лать добрые дела. К тому же крылатый дракон, предавая своих повелителей, ни чем не рисковал, так как их было немного и сардукары их очень ценили. Но пока что возможности бежать не было, потому что сардукары сбили бы беглецов из винтовок и Ратмир ждал.

Он хорошо помнил стихи, в которых указывалось точное местонахождение сокровищ. А штурману определиться на местности не трудно.

– Копайте здесь, это должно быть неглубоко, – сказал он, когда жруги приземлились, а конвоиры сошли на землю и отвязали Ратмира от седла.

Сардукары быстро сняли верхний слой земли. Открылся толстый деревянный рычаг, защищенный от гниения лаком. Вуд нажал на рычаг. Со скрипом отодвинулась огромная бетонная плита, под которой, в обширном помещении засверкали в лучах солнца, которого они не видели более тысячи лет, сокровища России. Вуд, совсем потеряв от радости голову, прыгнул под землю и оттуда раздавался его восторженный вопль. Трое рейнджеров стояли около края ямы, с интересом рассматривая блестящие штуковины, камушки и какие-то рисунки, за которыми так охотятся эти глупые люди. Около жруга остался только один из рейнджеров. Да и тот пытался со своего места разглядеть, что же там происходит. Следить за Ратмиром стало некому.

От удара ногою под колени охранник упал. А от следующего удара – в висок, он надолго потерял сознание. Бросившись

к жругу, Ратмир отбарабанил по его шкуре сигнал к побегу. Но связанные руки не позволили ему самому забраться в седло. Дракон – вместе с Таней, которая оставалась в седле, привязанная верёвками, – мгновенно взлетел выше деревьев. Девушка закричала. Но она не знала, как повернуть жруга назад, и её руки были связаны. Дракон продолжал набирать высоту. Рейнджеры открыли по нему огонь. Но все пули шли мимо.

Услышав выстрелы, из-под земли выскочил разъяренный Вуд. Держа левой рукою револьвер, он бросился вперед, чтобы застрелить Ратмира.

Понимая, что это конец, Ратмир привалился спиной к дереву. Он не считал себя в силах встретить жуткий застывший взгляд вечности – взгляд смерти и закрыл глаза. Увы, он не мог этим защитить своё сознание от звуков, которые продолжали рушиться на него со всех сторон. Шипение жругов, крики сардукаров, вопли Вуда, выстрел... и – ужасный рёв, который заглушил всё вокруг.

Глаза открылись сами собой. Что происходит?

Ратмир не мог ответить на свой же собственный вопрос. Мимо пронеслась в прыжке громадная полосатая туша. Взлетели оба жруга, которые до сих пор оставались на земле. Третий не двигался с места, лишь шипел и верещал. Сардукары, скидывая оружие, продолжали – один за другим – стрелять из винтовок. Вуд закрыл лицо здоровой рукой, не выпуская пистолета. Рык повторился. Ещё одна по-

лосатая туша пронеслась совсем рядом с Ратмиром. И он понял: это тигры.

Сардукары оказались растерзанными уже через несколько секунд. Шпиону повезло больше. Он, выпустив в пасть напавшего на него тигра, все оставшиеся патроны, бросился к последнему жругу. Вскочил в седло. Испуганный дракон сразу же взвился в воздух. Один из тигров, видимо задержавшийся, оказался прямо перед Ратмиром. Его зеленовато-жёлтые глаза сверкали, с клыков капала пена.

– Мя-а-а-у-а! – услышал Ратмир.

Между ним и хищником мелькнула рыжая тень.

Норт? Но откуда он здесь?

Изогнув спину и подняв хвост трубой, кот загородил собою Ратмира. Зашипел. Тигр не двигался с места. Кот испустил душераздирающий вопль.

Другой тигр оторвался от пиршества и прорычал, будто приказывая что-то. Тигр, который хотел напасть на Ратмира, жалобно мяукая, отступил. Но тут же заметил рейнджера, сбитого с ног Ратмиром. Вновь остановился. Оглянулся на жоака. И – с жадностью впился в жертву.

– Ф-фу! – совсем по-человечески вздохнул кот. – По всему видно, что мне уж на роду написано спасти семью правителя Танора. Надеюсь, когда-нибудь это оценят.

Вновь затрещали кусты. На поляне появился Сваниссит. Юный ирокез был недоволен:

– Эти здоровенные полосатые кошки отняли у меня вели-

колепную возможность испытать в действии мой новый топор!

– И получить несколько пуль от мистера Вуда. – Ратмир кивнул на убитого шпионом тигра.

Подойдя, Сваниссит помог Ратмиру освободиться от веревок, которыми тот был связан до сих пор.

– Я даже не верю, что я спасен. – Ратмир перевёл дух. – Как вы здесь оказались?

– Это элементарно! – отвечал Норт – Когда вы не вернулись вечером в город, вас стали искать – и около одной из беседок нашли двух убитых сардукаров. Я сразу понял, что здесь произошло и где вас следует искать.

– Но как вы успели прибыть сюда всего лишь за одни сутки?

– Это Норт, – ответил юный ирокез. – Оказывается во время своих прогулок он не просто знакомился с окрестностями Он, оказывается, нашел своих отдаленных родственников среди тигров, что нам, в данном случае, очень пригодились.

– Я сразу же стал искать тигров в лесу! – подхватил кот. – А когда нашел, то пообещал им много мяса, если они доставят нас быстро сюда и помогут расправиться с нашими врагами. Они согласились. А тигры умеют ходить по тайге! Так что мы прибыли вовремя, даже чуть раньше вас, и далеко опередили Таниного отца, который вышел сюда по реке!

– Нужно как можно скорее найти, Таню, – заявил Ратмир. Я договорился со жругом, что тот отвезет ее в ближайшее

поселение.

– Вот уж чего я не люблю, так это суетиться в обеденное время-а-ау, – заметил Норт. – Жруг наверняка отнес Таню в японскую деревушку, которая недалеко отсюда, и Таня, ду-маю приведет крестьян сюда. Давайте хотя бы перекусим!

Хорошо. – Ратмир, усевшись поудобнее, опять привалился к дереву. Я с тобой согласен. В первую очередь – потому, что за обедом следует послеобеденный отдых. Как я устал...

«А всё же я победил тебя, Вуд!» – успел подумать Ратмир, засыпая.

4

Норт оказался прав. Жруг, действительно, отнес Таню в ближайшую деревню, а затем – как только местные жители, японцы – крестьяне, освободили девушку от веревок, – вновь улетел на сардукарский корабль.

Это была одна из множества японских деревень на берегах Амура. В основном в них жили рыбаки и крестьяне. Их лодки иногда штормами выбрасывало на побережье, принадлежащее русским, и они уже не возвращались домой, находя здесь лучшую долю. Они могли спокойно обрабатывать землю, заниматься ремеслами, не опасаясь за свою голову, которую в Японии мог смахнуть просто так любой самурай. Японцы селились небольшими деревнями. Таковой была и та, в которую попала Таня.

Японцы очень хорошо знали Таниного отца, да и её тоже – она часто сопровождала отца в поездках. Так что селяне, захватив оружие, направились на помощь Ратмиру, хотя староста деревни и считал, что это предприятие безнадежное.

Дорога не заняла много времени. Когда японцы вышли на опушку леса, перед ними открылось незабываемое зрелище. По опушке бродили или лежали на траве восемь тигров. Некоторые умывались, как кошки, смывая со своих усатых морд кровь растерзанных жертв. Некоторые все ещё рылись в окровавленных останках. Сванисит сидел рядом с вожакom и чесал его за ухом. Огромный зверь шурился. Ратмир спал под большим одиноким деревом. Норт сидел поодаль, созерцая эту «идиллию».

При появлении японцев тигры развернулись в их сторону и, разом зарычали. Люди застыли на месте не смея приблизиться, лишь Таня, увидев, что Ратмир жив, с криком бросилась к нему, едва не сбив с ног одного из тигров, который с рычанием бросился в сторону, она обняла Ратмира за шею, и, спрятав лицо у него на груди, разразилась счастливыми слезами. Тигры явно были неприятно удивлены таким поведением, которое им отнюдь не понравилось. Особенно возмущался тигр, вынужденный уступить дорогу Тане, он недовольно ворчал, стучал хвостом и раздувал усы. Но Норт быстро успокоил вожака, а тот еще быстрее, одним авторитетным рывком, утихомирив своих подчиненных. Тигры убрались подальше от людей и сидели, дожидаясь обещан-

ной кормежки.

Староста японцев проговорил, кланяясь:

– Благородный господин устал, наша пришла ему помочь. – (Он указал на складные носилки, которые тащили двое его сыновей). – Благородный господин окажет честь нам, недостойным, посетив наш скромный селений?

– Спасибо вам, – ответил Ратмир. – Но носилки, мне кажется, не нужны, я вполне могу идти сам.

– Уступи им, – посоветовала Таня. – Если ты откажешься, они будут считать, что ты недоволен.

– Хорошо. – Ратмир улегся на носилки. Стариковское лицо сморщилось в довольной улыбке. Сваниссит покатился со смеху. Да и всё время пути он то и дело прыскал смехом: до того комично выглядел друг, смущенный таким обращением!

Когда японцы тронулись, вслед за ними пошли и тигры. Норт вскочил на носилки, и попросил Ратмира:

– Раз уж они оказывают тебе такие почести, то попроси у них немного мяса, чтобы расплатиться с нашими друзьями.

– Конечно. – Ратмир кивнул и обратился к Тане, шедшей рядом с носилками. – Таня, как зовут старосту?

– Тодзу.

– Это имя, или фамилия?

– Просто Тодзу. Я тоже считаю, что неудобно называть старика по имени, я сама раньше смущалась, но у них так принято, что господа, если и обращаются к ним, называют

их по именам. Хотя они и живут у нас уже давно, а так и не отвыкнули от своих старых обычаев.

– Тодзу, – позвал старосту Ратмир, – не можете ли вы оказать мне услугу?

– Старый Тодзу чем-то провинился перед вами, господин? – вопросом ответил старик.

– Нет-нет, – поспешил заверить Ратмир. Он не мог быстро привыкнуть к тому, что японские крестьяне пугаются вежливого обращения. – Всё прекрасно. – (Японец радостно закивал, выражая тем готовность исполнить любую волю благородного господина). – Я хотел бы просить вас накормить тигров, что идут за нами. Тигры спасли меня и ждут награды за это.

– Мы рады будем поделиться нашим мясом с усатыми господами, которые помогли благородному господину!

– И ещё, Тодзу: у вас есть лодка? Мы с Таней, Сванисситом и Нортом должны плыть вниз по реке к Николаевску.

– Есть! Хорошая лодка, хорошая!

Но лодка не понадобилась. Как только процессия вступила в деревню, из-за островов на середине реки вышла расшива, на которой плыли купец Ставр со своими родственниками, работниками, а также десятком ротников. Они отправились вслед за Нортом и Сванисситом и были чрезвычайно удивлены и обрадованы, когда увидели целыми-невредимыми всех четверых.

Купец обнял дочь. На глаза его навернулись слезы.

– Одна ведь она у меня осталась, – объяснил он свою слабость.

– Счастье великое, что вы нашлись, – сказал старшина ротников. И обратился к Норту и Сванисситу: – Но как же вы обогнали нас и сыскали их?

Норт поведал изумленным николаевцам о приключении с тиграми. Один из ротников заметил:

– Если б кто другой сказал, я бы никогда не поверил! Я ведь всегда говорил, и вы мои слова вспомните: – животные способны на многое!

– Вы абсолютно правы, – без ложной скромности заметил Норт. – Это должны были уже давно заметить в Европе.

5

Расшива купца Ставра медленно выплывала из-за речного песчаного мыса, за которым уже открывался город. Первое, что заметили на ней, – это то, что все речные ворота закрыты, а между городом и фортом мечутся ротники. Над бастионами форта вновь, как и в день прибытия «Атревиды» видны дымки пальников, которые раздувают артиллеристы.

– Никак беда какая-то стряслась? – заметил старшина.

Весла дружно ударили по воде и быстро вынесли расшиву к пристани Ставра, у которой стояли тщательно расчаленные ладьи и расшивы. Вновь прибывшие сошли на пристань. Ставр справился у сторожа о том, что происходит в городе.

– Враги, что плавают на большом дымящем корабле входят в устье Амура, – ответил сторож. – Наши ротники, на всякий случай, объявили тревогу, хотя враги вроде и не должны знать фарватеров.

– Вон как! – воскликнул Ставр, и бросил сторожу. – Пригляди-ка, старина, за расшивой. А мы – к воеводе, к Домашу!

Воеводу отыскиали в форте. Он был точной копией своего старшего брата. В том числе – и добродушием. Возвращение Ратмира обрадовало Домаша Твердиславича несказанно:

– Ай, и ладно, что вы вернулись, мы уж думали – как-то ведь придётся пропажу объяснять... – говорил он. – Не представляю, как бы мы выкрутились!

– Что же случилось? – задал вопрос Ставр.

– Сегодня утром вражеский корабль пытался подняться вверх по реке, фарватера, не нашёл, а сейчас – отлив, сидит чужак на мели, – объяснил воевода. – Ну, а мы ждём во всеоружии.

– Не хотелось бы вас огорчать, воевода, – заметил Ратмир, – но форт вряд будет городу хорошей защитой. Сардучарский крейсер несёт более современное оружие и приведет ваш форт к молчанию за полчаса или даже раньше.

– Что же нам делать? – (Воевода казался растерянным).

– Сардукары сейчас не имеют таких сил, чтобы захватить весь Николаевск, – сказал Ратмир. – Но их артиллерия может разрушить город. Под ударами снарядов погибнут многие невинные люди. А потому необходимо эвакуировать на-

селение, оставив лишь военных, и ожидать помощи от моего отца, он уже наверняка в пути. К тому же: мы нашли сокровища. Те, о которых говорится в старой книге. Требуется организовать их охрану.

– Следует ли мне объявить о наборе земского ополчения? – спросил Домаш Твердиславич.

– Да, на борту сардукарского корабля находится более пятисот матросов, а при столь большой разнице в вооружении нам нужен очень большой перевес в силах.

Воевода не стал терять времени даром. Он приказал всем николаевцам немедленно эвакуироваться из города, и по дорогам потянулись обозы с беженцами. Обгоняя их, неслись конные гонцы с приказом воеводы к землям: собирать ополчение. Гонцы выезжали парами, и все они имели по заводному коню: чтобы (как объяснил Домаш Твердиславич), прибив одного, иметь свежую смену.

Первое ополчение составлено было из горожан. По совету Ратмира ополченцы строили под городом земляные укрепления, рыли окопы, сооружали брустверы. Это было необходимо на тот случай, если сардукары попытаются высадить десант на паровых катерах.

И Ратмир оказался прав. Уже через два дня после того как сардукары безуспешно попытались войти в устье Амура, к заставам подскочил на взмыленной лошади посыльный от дозорного старшины:

– Где воевода? Срочное сообщение!

Домаш Твердиславич в сопровождении Ратмира, Сванисита и адъютантов вышел из форта.

– Что случилось?

– Старшина дозорный с Синего Колка приказал передать, что сардукары спустили с корабля оба паровых катера, которые тащат за собою по три баркаса с воинами. Около сотни солдат.

Воевода позвал одного из адъютантов и распорядился:

– Федор, скачи в город, передай, чтобы Вечевой Колокол ударил к тревоге.

Адъютант побежал к фортовой коновязи и, вскочив на коня, понесся к городу. Вскоре оттуда долетел набат Вечевоего колокола. В форте ему отвечали серебряные горны, призывая артиллерийскую прислугу к орудиям. Весь берег пришел в движение, ротики и ополченцы занимали свои места на укреплениях, а воевода с сопровождающими поднялся на башню форта. Внизу под нею, мимо форта, на рысях прошли сотни казачьего полка, квартировавшего в окрестностях Николаевска: они должны были встать в засаду – на случай, если сардукары высадятся ниже форта и попытаются прорваться к городу через вновь построенные укрепления.

С башни открывался вид на расширяющуюся воронку, пробитую Амуром среди окружающих сопок. И из-за одной из этих сопок, как черные дымящие утюги, выползли два паровых катера. Они, действительно, волокли на буксире

баркасы с десантом. Катера не торопились. Они вели промеры. За ними следили сотни глаз. Сильные чечевицы линз на катерах тоже осматривали берега, определяя место для десантирования. Вот катера приостановились на несколько минут: замялись, как сказал воевода. Но дым из их труб вдруг повалил гуще. Они ринулись на прорыв мимо форта. С них в его сторону полетели первые снаряды малокалиберных орудий. Они бились о башню, не в силах проломить её толстых степ.

– Да они, мне кажется, решили, что здесь будут стрелять не ядрами, а печеными яблоками! – заметил Ратмир.

Русские канониры выждали момент. И, когда катера находились прямо напротив форта, башня и земляные валы форта окутались черным пороховым дымом. Дым закрывал видимость, и результат залпа был пока не известен. По вот легкие порывы ветра разорвали дымное покрывало. На реке напротив форта остался только один катер. Огненное ядро пробило его борт и разворотило паропровод; теперь, окутанный облаками пара катер медленно продвигался вперед на остатках инерции. Все баркасы были разбиты прямыми попаданиями. Второй катер, пробитый ядрами, затонул.

Громкое «Ура» раздалось над фортом и над земляными укреплениями. Ротники бросились к лодкам, которые мгновенно были спущены на воду, и направились к потерявшему ход катеру. Сардукары пытались отстреливаться. Но лодок было много. Вскоре катер взяли на abordаж. С башни было

видно, как воины перепрыгивали на него. С экипажем николаевцы разделались быстро. Лодки притащили катер к берегу. Когда с него спустили тех, кого захватили живыми в бою, офицер обратился к Ратмиру:

– Надеюсь, в этой варварской стране знают наши обычаи возвращать пленных?

– Можете не беспокоиться, – ответил ему Ратмир. – Ваш топор от вас не уйдет. – Затем он обратился к воеводе: – Домаш Твердиславич, в Европе есть обычай. Когда берут в плен сардукаров, их затем возвращают своим. Я советую поступить так же.

– Для чего? – удивился тот. – Ведь они же сызнова пойдут воевать нас!

– Нет, они будут казнены. Все сардукарские воины, попадающие в плен, подвергаются казни, – объяснил Ратмир. – К тому же они не могут есть несинтетическую пищу и, следовательно, умрут у вас от голода.

– Ну и обычаи... Да уж коли так, – пускай убираются, мы и лодку им дадим... А можно ли обменивать их пленных на наших?

– Нет. Они ведь тоже не дурачки. Мы не казним своих пленных, и, следовательно, отпускать их глупо.

– Да, пожалуй, что так, – согласился воевода и подтвердил своё решение: – Пускай убираются. Одно слово: нежить!

Эта победа показала сардукарам, что с русскими шутки плохи, что, даже не имея современного оружия, они являются сильными противниками. Ратмир считал: потеряв более сотни матросов, сардукары сейчас уйдут из-под стен Николаевска. Но он был чрезвычайно удивлен, когда дозорные сообщили, что сардукары продолжают промеры при помощи шлюпок. Сваниссит заявил:

– На это у них уйдет полжизни, здесь и с катерами-то за год не управишься, а они на шлюпках! Так что, воевода, можете возвращать эвакуированных в город.

– А я, на вашем месте, не стал бы так делать. Кто его знает, что может случиться! – предостерег воеводу Ратмир.

– Хорошо, – согласился Домаш Твердиславич. – Я не стану возвращать беженцев в город, но можно отменить сбор земского ополчения.

– Это можно, – согласился Ратмир. – Я вообще-то не понимаю, зачем сардукары лезут сюда. Не могут же они всерьез считать, что их три с половиною сотни воинов, пусть даже вооруженных современным оружием, смогут удержать город! Корабельные орудия – и те им не помогут!

– А ты забыл о том, что мистер Вуд спасся? – напомнил Норт. – Похоже, он решил до тебя добраться.

Жизнь Николаевска потекла мирно. В той мере, конечно, в какой может быть мирною жизнь военного лагеря. Но, так или иначе, новых столкновений не происходило. Что-

бы ополченцы не мучились бездельем, воеводы производили с их помощью кое-какие ремонтные работы в городе и его окрестностях. Домаш Твердиславич с Ратмиром, Сванисситом и Нортотом ездили по реке выбирать места для будущих заводов, которые спустят на волны Тихого океана русские корабли. О кораблях уже шла речь по всему побережью. Купцы и бояре предлагали свои деньги, чтобы организовать различные производства.

Но тревога пришла.

Пришла она рано утром. Со стороны моря раздавался грохот орудий. Когда садились на коней, воевода спросил Ратмира:

– Как вы думаете, это пришел ваш отец?

– Не сомневаюсь в этом, как и не сомневаюсь в его победе, «Танор» – первоклассный крейсер.

Сочные черные комья земли летели из-под копыт, когда конвой воеводы вылетел на вершину сопки, с которой открывался широкий вид на Амурский лиман. Ратмир воскликнул:

– Я же вам говорил!

Внизу пылал выбросившийся на берег сардукарский крейсер; две его мачты из грех были сбиты, трубы повалены, огонь облизывал палубы. Экипаж спасался на берегу, сдаваясь в плен николаевским дозорным. А в полутора милях медленно продвигался вперед крейсер-яхта правителя Танора.

Гордо вздымались над водою его мачты с вымпелами правителя, огромный пурпурно-золотой флаг Танора развевался на кормовом флагштоке, из пяти труб валил дым. На палубе были видны матросы: они устраняли мелкие повреждения. А на мостике Ратмир разглядел своего отца, который осматривал берега в подзорную трубу. Победа, наконец-то – победа!

«Наконец-то, наконец-то я снова в России, хотя эти деревянные дома и древние стены так не похожи на родные и милые сердцу типовые «коробки»... – думал Ратмир Романов-старший. – Как приятно слышать русскую речь вокруг, она совсем не изменилась, хотя некоторые и ломают язык, подстраиваясь под древнерусский...»

Под бортом катера медленно струилась вода. Позади остались торжества по случаю заключения союза. Он оправдал надежды сына. Сын и отец думали совершенно одинаково. Отныне русский народ вновь поднимется на ту высокую ступень мировой известности, которой он и достоин. К тому же, у Танора на Тихом океане появится сильный союзник, и перед сардукарами встанет проблема второго фронта.

«Сам я уже вряд ли вернусь сюда, – думал правитель. – Мое место в Таноре. А вот сын – пусть он будет счастлив на земле предков вместе с этой девушкой, с Таней».

Это было хорошо, что молодые люди выбрали и друг друга в спутники жизни. Пусть они ещё и молоды, но это не главное. Союзы кровные всегда крепче союзов политических.

Правитель понимал: несмотря на молодость, сыну предстоит тяжелая работа. Объединить русские земли под эгидой Николаевска, создать мощную промышленность и, что тоже очень важно, организовать оборону от врагов, которые очень сильны. Впрочем, он здесь будет не один. Согласно договору, теперь конвои, идущие к ирокезам, будут заглядывать и в Николаевск. Они привезут сюда оружие, станки, технологии. С конвоями сюда придут инженеры и офицеры: одни помогут в строительстве, другие – в войне против сардукаров. Но, пожалуй, самое важное – то, что рядом с сыном будут трудиться и воевать русские люди, с которыми – что в труде, что в ратном деле – никто не сравнится.

Катер подошел к пристани японского поселения. Ратмир-старший легко перепрыгнул на хорошо подогнанные и выровненные доски. Вслед за ним на берег сошел лишь Норт: сына, Анилу, Атога и всех приближенных правитель оставил в Николаевске. Хотелось посмотреть, не сохранились ли в тайнике с сокровищами какие-либо документы, которые прольют свет на его появление здесь в это время, – более полутора тысяч лет спустя после рождения.

Японцы проводили их к хранилищу, у которого стояла японская же стража. Честность крестьян была такова, что можно было головой ручаться: отсюда не пропали и не пропадут ни одна пылинка золота, ни один драгоценный камень, ни одна икона или картина. В сопровождении Норты прави-

тель спустился вниз в хранилище. Взялся рукой за рубильник на стене, поднял его вверх. Зал бомбоубежища наполнился электрическим светом. (Система жизнеобеспечения сохранилась в прекрасном состоянии. «Умели же люди все-таки строить, – подумал Ратмир. – А всегда придурялись! Америка, пожалей, Америка помоги... вот и помогла...») Из глубины помещения послышались электронные сигналы. Это на стоявшем отдельно столе включился компьютер. Ратмир уселся в кресло перед дисплеем. Норт расположился на спинке кресла, с интересом рассматривая диковину. Как же работать с этой штукой? Лет пятнадцать прошло с тех пор как в последний раз сидел за «Пентиумом» у Василька Верещагина! То есть, полторы тысячи и ещё пятнадцать лет... Но все оказалось предельно просто. На экране сами собой возникали нужные пояснения, так что управиться мог бы даже человек, который компьютера, как говорят, в глаза не видел.

Ратмир погрузился в мир прошлого. На экране мелькали дома, автомобили, залы политических заседаний. Вот приземляется «шаттл», привезший на землю сардукаров. Ро-спуск ООН. Теперь пойдут войны, войны и войны. На экран вылезают танки, самолеты, боевые корабли. Рушатся дома, гибнут мирные люди. Страшно! И вот – весь мир у ног Соединенных Штатов. Точнее – у ног сардукаров. Сами Соединенные Штаты – в том числе. Кто присоединился, а кто покорен. Осталась только Россия. Но и она не сможет устоять перед новейшими сардукарскими технологиями. Против ми-

ровой американской экспансии встают простые русские люди. Как всегда бывало на Руси, они собою заслоняют Родину. Они делают оружие, не уступающее сардукарскому, и вот уже армии врага повержены во прах, разбиты, уничтожены. Тогда последний президент США, под давлением сардукаров провозгласивший себя Императором Земли, принимает решение о нанесении ядерного удара. Ответ Россия тем же, – и мир погибнет в радиоактивном пламени. Но русские, ценою своей гибели спасают человечество...

Ратмир очнулся. По дисплею шли уже последние кадры о том, как были спрятаны сокровища России, как загружалась в этот компьютер вся информация. Затем зазвучал голос:

– Люди! Те, кто нас услышит! Мы знали, что это будет. В 1988 году властные и силовые структуры получили от ученых так называемую «машину времени». Ученые побывали в будущем. Хотя есть предположения: это – лишь один из всех возможных вариантов будущего. Но то, что они там увидели и узнали, не смог увидеть и узнать больше никто. От современников эту информацию скрыли, хотя она и могла служить предупреждением. Все, участвовавшие в этом проекте, были по неведомому приказу уничтожены. И произошли все те события, о которых мы только что рассказали вам. Установка, построенная в городе Ульяновске, была уничтожена. Осталась экспериментальная установка в городе Таежном. Война уничтожила и её. Так что секрет путешествия во времени утерян...

Экран потемнел. Программа прекратила работу.

– Один из вариантов, один из вариантов... – промурлыкал

Норт. Хотя правитель не обратил на него внимания.

– Значит, пути назад нет, – произнёс Ратмир. – В конечном итоге, это ведь великолепно!

г. Хабаровск 2000г.